universität wien

DIPLOMARBEIT

Titel der Diplomarbeit

Die Rezeption der Schriftstellerbiografien Boris Zajcevs im kulturgeschichtlichen Kontext

Rezepzija pisateljskih biografij Borisa Zajceva v kuljturno-istoritscheskom kontekste

Band 1

Verfasserin

Elena Miglbauer

angestrebter akademischer Grad

Magistra der Philosophie (Mag.phil.)

Wien, 2009

Studienkennzahl lt. Studienblatt:	A 996996
Studienrichtung lt. Studienblatt:	Studium für Gleichwertigkeit UniStG
Betreuerin ODER Betreuer:	Univ.- Prof. Dr. Fedor B.Poljakov

Содержание

I. Вступление…….....…...2
II. Описание вопроса…….……....4
III. Появление биографий «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов»…….…..….8
IV. Биографии о писателях в освещении критиков Русского Зарубежья ……..…11
1. «Жизнь Тургенева»……..…….....13
2. «Жуковский»……...….20
3. «Чехов»…….…….25
V. Из истории изучения биографий Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов» за рубежом…….…33
1. Зарубежные литературоведы о Б.Зайцеве…….....33
2. А.Шиляева о «беллетризованных» биографиях Б.Зайцева..….35
3. Иво Хукс о творчестве Б.Зайцева в период изгнания Биографические произведения писателя в восприятии исследователя…….....43
VI. Научное изучение биографий Б.К. Зайцева, «*Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов»* в России в последнее десятилетие XX и начале XXI века…….....47
1. Актуальность исследования…….47
2. Основные направления в изучении творчества Б.К. Зайцева. Биографии русских писателей…….….49
3. Диссертационные исследования о биографиях «*Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов»*……..57
4. Монографии, посвящённые биографиям писателей…….…..64
5. Статьи о биографиях писателей…….…..…76
6. Последние монографии о творчестве Б.Зайцева…….…….….86
VII. Заключение…….88
VIII. Список использованной литературы……...….90
IX. ...Zusammenfassung der Diplomarbeit auf Deutsch…….…95
X. ...Приложения……...…117

Вступление

Борис Константинович Зайцев (1881-1972) один из наиболее известных писателей русской литературы XX века. Его имя долго было неизвестно широкому кругу читателей на его родине. Возвращение его творчества в русскую литературу, несомненно, обогатило её ценности. Известно более пятидесяти названий его книг на русском и более двадцати на иностранных языках. Существуют также многочисленные рассказы, эссе, статьи, очерки, письма и заметки. О Зайцеве написано уже очень большое количество литературоведческих работ, но до сих пор его литературное наследие представляется учёным-славистам не до конца исследованным. Одной из причин является разрозненность его архивов. Также многогранность литературного таланта Зайцева и жанровое многообразие его творчества открывают широкие пути для его изучения.

Находясь в вынужденном изгнании (1922-1972), Зайцев обратился в своём творчестве к биографиям таких известных русских писателей XIX века, как Жуковский, Тургенев и Чехов. В эти годы возрос интерес Зайцева к «Золотому веку» русской литературы. В творчестве классиков он ценил прежде всего их духовные устремления, поиски истины, отразившиеся в их творчестве. Таким виделось ему творчество Жуковского, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова и других писателей. Русская литература стала для писателя, находившегося в изгнании, неотъемлемой частью родины, связи с которой он ощущал через родную литературу. Духовные корни русской культуры Зайцев находил в религиозных и духовных традициях народа, в личностях святых: в Св. Сергии Радонежском и Св. Серафиме Саровском, а также в произведениях классиков русской литературы.

Биографии *Жизнь Тургенева, Жуковский* и *Чехов* являются одной из светлых страниц творчества Б.Зайцева. Они отражают духовные и эстетические ценности как самого биографа, так и русских писателей.

Для нас, людей последующего поколения, является особенно интересным, как были восприняты биографические произведения Зайцева его современниками и людьми его круга. Многие из них хорошо знали писателя, разделили с ним тяготы эмигрантской жизни. Для Зайцева данный период творчества оказался самым плодотворным, в полной мере открывшим его духовный потенциал. Он писал: «Всё, что написал более или менее зрелого, написано в эмиграции»[1]. По словам Т.В. Прокопова, там

[1] Зайцев Б. О себе//Соб. соч. в 5 т. Т.4, М., Рус. кн., 1999, с.590.

«Б.К.Зайцев за труженические полвека создал самое своё замечательное».[2]

Отрадным является то, что отдельные произведения Зайцева включаются в программное изучение российской средней школы. На уроках, посвящённых творчеству Жуковского, Тургенева и Чехова рассматриваются его писательские биографии.

[2] Прокопов Т.В. От составителя//М., Русская книга, 1999, т.1, с.3.

Описание вопроса

Сейчас о Зайцеве много пишут в России. Его творчество, человека гуманного, подлинного искателя истины, мечтавшего о возрождении духовных ценностей, привлекает внимание многих литературоведов и прежде всего людей интеллигентных. Его писательский образ многолик: это и человек-праведник, и философ или мыслитель, и отражатель «русской идеи» (Захарова), и писатель православной Руси и духовного реализма (Любомудров), и человек «метафизического настроя» (Миронова). Такое многообразие характеристик подчёркивает многогранность таланта Зайцева и богатство его внутреннего мира. Особое влияние на освещение творчества писателя и его биографий оказывает общая волна обращения к духовному. Зайцев много рассуждал о роли Промысла (Бога) в человеческой судьбе. Этому отвёл достаточное количество страниц и в биографиях о писателях.

В данной работе мы попытаемся проследить, как были реципированы биографии Зайцева в культурно-историческом контексте. Критики и писатели Русского Зарубежья первыми оценили их эстетическую ценность и «проложили» путь к научному изучению этих тем в творчестве Зайцева. На материале научных статей, монографий и других исследований российских литературоведов попытаемся определить, какие общие тенденции в изучении биографий писателей существуют сейчас. Актуальным также представляется то, что уже получило освещение в науке и в каком контексте изучается его творчество.

Многие из русских славистов пишут о духовной теме в творчестве Зайцева, привлекая также биографические произведения *Жизнь Тургенева, Жуковский* и *Чехов*. Некоторым учёным-филологам актуальным видится описание жанровой системы творчества Зайцева, а также жанрового своеобразия его биографий. Отдельные литературоведы предприняли попытку ответить, как проявилась личность биографа в них. «Художественные» биографии Зайцева «подтолкнули» филологов к идее рассмотреть лирическую прозу писателя в связи с «поэтическими традициями» Жуковского. На данный вопрос о творческих связях пытается ответить А.П. Черников. Жизнеописания Жуковского, Тургенева и Чехова большинство российских литературоведов представляют в своих работах с позиции духовной эволюции творческой личности.

Сейчас на родине Зайцева многие из учёных-славистов ставят знак равенства между писателем и мыслителем. Почему-то принято считать, что у самых талантливых из них

непременно существует концепция мира и человека или, по всей вероятности, есть философ, особенно близкий его мировоззрению и душе, откуда он «черпал» свои теории. Данный термин *концепция* пришёл в российское литературоведение из философии и довольно прочно в нём укрепился. Например, Е.В. Локтионова рассматривает личность и творчество Зайцева с «философских позиций»[3]. Эту идею она высказала на одной из научных конференций, посвящённых творчеству писателя.

Такой подход к освещению творчества писателей в российском литературоведении также имеет место. Для учёных-филологов, изучающих творчество Зайцева и его биографии, вероятно, поводом послужили его размышления о философии Соловьёва, а также статья о нём и большое количество писем и дневниковых записей, куда Зайцев записывал то, что волновало его душу. У него есть много размышлений о писателях и литературе, особенно о её «Золотом веке». Многие из литературоведов связывают авторские «концепции» с его циклом *Странник* (1925-1929), где он рассуждал о многих вопросах бытия, а также «вечных» темах, но не как философ, а как писатель. Филологи находят отражение его философии в публицистических, биографических и других произведениях. Всякий из писателей имеет право на собственное видение мира и человека в нём, но для этого не надо создавать никаких теорий. Как известно, Зайцев никогда не учился на философском факультете, а изучал горное дело и юридические науки. Сочинение литературных произведений связано у писателей не только с талантом, но ещё с душой и сердцем, а также с моментом озарения.

Сейчас в литературоведении существует вопрос, к какой линии в литературе отнести Зайцева. Ответ на это, как считают слависты, «дал» сам писатель. У него есть много размышлений о творчестве известных классиков и литературных традициях, отразившихся не только в публицистике, но и в писательских биографиях. В одном из писем Л.Н. Назаровой Зайцев писал: «...Тургенев во мне *внутреннее* сидел с детства... Но, повторяю, внутренно Тургенев всегда был мне близок, так что, в общем, считаю себя «в линии» его, то есть лириком и *не* романистом, а скорее по небольшим вещам ходоком» (11,196). Ещё в самом начале творческого пути Зайцева З.Гиппиус, анализируя ранние рассказы писателя, указывала на явные сходства в творческой манере Тургенева и Зайцева[4]. Например, современная исследовательница А.В. Громова

---

[3] Локтионова Е.В. Творчество Б.К. Зайцева в контексте литературы и философии «серебряного века»//Наследие Б.К.Зайцева: Проблематика, поэтика, творческие связи. Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рожд. Б.К. Зайцева. Орловский государственный университет, Орёл, 2006, с.33.

[4] Гиппиус З. Тварное// Тихие зори. Т.1, М.1999, с.588.

(Яркова), считает, что Зайцева следует отнести к пушкинско-тургеневско-чеховской линии[5].

Внимание учёных-славистов идёт сейчас на самые разные аспекты творчества писателя. Так, например М.Г. Миронова предложила в качестве материала для изучения «ритмическую организацию» творчества Зайцева[6]. Она пишет о нём как о человеке, который всю жизнь стремился к «слиянию с мировым духом, к познанию Бога»[7].

Каждое культурно-историческое время рождает определённые философские и эстетические системы взглядов, различные тенденции в литературной критике. Они связаны с историей и культурой народа, с общими направлениями творческого поиска. Попытаемся ответить на вопрос, что повлияло больше всего на интерпретацию биографических произведений Зайцева. Какой образ биографа существует сейчас в сознании современных российских литературоведов?

Одной из наиболее известных монографий о биографических произведениях Б.Зайцева является работа А.Шиляевой, в которой она подробно показала особенности метода «реконструкции» писателя. Исследовательница также научно представила особенности жанра и поэтики биографий. Мы остановимся также на монографиях А.В. Ярковой, Т.А. Степановой и Н.И. Пак, в которых они продолжают исследовать тему, начатую Шиляевой. В российском литературоведении существует ещё достаточное количество монографий, шесть из которых будут дальше рассмотрены в основных чертах.

В данной работе мы попытались обратиться к культурно-историческому и сравнительно-историческому методу с частичным использованием имманентного анализа.

Мы постарались привлечь работы тех критиков и литературоведов, которые лучше всего поняли творческий замысел Зайцева и оценили эстетическую ценность его произведений. Общее количество источников о творчестве Зайцева и его биографиях в данной дипломной работе представляют пятьдесят семь наименований, среди которых значительную часть составляют статьи и рецензии. Мы также обращаемся к статьям и письмам писателя и рассматриваем материалы научных конференций, проходивших в Орле и Калуге. Мы также частично коснулись монографии швейцарского исследователя Иво Хукс, внёсшего определённые дополнения в изучение биографических тем.

---

[5] Громова А.В.(Яркова). Б.К.Зайцев во Франции. Орёл, «Картуш», 2007, с.124-125.

[6] Миронова М.Г. Ритм в творчестве Бориса Зайцева// В кн. Проблемы изучения жизни и творчества Б.К.Зайцева. Первые Международные Зайцевские чтения. Калуга, 1998, с.36.

[7] Миронова М.Г. Указ. соч.. 37.

Все материалы для данной темы были в основном собраны в Москве в отделе Русского Зарубежья Российской государственной библиотеки. Многие из рецензий критиков русской эмиграции были с трудом восстановлены её сотрудниками и переписаны из газет на диафильмы.

К сожалению, географическая отдалённость от Москвы не даёт возможность привлечь работы о биографиях Б.Зайцева в более широком количестве. Не удалось, подробно ознакомиться со статьёй Л.Ржевского *Тема о непреходящем* и некоторыми другими работами литературоведов.

Появление биографий *Жизнь Тургенева, Жуковский, Чехов* Б.К. Зайцева

Весь золотой век — вопль по истине.

Б.К.Зайцев

Писание биографий есть нечто вообще смиряющее.

Б.К.Зайцев

Описание восприятия биографических произведений, принадлежащих перу Б.Зайцева, предполагает коротко обозначить точку зрения на них самого писателя, отразившуюся в публицистических статьях и беседах с исследователями его творчества. Как мы уже говорили, многие учёные-филологи рассуждают в своих работах, как складывались концепции его будущих биографий, также есть достаточное количество литературоведческих статей о жанре биографий в творчестве Зайцева.

В 1929 году редакция парижского общественно-политического и литературного журнала *Современные записки* решила издать серию биографий русских писателей. На страницах одного из номеров (1929, XXXYIII) появилось сообщение о подготовке к печати следующих художественных биографий: И.А. Бунина *М.Ю. Лермонтов*, Б.К. Зайцева *И.С. Тургенев*, М.А. Алданова *Ф.М. Достоевский*, В.Ф. Ходасевича *А.С. Пушкин*, В.Ф. Ходасевича *Г.Р. Державин*, М.О. Цейтлина *Декабристы*. К сотрудничеству были приглашены очень известные писатели Русского Зарубежья.

Б.К.Зайцев позднее вспоминал в беседе с Ариадной Шиляевой: «И я и Ходасевич - мы написали, а Иван (Бунин, - А.Ш.) ничего не сделал».[8]

Предложение редакции написать биографию Тургенева совпало с творческим замыслом писателя. Обращение Б.Зайцева к биографическому жанру не было случайным и было связано как с общим процессом развития литературы Русского Зарубежья, так и с личным интересом к русской культуре и литературе, через которую писатель, находясь в изгнании, ощущал свою связь родиной. Вдали от России он писал: «Не называя имён, можно всё же сказать, что в огромной части писаний эмигрантских за спиной стояла великая русская классическая литература. Русский «дух духовности» и гуманизма жив в

[8] А.Шиляева. Б.Зайцев и его беллетризованные биографии. New York: Волга, 1971, с.59.

ней, да и как не жить, если все на нём были воспитаны и им воспитаны?»[9].

Справедливо высказывание исследователей о том, что Б.Зайцев обратился к жанру биографии только за рубежом. Для писателей-эмигрантов было свойственно обращение к историческому прошлому своей страны и биографиям великих людей. Одна из литературоведов, изучающая биографические жанры в европейской литературе и в Русском Зарубежье, отметила: «Возникновение жанра художественной биографии явилось выражением глобальной тенденции всей европейской литературы XX века с её интересом к психологии и судьбе отдельной личности».[10]

В статье *Двадцать первое марта* (1949) Зайцев охарактеризовал общее положение литературы эмиграции и преобладание в ней биографического жанра. Он отметил такую закономерность: «Взгляд очень многих оказался устремлён на фигуры мирные русской художественной духовной литературы. Распоряжений и заказов здесь не было..., но вот ряд писателей обратился душой и сердцем к тому истинному и прекрасному, что дала Россия. Литература, музыка, образы наших святых... Создалась целая библиотечка биографий и агиографий».[11] Кроме того, биография — особый жанр, по мнению писателя: «Писание биографий есть нечто вообще смиряющее. Пишущий освобождается от себя, живёт чужой жизнью, к которой всегда у него отношение «преклонения»...

Писатель очень привык с собою носиться. Биография же учит смирению».[12] Писание биографических произведений, по мнению Б.Зайцева, имеет высокий смысл, заключающийся в отказе от собственного эго и следовании собственному духу.

В своих религиозных воззрениях писатель был близок Н.А. Бердяеву и В.С. Соловьёву. Сердцем и вниманием своим он был привязан к России и в духовности её культуры видел её исключительность: «Истина всё-таки придёт из России. Только не под тем обликом. «Святою Русью» - в *новых* её формах, в бедности и простоте, тишине, чистоте, незаметно, без парадов и завоеваний».[13] Её задача - «просветить усталый мир»[14]. О своей задаче художника слова Б.Зайцев писал: «В «*Жизни Тургенева*» - прикоснуться к литературе русской золотого века, в «Преподобном Сергии Радонежском» - к русской

---

[9] Зайцев. Б. Изгнание. Т.2, М., Русская книга, !999, с.488.

[10] Яркова А.В. И.С. Тургенев в творческом сознании Б.К. Зайцева.Автореф. ...канд. филол. наук. СПб.,1999, с.5. http://www.yarkova. lodya.ru/Alla3.htm

[11] Зайцев Б. Двадцать первое марта. Т.9, М.,2000, с.271.

[12] Там же, с.271.

[13] Зайцев Б. Странник. Дневник 1925-1929 гг. Т.9, с.55.

[14] Зайцев Б. О себе. Т.4,с.591.

святости».[15]

Его художественные биографии стали итогом многолетних размышлений автора, его духовных поисков. Интересны они тем, что открывают нам нравственные и эстетические ценности писателей, а также рисуют духовный облик самого Зайцева, человека искренне верующего и благородного. Права одна из исследовательниц, писавшая о том, в биографиях отразились «этико-эстетические представления писателя, претерпевшие трансформацию в результате исторических катаклизмов, потрясших Россию и весь мир в целом».[16]

Первая художественная биография писателя *Жизнь Тургенева* была начата им в 1929 и завершена в 1932 году. Отдельными главами она была опубликована на страницах парижского журнала *Современные записки* (1930, №44; 1931, № 45-47). Её главы были также напечатаны в газете *Возрождение* (Париж - 1929, 23 августа, №1543; 1930, 24 мая, №1827; 30 августа, №1925; 21 сентября, №1937; 26 октября, №1972; 1931, 23 января, №2061; 11 мая, №2061; 11 мая, №2169, 12 июня, №2231). Первое книжное издание вышло в YMCA-Press в 1932 году в Париже. В России она была издана впервые в журнале *Юность* (1991) и в книге *Зайцева Б. Далёкое,* подготовленной Т.Ф. Прокоповым и вышедшей в свет в 1991году.

Над биографией Жуковского Б.К.Зайцев работал в первые послевоенные годы. Впервые она была напечатана фрагментами в *Новом журнале* (Нью-Йорк, 1947-1949. №17, 19-21) и в парижской газете *Русская мысль* (1947. 26 июля, 1 нояб.; 1948, 11июня, 31дек.;1949, 22 апр.) Полное издание книги было опубликовано в 1951 году в Париже. Первые публикации в России — в историко-литературном журнале Академии наук *Русская литература* (1988, №2-4) с вступительной статьёй и комментариями Ю.П. Прозорова.

Биография А.П. Чехова выходила отдельными главами в журналах *Русские записки* (Париж, 1939. №16), *Опыты* (Нью-Йорк, 1953. №2), *Новый журнал* (Нью-Йорк, 1954. №36, 37), *Современник* (Торонто, 1960, №1) и газете *Русская мысль* (Париж,1954. 23 апреля и 14 июля). Первая публикация книги появилась в издательстве им. А.П. Чехова к траурной дате писателя в 1954 году, пятидесятилетию со дня его смерти.

Критика восторженно встретила произведения Зайцева. Сам же писатель оценивал их очень скромно. Спустя годы на вопрос С.Крыжицкого о том, как он оценивает свои

---

[15] Зайцев Б. О себе. Т.4,с.591.

[16] Щедринац Н.М. Борис Зайцев//Литература русского зарубежья. Учебное пособие.1920-1990, М., «Флинта», с.92.

«романизированные» биографии, Зайцев ответил: «Я их считаю второстепенными, потому что много там есть всё же пересказа, много вычитанного из книг, а не взято из плоти и крови своей»[17].

Биографии писателей в освещении критиков Русского Зарубежья.

Национальность литературы создаётся
её языком и духом, а не территорией,
на которой протекает её жизнь,
и не бытом в ней отражённым.
Владислав Ходасевич.

Зайцев был одним из самых уважаемых и читаемых писателей в Русском Зарубежье. В юбилейных статьях о нём писали как о «большом, настоящем писателе»,[18]а В.Вейдле назвал его «последним русским писателем», для которого самым главным являются сострадание и любовь, свобода и совесть.[19] Т.Прокопов отозвался о нём как о большом духовном искателе, увлечённом поиском «истинно нравственного поведения», который «каждой своей строкой пытался вносить в людские души искры добра, разжигая их в золотой костёр любви и милосердия, справедливости и правды»[20]. Н. Струве писал о нём как о писателе-праведнике, воплотившем в себе «лучшие качества русского человека и писателя»[21].

У представителей Русского Зарубежья сложился свой облик Зайцева-писателя, апеллирующего к миру души и человеческих чувств. О нём писали как о создателе новой эстетики, отражающей христианское видение жизни, одновременно лирически-примирённое (Ржевский). Основой такой оценки творчества послужили также биографии о писателях.

---

17 Крыжицкий С. Разговоры с Б.К. Зайцевым//Т.11(доп.). Письма 1923-1971. М., Рус. кн., 2001, с.356.

18 Степун Ф. Борису Константиновичу Зайцеву- к его восьмидесятилетию//Встречи. Мюнхен, 1962, с.123.

19 Вейдле В. Русский писатель. К восьмидесятилетию Б.К.Зайцева//Вестник русского студенческого христианского движения. Париж- Нью-Йорк, 1961- №1, с.1-3.

20 Прокопов Т. «Всё написанное мною лишь Россией и дышит». Борис Зайцев в эмиграции. М.,Русский писатель, 1999, т.2, с.24.

21 Струве Н. Писатель-праведник. Памяти Б.К. Зайцева//Соб. соч. в 5 т. Т.7 (доп.), М., Рус. кн., 2000, с.467.

Его книги о И.С. Тургеневе, В.А. Жуковском, А.П. Чехове, написанные во Франции, нашли отклик у многих эмигрантских критиков. О них писали П.Бобринский, П.Пильский, Г.Адамович, Н.Андреев, П.Бицилли, Н.Кульман, М.Алданов, П.Ершов, Р.Плетнёв, Г.Мейер, Г.Ржевский и другие. Отзывы о романах-биографиях содержатся также в юбилейных статьях В.Завалишина, Ф.Степуна, В.Вейдле.

Большое число дискуссий вызвал художественный метод биографических произведений, удачное определение которому дал Н.Струве, «метод вчувствования». Само название его, данное литературоведом, подчёркивало значимость человеческих чувств и мира души, указывая на особенность дарования Зайцева.

В.Завалишин акцентировал внимание на жанровом своеобразии произведений, сравнивая их с симфониями: «Это не исследования, не литературные труды, а художественные произведения, если угодно, литературные симфонии, где жизнь и творчество трёх больших писателей переложены на музыку слова».[22]

Критики ощутили духовное родство Зайцева с изображаемыми писателями, а также подчеркнули жанровое своеобразие этих произведений. Книга «*Жизнь Тургенева*» (1930-1931) была названа «беллетризованной биографией» (Г.Ржевский), «монографией» (Ф.Степун); книга «*Жуковский*» (1947-1951) - одной из удачных «художественных биографий» (Н.Андреев). Книга «*Чехов*» (1954) получила в редакции подзаголовок «литературная», что автор никак не ободрял. По высказываниям А.Шиляевой, подзаголовок был дан без ведома автора.[23]

Т.Прокопов высоко оценил «художественную» биографию Зайцева. «Жизнь Тургенева»,- писал он, - явилась книгой первопроходческой и новаторской, она вызвала столько похвальных откликов, сколько не удостаивалось, пожалуй, ни одно из произведений Зайцева».[24]

Остановимся на оценках известных критиков Русского Зарубежья.

---

[22] Завалишин В. Борис Зайцев (к восьмидесятилетию). Новый журнал. Нью-Йорк, кн. 63, 1961, с.144-145.

[23] Шиляева А. Б.Зайцев и его беллетризованные биографии. New York: Волга, 1971.С.37.

[24] Прокопов Т. Указ. соч., с.15.

«Жизнь Тургенева»

П.М. Пильский (1876-1941), прозаик и критик, одним из первых отозвался на первую художественную биографию Тургенева, назвав свою статью «*Светлые узоры*».[25] Само заглавие хорошо соотносилось с импрессионистической манерой письма писателя. Отметив сложность задачи изображения внутреннего мира Тургенева, критик подчеркнул, что автор нашёл «чудесный тон описания». Он писал: «Тургенев у него возникает, как самый живой, самый тесный образ... В этой биографии светлые узоры, тонкая проницательность, ясность тонов, музыка сердца, дружественное приближение к тоскующему тургеневскому «я». С этих страниц встают рассветы и сумрак, ночные беспокойства, неразделённая любовь, идеалистические увлечения, разочарованная примирённость...».[26] Биографа привлекла не столько внешняя сторона жизни писателя, сколько его внутренний, иррациональный мир, душевные переживания. По мнению критика, автор сумел услышать «биение тургеневского сердца», правдиво воссоздать духовный мир своего героя. Манеру письма художника слова он характеризует как лирическую. Хороши отдельные эпитеты, «угаданные оттенки чувств». «К повествованию о внешних фактах тургеневской жизни Борис Зайцев равнодушен»[27]. Но там где звучат «лирические струны», проницательность писателя помогает ему заглянуть «внутрь и вглубь человеческой души», особенно при изображении И.С. Тургенева.[28] Зайцев прекрасно воссоздал обстановку тургеневских лет. Особенно удачными критик считал изображения природы и характеров персонажей: графини Ламберт, Савиной и Агашеньки.

Положительную оценку художественным приёмам в изображении характера Тургенева вынес известный филолог и критик Русского Зарубежья П.М. Бицилли (1879-1953). «Бор. Зайцев, - отмечал он, - задался целью изобразить конкретного Тургенева. По-видимому, это ему удалось. По крайней мере его Тургенев производит впечатление аналогичное тому, какое остаётся от тургеневских произведений, если читать их, отрешившись от представлений, созданных о них русской критикой: всё написанное Тургеневым поэтично, изумительно, умно, тонко, высокохудожественно, высоко культурно, и в то же время читателю от них не по себе».[29] Ключом к пониманию

---

[25] Пильский П. Светлые узоры. «Жизнь Тургенева» Б. Зайцева//Сегодня.1931, №357, с.4.
[26] Там же, с.4.
[27] Там же, с.4.
[28] Там же, с.4.
[29] Бицилли П. Борис Зайцев «Жизнь Тургенева»//Современные записки. Париж,1932, №48, 455-457.

характера великого писателя прошлого Б.Зайцев считал его творчество, тщательно им изученное. Автор статьи отмечает точность, правдивость, деликатность в изображении Тургенева. По наблюдению П.Бицилли, Зайцев правильно уловил противоречивость в характере писателя, показав, нечто «нежилое», что делало Тургенева «непереносимым для жизненных людей», что было причиной его столкновений».[30] Писатель, по мнению критика, указал его «неспособность веселиться весело», его обречённость своему фатуму. Далее он замечает: «Тургенев постоянно влюблялся, но по-настоящему любил только Природу - он и был прежде всего величайшим изобразителем Природы. Верил же только в Смерть, символом которой была для него роковая женщина, то живая, то призрак, проходящая через все романы и фантастические рассказы. Эта магическая религия Тургенева хорошо охарактеризована автором; правильно оценены им, как художественные произведения и как биографические материалы, те тургеневские вещи, в которых разрабатываются «фантастические» мотивы; верно подмечено и прослежено настроение, по мере приближения к концу жизни, в душе Тургенева «магических» предчувствий, переживаний, страхов... Тургенев отождествил Любовь со Смертью, развивши и углубивши тему гоголевского «Вия», по-своему её осмыслив».[31]

Далеко не во всём можно согласиться с критиком в его толковании темы любви и в её отождествлении со смертью. Данная тема имела важное значение для Зайцева в связи с интерпретацией творчества Тургенева и изображением его душевного мира. Наряду с магическим, любовь имела у него и светлое, божественное начало. Таким увидел его биограф. «Он (Тургенев) не только считал, что видит Божество в глазах любимой, но полагал, что любовь вообще расплавляет человека, как бы изливает его из обычных форм, заставляет забывать о себе - «выводит» из личности (соединяя с бесконечным). Не все могут любить. Есть лишённые этого дара. (Он не любил толстовского Левина - считал очень холодным, не умеющим любить, всегда лишь *собою* занятым.) » (5,141), - пишет Зайцев о Тургеневе в главе «Париж». Таким виделся герой Зайцеву. Художнику слова удалось показать томившие его предчувствия, а также отсутствие чувства защищённости, проявляющееся у него как страх смерти.

В заключении своей статьи критик подчёркивает пассивность героя, его покорность своему фатуму: «В жизни Тургенева диалектики не было - он никак, ни с кем и ни с чем не боролся».[32]

---

[30] Там же, с.476.
[31] Там же, с.476-477.
[32] Там же, с.477.

П.Бицилли верно оценил новаторский подход писателя к изображению героя, при котором внимание автора направлялось на внутренний мир героя, тогда как внешние события его жизни часто служили фоном, на котором разворачивалось действие произведения.

Другая критическая статья, написанная поэтом П.А. Бобринским (1893-1962), была напечатана на страницах парижского «Возрождения».[33] Её автор останавливает своё внимание на психологических приёмах в изображении Тургенева и на некоторых личных качествах его характера, верно подмеченных биографом. Страницы описания Тургенева и Виардо критик считал «прекрасными», но лучше всего, по его мнению, удался образ матери писателя и изображение Спасского.

Бобринский был убеждён, что истоки западнического мировоззрения писателя восходили к быту поместья, принадлежавшего матери писателя, и к отрицанию царившего в нём жизненного уклада: «Спасское определило и одну из основных черт Тургеневского мировоззрения - его европеизм... Он с детских лет убедился в возможных крайностях русской самобытности».[34] Критик отметил, что автор книги «придерживался строгой объективности» в воссоздании характера главного героя и изображении событий эпохи. В жанровом отношении рецензент определяет книгу о Тургеневе как новый тип «художественной биографии», требующий от автора глубокой эрудиции, наличия большого таланта и исторической подготовки. В качестве документальных источников, использованных Б.Зайцевым, он назвал письма Тургенева, свидетельства современников и труды Ярмолинского. Однако, по мнению критика, «книга перегружена фактическим материалом, подробностями из жизни Тургенева».[35] Можно было бы возразить, потому что биограф ставил перед собой цель проследить духовную и творческую эволюцию своего героя, жизнь которого протекала в очень бурную историческую эпоху и была насыщена событиями. Однако, как считает критик, обилие биографического материала в произведении не заслоняет самого образа Тургенева. «Отказ от художественной фантазии - в отличие от многих французских биографий... и стремление к исторической точности отнюдь не мешают художественности создаваемого образа».[36] Бобринский оценил эстетическую ценность книги и назвал «особенно нужной сейчас для нас, русских»[37].

---

[33] Бобринский П. «Жизнь Тургенева» Б.Зайцева//Возрождение 1931. № 2396, с.3.
[34] Там же, с.3.
[35] Там же, с.3.
[36] Там же, с.3.
[37] Там же, с.3.

Критик Н.Андреев отрицательно высказался по поводу жанра «художественная биография» и писательских приёмов в изображении героя, этому жанру свойственных. «Метод «художественных биографий»... мало надёжный путь для литературного творчества и никуда не годная вещь для историко-литературного исследования»,- полагал Н.Андреев.[38] Критик видел явную предрасположенность к большему вымыслу у авторов, обратившихся в своих сочинениях к жанру «художественных биографий». Ставя на первое место историзм в художественном произведении, он обвинял Зайцева в субъективности изображения главного героя и стилизации его облика: «Зайцев... пошёл по линии вскрытия внутренних, интимных, большей часть, лирических сторон Тургеневской жизни, то есть по линии, допускающей наибольший субъективизм толкований».[39] Как выразился критик, Б.Зайцев создал «апокрифическое сказание»[40]. По нашему мнению, такая оценка является очень категоричной. Б.К.Зайцев не ставил перед собой задачу написать научную монографию о жизни и творчестве Тургенева, а создал художественную биографию, предполагавшую своё видение героя. Кроме того, такое отношение Б.Зайцева к русскому классику сложилось у него задолго до написания книги о нём ещё в процессе чтения его произведений. Своими мыслями о Тургеневе Зайцев делился в многочисленных статьях о нём, дневниках и письмах. При работе над художественной биографией писатель шёл по пути «проникновения» во внутренний, духовный мир своего героя, вчитываясь в переписку Тургенева и тщательно изучая его литературное наследие.

Рецензент пишет, что больше всего Зайцева увлекало в Тургеневе «*внутренее*», что обрекало его всю долгую жизнь оставаться с «неразделённой любовью». По мнению критика, слишком большое внимание уделено изображению «Афродиты-Пандемос» и «Афродиты-Урании», «словно Тургенев ничем другим всерьёз не интересовался».[41] Излишне много, по мнению Андреева, биограф пишет о любви Тургенева к Виардо и сквозь данную призму даёт анализ его произведений. Такой подход к творчеству писателя критик назвал «опоэтизированным фрейдизмом», что кажется опять же спорным, ибо чувство любви трактуется биографом как высокое, духовное чувство, ведущее к Богу и вдохновляющее его к творчеству. По мнению Н.Андреева, важные моменты жизни писателя затронуты биографом вскользь, например, выпуск некролога о Н.В. Гоголе в 1852 году, ставшей причиной ссылки Тургенева. На этом следовало бы

---

[38] Андреев Н. «Жизнь Тургенева» Б.Зайцева//Воля России.1932 №1/3, Прага, с.94.
[39] Там же,с.94.
[40] Там же, с.96.
[41] Там же,с.95.

остановиться подробнее.

Некоторые критики не всегда соглашались с писателем в оценке отдельных произведений классика. Например, М.А. Алданов (1886-1957), известный прозаик, драматург и критик Русского Зарубежья, расходился с Б.К. Зайцевым в трактовке его поэмы *Клара Милач* как «истинно замечательной вещи, в которой «всегдашне-тургеневское - неразделённая любовь и потрясающее чувство «загробного» (5, 174). Критик пишет: «Трудно согласиться с Зайцевым в его исключительно высокой оценке этой знаменитой поэмы. Тургенев в ней явно искал новой формы и не нашёл. *«Клара Милач»* начинается как обыкновеннейший бытовой рассказ, вроде тех, что он писал в молодости».[42]

Наибольшее количество дебатов в критике вызвал образ Тургенева. Поэт и критик Г.В. Адамович (1892-1972) продолжил дискуссию на страницах «Последних новостей» с рецензентами, обвинявшими Зайцева в субъективности изображения главного героя, тем самым защищая творческую свободу писателя. Он пишет: «Зайцев «не выдумал» своего Тургенева. Он его увидел таким, каким ему, Зайцеву, дано было увидеть; по-своему он и рассказал о нём».[43] На вопрос о том, согрешил ли автор против исторической правды, он возражает: «На это крайне трудно ответить, ибо «историческая правда» в данном случае — личность... Биография, даже самая удачная, в конце концов даёт всегда только некую «гипотезу» данной личности, более или менее правдоподобную, - и биограф, как бы он ни сжился со своим героем, не может всё-таки устранить себя».[44] Пишущий даёт своё истолкование фактам биографии героя, «он как бы вводит в чужую жизнь свой «закон причинности».[45] По мнению Г.Адамовича, он создал образ, существующий для некоторых современников. Правда иногда автор решается «поучать» Тургенева. «Разумеется это говорит не от своего имени, а от имени Церкви и всего христианства... Он его жалеет как заблудшую овцу»[46]. Можно согласиться с теми исследователями, которые в художественной биографии «отводят» автору возможность собственного видения окружающего и выражения себя.[47]

Биограф много раз применяет эпитет «прохладный» по отношению к Тургеневу, характеризуя его личностные качества. Как бы ведя полемику с Зайцевым, критик

---

[42] Алданов М. При чтении Тургенева. (Несколько заметок)//Современные записки. №53,1933, Париж, с.413.

[43] Адамович Г. «Жизнь Тургенева» Б.Зайцева. Грусть//Последние новости. 1932 №3942 с,3.

[44] Там же,с. 3.

[45] Там же,с. 3.

[46] .Там же, с.3.

[47] И.А.Минаева. Автор и герой в художественных биографиях Б.К.Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов». Диссер. канд. филол. наук, Таганрог, 2005, с.134.

пишет: «Тургенев любил цитировать стихи Гёте (об этом автор не рассказывал), стихи которые он переводил так:

- Запускайте руку внутрь, в глубину
человеческой души.

Именно это не всегда ему было дано».[48] Правдиво, по мнению Адамовича, писатель определил его трагическую черту, отсутствие полной веры в Бога, и дал правильную трактовку творчества Тургенева.

Как видим, все критики отметили неординарность подхода биографа к изображению личности писателя и интерпретации его творчества, хотя образ Тургенева вызвал у них разную оценку.

Высоко оценил роль произведений Б.Зайцева для развития биографического жанра Г.П. Струве (1898-1958), историк и критик литературы. В своём известном труде *Русская литература в изгнании* (1956) он посвящает несколько глав анализу творчества Б.К. Зайцева. Струве замечает: «Зайцевские писательские биографии - «*Жизнь Тургенева*» (1932), «*Жуковский*» (1952) и «*Чехов*» (1954) - не имеют себе точных параллелей в русской литературе. Не совсем похожи они и на модные в своё время французские «рамансированные» биографии. Во всех трёх случаях, хотя и в разной степени, продиктованы они большой внутренней симпатией и даже сродством с изображаемым писателем и построены поэтому на «методе вчувствования». Обычный, свойственный Зайцеву лирический импрессионизм, тенденция к стилизации характеризуют их письмо. Пожалуй, из трёх этих книг наиболее удачная – о Жуковском»[49]. Своеобразие зайцевских биографий заключалось, по мнению критика, в отсутствии творческого домысла и вымысла. И далее: «Художественная же достоверность достигается благодаря глубинному проникновению в реальные жизненные ситуации, раскрытию духовного мира героев «методом вчувствования».[50]

Такую оценку можно считать во многом идентичной авторскому замыслу. О процессе создании внутреннего мира своих героев Б.Зайцев писал: «Для того, чтобы действительно изобразить чью-то душу, надо спуститься в неё, хоть на мгновение, чудесной интуицией её коснуться, на мгновение перестать быть вполне собой...»[51].

Правильно понял творческий замысел Б.Зайцева известный философ, теоретик

---

[48] Там же, с.3.

[49] Г.Струве. Русская литература в изгнании. Paris, 1984 ,2-е изд. С.266.

[50] Там же, с.266.

[51] Зайцев Б. Дневник писателя//Возраждеие.-1929.15 ноября.-№1627.-С.3.Цитируется по диссертации И.А. Минаевой «Автор и герой в художественных биографиях Б.К.Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуков-ский», «Чехов».Таганрог, 2005,с.4.

искусства и публицист Ф.А. Степун (1884-1965). Статья о Зайцеве была им написана к 80-летию писателя и впоследствии включена в сборник *Встречи* (1968). В главе о творчестве Зайцева теоретик искусства выражает свои взгляды на литературный стиль: «То, что писатель своим творчеством напоминает другого, часто объясняется не влиянием, не воздействием одного на другого, но сродством их душ, а потому и стилей... О том же, кто из русских писателей Зайцеву наиболее созвучен и за что любим, он сам рассказал в своих трёх монографиях о Жуковском, Тургеневе и Чехове»[52]. Такая последовательность, по мнению Степуна, передаёт степень духовного родства Б.Зайцева с русскими классиками. Все три книги о жизни известных писателей были названы им «монографиями». Степун подчёркивает талант Зайцева и особенности художественного видения героя у него: «Написаны все три монографии по-зайцевски. Не извне, а изнутри. С интуитивным проникновением в жизненные судьбы любимых им авторов и повышенным вниманием к религиозным темам их творчества; по отношению к Чехову это подчёркивание религиозной темы кажется на первый взгляд не вполне оправданным, но при более глубоком проникновении в зайцевское понимание Чехова, оно убеждает. Очень важно и ценно в этих монографических работах Зайцева и то, что жизнь писателей и развитие их творчества даны на тщательно изученном и прекрасно написанном фоне русской культурной и общественной жизни».[53] По мнению критика, «духовное становление Тургенева, рост его славы, достижение своего апогея после выхода *Дворянского гнезда*... воссозданы Зайцевым с увлекательной живостью и осмотрительной справедливостью, но не в этом значение книги. В ней важен и интересен не образ всем образованным людям известного Тургенева — западника, либерала, позитивиста и вдумчивого наблюдателя быстрых изменений в обществе, но иной, как бы ночной образ Тургенева с его страхами, страстями, печалями и причудами. Этот образ заинтересовал Зайцевав связи с его собственными проблемами, между прочим, как мне кажется, и с взаимоотношением благодатной любви и легкой смерти».[54] Критик верно подметил, что для автора биографии было велико значение «ночного Тургенева», который был для него важен в связи с интерпретацией мистических мотивов в его творчестве и изображением сложного внутреннего мира писателя. Б.Зайцев называет его «двуликим Янусом» (5, 128). Критик даёт краткий анализ поэтики произведений. Степун уловил самую суть авторского видения героя и

---

[52] Степун Ф.А.. Борису Константиновичу Зайцеву - к его восьмидесятилетию// Встречи. Мюнхен, 1962, с.131.

[53] Там же, с.131.

[54] Там же.,с.133.

интерпретацию его судьбы. По его мнению, Зайцев сумел изобразить духовный мир Тургенева, не постигшего ещё «всемогущего светлого Бога». В своей оценке *Дворянского гнезда* он соглашается с биографом: «Правда, нечто иное, более светлое иной раз как будто брезжило в душе Тургенева. Если бы он совсем не знал этого света, он не смог бы написать «Дворянского гнезда», не смог бы создать тишайшего и христианнейшего образа Лизы Калитиной. В ту римскую зиму, в которую он написал «Дворянское гнездо», ему как бы приоткрылась дверь, которая вела к религии, но он остановился на пороге и не вошёл».[55]

Эти наметившиеся положения в анализе беллетризованных биографий и критическая оценка образа Тургенева, предложенная Ф.Степуном, были впоследствии развиты в современном научном литературоведении.

Известный философ и публицист Русского Зарубежья В.Н. Ильин (1890-1973) так же высоко оценил значение книги *Жизнь Тургенева*, своевременно вышедшей в свет, назвав это «настоящим и бесстрашным рыцарским подвигом» писателя, честно служащему высокому искусству. Он оценил позицию Зайцева, защищавшего в своей книге духовные ценности. Критик так писал о положении современного ему литературного процесса в России: «Среди снобирующих элитных кругов почему-то безо всяких серьёзных оснований сделалось своего рода модным шиком, всячески хваля Максима Горького, Маяковского и Есенина, поносить Тургенева и Бальмонта (в музыке - Римского-Корсакого и Чайковского)... Люди хитры и знают, что на снобизме можно себе сделать богатый кредит. Но от этого духовным ценностям не поздоровится».[56]

«Жуковский»

Выше уже говорилось о точке зрения Н.Андреева на жанр художественных биографий, который он считал одним из наиболее свободных, субъективных, способных уводить своих авторов от исторической действительности. Поэтому пишущие в данном жанре, по образному выражению критика, «сплошь и рядом грешат искусством грима и костюма...»[57]. В своей рецензии на книгу *Жуковский* он развивает эту мысль:

---

[55] Там же,с.137.

[56] Ильин В. Литературоведение и критика до и после революции//Русская литература в эмиграции: Сборник статей под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972, с.252-253.

[57] Андреев Н. Жуковский Бориса Зайцева. Грани, 1952-№14, с.187.

«Торжествует при этом пресловутое «Dichtung», поэтическое воображение, и ущемляется историческая правдивость. В этом отношении жанр «художественная биография» один из самых ненадёжных как источник исторической информации, но чрезвычайно увлекательный для биографа, обладающего художественным инстинктом. Поэтому при оценке «художественной биографии» основной вопрос сводится обычно к уловлению степени «сознательной» или «подсознательной» стилизации автором избранного им героя»[58]. По высказыванию критика, Зайцев уже в начале тридцатых годов дал «образец своего понимания биографических тем»[59]. Написанную им книгу о Тургеневе, по мнению рецензента, можно назвать прекрасной, но не бесспорной. Далее, прибегая к анализу «художественной» биографии *Жуковский*, Андреев стремится показать художественную идею, талантливо воплощённую биографом, и даёт положительную оценку книги о нём. Критик замечает: «...Зайцева интересует обнаружение основного внутреннего пласта, создавшего, по представлению автора, монолитно цельный образ Жуковского, который выдвинут автором как «единственный кандидат в святые от литературы нашей»[60]. Далее он рассуждает: «Зайцев... многократно показывает и убедительно доказывает, что «внутренняя его тема всегда была: слава Творцу, жизнь приемлю смиренно; всему покоряюсь, ибо везде Промысел. Горести, тягости - всё ничего: «Терпением вашим спасайте души ваши»... Книга о великом предшественнике «золотого века русской поэзии» направлена своим остриём на раскрытие личного мира Жуковского-человека».[61] О принципах создания художественного образа Андреев замечает: «Надо сказать, что законное право автора «художественной биографии» выбрать и подчеркнуть черты, кажущиеся ему важнейшими, использовано Зайцевым с большим тактом и с великолепной убедительностью. Жуковский, действительно, воскрешён, как духовная личность»[62]. Критик уловил суть авторского видения личности Жуковского, которое расходилось с традиционным, общепринятым в литературоведении, его абсолютно новый подход к писательскому творчеству, которое, по мнению биографа, обусловлено его духовным миром. Он замечает: «Аспект, избранный Зайцевым в подходе к теме, резко расходился с общераспространёнными «стандартными» историко-литературными внушениями о «певце во стане русских воинов», о балладнике и сентиментальном романтике,

---

58 Там же, с.187.
59 Там же, с.187.
60 Там же, с.187
61 Там же, с.187.
62 Там же, с. 188.

созданном литературной модой»[63]. Критик отметил, что Зайцев в совершенстве знал немалую литературу о Жуковском. Андреев писал: «Зайцев всюду подчёркивает теснейшую обусловленность творчества Василия Андреевича его внутреннем миром... Чередования превосходнейших «зайцевских» пейзажных описаний, бытовых и жанровых подробностей, лаконичных и выразительно-метких характеристик и психологических портретов, анализов религиозных мотивов, столь характерных для Жуковского, превращает работу Б.К. Зайцева в одну из удачнейших «художественных биографий на русском языке и в одно из проницательнейших его произведений, посвящённых теме т в о р ч е с т в а»[64]. Огромную заслугу писателя критик видел в том, что Жуковский вошёл в их духовную современность. Книга Зайцева гармонически соединила «творчество двух столь отдалённых во времени друг от друга, но духовно родственных писателей России»[65].

Так же высоко оценил новое произведение Зайцева прозаик и критик П.Ершов. О Жуковском он пишет: «...Он сам и его творчество исключительно нравственны. Такие люди заслуживают особенного памятника. И, к счастью, такой памятник выдвинут. Не в бронзе, не в камне, а в книге. Как раз к траурному юбилею Жуковского»[66]. Рецензент отмечает, что писателем были тщательно исследованы документы о жизни великого поэта и показан его сложный иррациональный мир. Биографом «впервые вскрыты тончайшие нюансы внутренней жизни поэта», показана «сокровенная психологическая глубина»[67]. Литературовед отмечает духовную и эстетическую близость героя и автора, способность его «вжиться» в создаваемый образ: «Там же, где сердце Жуковского охвачено лирической тоской, томиться, и в нём зреют поэтические видения, - там создаются таинственно-простые, но удивительной гипнотизирующей силы словесные чары, - неповторимое слияние Жуковского и Зайцева».[68] Далее критик указывает на один из психологических аспектов в изображении внутреннего мира героев — лирический пейзаж, служащий раскрытию глубинных чувств героев. Критик включает в свою статью эпизод, рисующий встречу Марии Протасовой с Жуковским в Дерпте на фоне мартовского романтического заката: «Мартовский романтический закат, тихие зори. Возвратясь, он мог застать Машу и Мойера за роялем, при свечах, разыгрывающими сочинения мойеровского знакомого: ван Бетховена. Жуковский

[63] Там же, с. 188.
[64] Там же, с. 188.
[65] Там же, с.188.
[66] Ершов П. Отзыв на книгу «Жуковский»//Русская мысль. 1952-25 апреля, с.5.
[67] Там же, с.5.
[68] Там же, с.5.

слушал и сам, а потом сам читал вслух».[69] Через пейзаж раскрываются его сложные эмоциональные чувства. Облик главного героя, по мнению критика, нарисован «во всей пленительности и притягательности». В заключении статьи Ершов говорит о том, что Зайцев выделяет у Жуковского «сквозной стержень», «взяв то, что лейтмотивом идёт у поэта через всю жизнь и что определяет всю его сущность»[70].

Ф.Степун оценил биографию Жуковского как высоко художественное произведение. Критик соглашается с авторской интерпретацией личности Жуковского и его творчества. Степун пишет: «Считая Жуковского истоком русской поэзии, Зайцев не преувеличивает ни его художественного дара, ни числа его бесспорных творческих удач. Он лишь отмечает особенности его поэтического дарования: «легкозвучную певучесть» его голоса, «летучий сквозной строй его стиха и «спиритуалистическую лёгкость его поэзии»[71]. Он полемизирует с Тхоржевским, который упрекает Зайцева в том, что тот в своей «мастерской книге» стилизовал поэта под святого. «Упрёк этот, мне кажется, неверен уже потому, что Зайцев многократно называет Жуковского романтиком, - замечает критик. - Романтизм же... со святостью никак не соединим. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно попытаться назвать Серафима Саровского романтиком»[72]. Зайцев как проницательный художник сумел передать характерные черты личности Жуковского: «прирождённое целомудрие», религиозность, «исключительную покорность судьбе и терпеливое несение её привередливых решений». Критик увидел основную доминанту в характере героя - силу его духа. Он замечает: «Чувствовал себя всюду очень хорошо, как бы дома, но одновременно всё же и странником, готовым в любой момент покинуть милую землю... Всегда жило в нём сознание, что есть нечто сильнее смерти».[73] В заключение критик высказывает мысль о духовном родстве двух писателей, о скрытом выражении позиции автора в художественном произведении: «Этим замечательно нарисованным образом Жуковского Зайцев много сказал и о себе».[74]

Позднее критик П.Грибановский**,** делая обзор творчества Зайцева, написал прекрасные слова о духовном мире писателя и о родстве их стилей: «Борис Зайцев, подобно Жуковскому, тоже несёт на своих страницах всю поэзию природы и души русской»[75].

---

[69] Зайцев Б.К. . Жуковский. Т.5. М.,1999, с.275.
[70] Ершов П. Там же, с.5.
[71] Степун Ф.А. Указ. соч., с.131.
[72] Степун Ф.А. Указ соч., с.132. Встречи.
[73] Там же, с.132.
[74] Там же, с.132-133.
[75] Грибановский П. Борис Константинович Зайцев (Обзор творчества)//Русская литература в эмиграции.

Обращение писателя к духовному миру человека пролагает дорогу к нравственному возрождению людей: «Частица святости, скрытая в человеке, родит надежды на его выздоровление, обязывает к бережному с ним обращению. Но обретя возможность запечатлеть святое, видит художник в человеке и человечески-славное»[76].

Г.Адамович посвятил литературе эмиграции свою превосходно написанную книгу *Одиночество и свобода* (1955). Как и многие другие критики, он подметил духовное родство двух писателей и общее в их художественной манере: «Жуковский, как известно, один из любимых писателей Зайцева, один из тех, с которым у него больше всего духовного родства.

Жуковский ведь то же самое: вздох, порыв, многоточие...»[77].

Таким образом, все вышеупомянутые критики отметили большую художественную ценность произведения, в той или иной мере коснулись художественных приёмов, в том числе психологизма в изображении Жуковского. Они отметили наибольшую степень духовного родства Б.Зайцева с Жуковским, увидели новаторский подход Зайцева к изображению героев-писателей в биографических произведениях, идущий через «проникновение» писателя, наделённого духовной интуицией, в их внутренний, душевный мир.

Некоторые критики увидели в Жуковском отражение в большей мере внутреннего мира самого создателя книги, то есть указывали на некоторый субъективизм в изображении главного героя. Такую точку зрения разделяла Н.Н. Берберова (1901-1993), прозаик, мемуарист и критик, посвятившая анализу беллетризованной биографии *Жуковский* свою статью. Основоположником этого жанра исследовательница считала Л.Стрейчи (Стрэчи). В своей рецензии она писала: «Если метод Стрэчи может быть сравним с четырёхстопным ямбом, то метод Зайцева напоминает нам паузник, вольный и до крайности своеобразный, в котором часто звучит больше душа автора книги, чем самого Жуковского».[78]

Сборник статей под ред. Н.Полторацкого, Питтсбург,1972, с.139.

[76] Там же, с.150.

[77] Адамович Г. Борис Зайцев// Одиночество и свобода. СПб., 2002, с.189.

[78] Берберова Н.Н. Б.Зайцев. Жуковский//Новый журнал, 1952, 328, с.298. Цитируется по книге *Зайцев Б.К. Сочинения* в 3-х тт. Т., 3, М., Терра, 1993, с.523-524.

«Чехов»

Первое издание книги Б.Зайцева *Чехов* вышло с подзаголовком «литературная биография» (1954). Данное название совсем не указывало на жанр произведения и было дано в редакции без учёта желания автора. А.Шиляева приводила в своей книге строки из беседы с писателем: «Мне неприятно было это. Ну, уж поздно было: я получил книгу, напечатанную уже, то есть подзаголовок был уже напечатан. Какое-то странное название — «литературная биография», как будто нелитературная может быть, вообще — безграмотная», - сказал Б.К.Зайцев».[79]

Критик Р.В. Плетнёв, как и некоторые другие его современники, ошибочно считал название, данное в редакции, удачным. Он высоко оценил книгу писателя, назвав её «высокохудожественным повествованием о делах и днях, о сердце и душе большого писателя»[80]. Его произведение – «это уловление и отражение *сокровенного*, того затаённого в Чехове, мимо которого прошла большая часть критики, не заметив чеховского общения с великим и святым».[81] Зайцеву, по мнению критика, удалось талантливо отобразить духовный мир писателя, заглянув в его внутренний мир, чего не удавалось ранее писавшим авторам. Рецензент нашёл удачным композиционное построение произведения, отличающееся «стройностью и лёгкостью», в главах которого много «задушевной певучести и печали». Во всей книге, по выражению критика, чувствуется большой «мастер слова». Исследователь первым проложил путь к изучению ритмики в книге о Чехове. Порою язык книги приближается к стихотворению в прозе: «Всё шло медленно, но выходило и торжественно. Солнце сияло, набежали потом тучки, брызнул дождь, несильный, скоро пошёл. В Новодевичьем зелень блестела, перезванивали колокола»[82]. Биограф сумел передать самые существенные моменты из жизни Чехова. Критик пишет: «Во всей книге мне чувствуется «житийная тиховейность, она не выпирает: юмористика, мелочи, суета жизни отводится, а не замалчивается... Письма Чехова использованы «скупо», а вместе с тем из них взято всегда самое существенное, яркое, вроде той фразы о кровохарканье в письме к Суворину: «В крови, текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве. «Чехов «был сдержан», «разнообразен и сложен»... Да, у Чехова сложная натура, «ум с сердцем не в ладу»... Верю вместе с Зайцевым, что и была «тоска Чехова по Божеству». Недаром же

[79] А.Шиляева. Указ. соч., с.37
[80] Плетнёв Р. Книга о Чехове//Грани,1954 №23, с.143.
[81] Там же , с.143.
[82] Там же , с.143.

Чехов стал запечатывать письма старой, ещё отцовской, печатью с надписью: «Одинокому везде пустыня».[83] Зайцеву, по мнению критика, удалось с «любовью, тактом и художественным чутьём» рассказать жизнь и «раскрыть сердце Чехова». Всё повествование биографа о Чеховском театре и о его любви дано ясновидяще и «исторически правильно», в конце книги автором даны «прекрасные примечания», касающиеся Толстого и Чехова. Критик ставит дальше риторический вопрос о таких произведениях Чехова как *Чёрный монах*, *Драма на охоте*, «не совсем чеховских», исключённых биографом из книги. На этот вопрос, как он полагает, лучше всего бы ответил автор, имеющий своё художественное видение героя и его творчества.

В критической статье Р.Плетнёва поднимает проблему роли автора в биографическом произведении.

П.Ершов откликнулся на книгу о Чехове своей критической статьёй в «Новом журнале». Многое, по мнению критика, роднит Б.Зайцева и А.П. Чехова. Наиболее важным, по мнению рецензента, явилось «психологическое созвучие» Зайцева «чеховской музе»[84]. «Манере Зайцева тоже свойственны мягкость, лиризм, полутона, грусть, что во многом характерно и для чеховского творчества. Б.К.Зайцев любит Чехова, и эта любовь освещает всю книгу, - задача которой — воссоздать облик писателя, скромно считавшего себя автором «средней величины», но ставшего в ряд знаменитых русских мастеров слова».[85] Критик пишет, что почти господствующим стало мнение о Чехове как о сторонике прогресса и позитивисте. Биограф в своей книге отвечает на вопрос, кем же в действительности был писатель. Своего героя он изображает нетрадиционно, интуитивно проникая во внутренний мир писателя. Ершов пишет: «Используя не только анализ чеховских произведений, но и пристально изучая биографический материал, письма, воспоминания современников и поверяя свои собственные впечатления от встречи с Чеховым, Зайцев хочет увидеть и изобразить, как «наружного», так и «внутреннего» (по его, Зайцева, словам) Чехова, показать то психологически-скрытое, что было (или-что *могло* быть) в Чехове, но бережно им хранилось в интимных глубинах сердца и что иной раз... даже им самим, может быть не осознавалось...».[86] По мнению критика, Зайцев ищет во внутреннем мире Чехова «...глубинных религиозных эмоций, зароненных в чеховскую душу ещё в детстве и пронесённых через всю жизнь, что иногда вспыхивало на поверхность и освящало его

---

83 Там же , с.143-144.
84 Ершов П. Борис Зайцев. Чехов//Новый журнал.-1954-№39, с.284.
85 Там же, с.284.
86 Там же, с.284-285.

страницы благостным светом»[87]. Следующие строки произведения он считает ключом ко всему замыслу писателя: «...но так ли уж бесследно походило для души общение с великим и святым? того мы не знаем. А что в Чехове под внешним жило и внутреннее, иногда вовсе на внешнее не похожее, это увидим ещё всматриваясь в жизнь и писание...» (5, 336).

Вся книга Зайцева построена так, чтобы обнаружить «нечто иррациональное в Чехове и его писаниях. С особенным вниманием рассматриваются образы священника Христофора («Степь»), религиозных крестьян («Мужики»), Аксиньи, носящей в себе отблеск образа Матери-Девы («В овраге»), архиерея (рассказ под этим названием). Откуда у позитивиста Чехова такая «пронзительная прозорливость в свете таинственных религиозных чувств?... Б.К.Зайцев во многом угадывает то утаённое, что теплилось в Чехове и что не может быть доказано документально»[88]. Критик объясняет это тем, что автор знает «смутное состояние души», когда многое в творчестве определяется «иррациональным». По мнению Ершова, мало уделено внимания «особенностям чеховского юмора» и «секретам» чеховской писательской манеры. Однако их отсутствие способствует сохранению композиции «целостного художественного портрета». Черты психологизма и мастерства Чехова почти никем до Зайцева не затрагивались и делают более полным представление о нём, поэтому биограф внёс существенный вклад в пополнение «чеховианы».

Борис Зайцев о Чехове - так называется статья Г.Мейера, посвящённая художественному методу двух известных писателей, Чехова и Зайцева. Критик справедливо замечает, что современное литературоведение небогато подлинными жизнеописаниями, поэтому появление биографии о Чехове весьма знаменательно. Литературовед ставит вопрос, что подразумевается под «настоящей биографией»? «Не есть ли она прежде всего портрет — совершенно особый род искусства, закрепляющий словом или кистью не только телесные очертания, душевные свойства — характер данного человека, но и его личность, её единственный, неповторимый, никем и ничем не заменимый сокровенный стержень... Но портрет не ограничивается раскрытием потаённого мира им отображаемого человека... В художественной цельности своей нерасчленимый, портрет — двулик: мы одновременно обретаем в нём отображённого с отображающем... это первый у нас вполне совершенный опыт жизнеописания»[89].

---

[87] Там же , с.285.
[88] Там же, с.285.
[89] Г.Мейер. Борис Зайцев о Чехове//Сборник литературный статей. Франкфурт-на-Майне,1968.-С.307-

Одним из наиболее важных художественных составляющих биографического произведения Мейер считал «портрет», отражающий не только героя, но и его автора. Таким образом, он впервые обозначил проблему автора и героя в художественной биографии Чехова. По мнению критика, две предыдущие биографии писателя уступают в совершенстве данной, «стройной и равновесной книге». Только таким «аскетически сдержанным языком» подобает писать о Чехове. Рецензент сделал наблюдения о сходстве и различии стилей двух больших писателей. Г.Мейер развивает свою мысль: «Именно строгость и точность приёмов приближают Зайцева к Чехову, роднят их в служении искусству»[90]. Но есть и большое различие, «дающее одно большое преимущество Зайцеву». «Он не только религиозен, как всякий истинный художник, но он и осознаёт свою религиозность. Оттого его вера действенно пребывает в его творчестве.

Вера одухотворяет художество Зайцева, тогда как у Чехова... подспудная, пассивная, не сознанная им религиозность всего лишь *одушевляет* его искусство. Зайцев как писатель духовен; Чехов — душевен»[91]. Здесь, пожалуй, можно было бы возразить критику: биограф, исследуя творчество Чехова, просто убедил читателя в скрытной религиозности Чехова, которая есть гораздо большее, чем «душевность». Далее Мейер заключает: «Но Чехову, не познавшему собственных религиозных истоков, пути к примирению или к грозе очищающей были навсегда закрыты, он безвыходно оставался в драме. Был обречён на неё, а она-то и есть не что иное, как олицетворение самого существа безысходности»[92]. Мы наглядно видим, как критик связывает жанровую систему с духовным миром писателя, что является не бесспорным. О новаторстве Б.Зайцева критик пишет: «Ему первому удалось, любовно прильнув душою к душе Зайцева, обнаружить подспудные ключи чеховской религиозности, наглядно показать нам и доказать за самого художника им недоговорённое и недосотворённое... Это был несознанный свет Царства Божия, «которое внутрь нас есть»...».[93]

По мнению критика, внутренний мир Чехова наилучшим образом отразился в рассказе *«Архиерей»*: «Душа умирающего архиерея, ныне свободная, как птица в широком солнечном небе, это скрытая религиозность самого Чехова, собственное им не сознанное, светоносное ядро, то, о чём разумными словами он сам о себе сказать не

308.

90 Там же , с.308.

91 Там же , с.308.

92 Там же, с. 309.

93 Там же, с.310.

умел».[94] Мейер не во всём соглашается с выводом биографа: «Художник и человек Чехов убил доктора Чехова». Он пишет: «В подспудном отношении, если можно так выразиться, это, конечно, сказано верно. Однако эта подспудная, не сознанная Чеховым истина, не смогла превратить его безвыходной драмы во всеочищающую трагедию. Он до конца своих дней оставался душевно сильным, но духовно слабым человеком и художником»[95].

Пожалуй, обвинение Чехова в «духовной слабости» является далёким от истины. Вероятно, нежелание принимать многие религиозные ритуалы происходило у него именно от отцовского «переусердствования» в религии, что прекрасно подметил Зайцев с его интуитивным проникновением во внутренний мир писателя. Биографу удалось показать потенциальную религиозность Чехова, его гуманную деятельность на благо ближним. Б.Зайцев рассуждает в своей книге, посвящённой Чехову, «откуда у Чехова была давняя тоска по Божеству?»: «Отец Христофор *знал* нечто *всем существом*, чего не хватало Чехову. Оттого и был всегда ясен, светел. Богу в Его отверженных Чехов служил усердно, не хуже отца Христофора, а может быть, и лучше. Но внутренней цельности в нём не было. Не цельность, а именно раздвоение, отсюда непрочность и тоска» (5,401). Мейер верно замечает, что автор постиг за Чехова «тайное», «внеразумное», что пока ему не суждено было увидеть в себе осознанно. Такой художественный жанр Г.Мейер предлагает называть «творческой биографией», а не «литературной». Одновременно в биографии Чехова он видит отражение внутреннего мира её создателя.

Уже отмечалась точка зрения Ф.Степуна в связи с ранее написанными биографиями писателей. Анализируя книгу о Чехове, критик подчёркивает её стилевое своеобразие. Приведём цитаты из уже упомянутой его статьи: «Третий портрет Зайцева - «Чехов, литературная биография», написан в несколько ином стиле, чем «Жуковский» и «Жизнь Тургенева». Общекультурный фон набросан лишь лёгкими штрихами. В «Чехове» Зайцев мало отклоняется от художественной и личной жизни Антона Павловича, но Чехов, и в этом всё значение зайцевской книги, видится ему в совершенно новом свете... Чехов ближе к Достоевскому, чем к Тургеневу.

Оправдывает он это сближение раскрытием в творчестве Чехова им самим неосознанных, но глубоких в нём религиозных корней»[96]. По мнению критика, портрет

---

[94] Там же, с.310.
[95] Там же , с.312.
[96] Ф. Степун. Борису Константиновичу Зайцеву - к его восьмидесятилетию//Встречи. Мюнхен, 1962,

Чехова, написанный Зайцевым, верен. Точно определены основные вехи судьба классика, внешние обстоятельства, повлиявшие на становление его внутреннего мира.

Своё внимание Степун останавливает на анализе литературного творчества Чехова, данного писателем, и рассматривает его как отражение духовных, религиозных поисков: «Зайцев отнюдь не искажает фактов; он безоговорочно признаёт, что Павел Егорович дал детям более чем неудачное религиозное воспитание, что и превратило Чехова, в связи с его медицинским образованием, в убеждённого материалиста-науковера. Но Зайцев считает, что, отдавая дань требованиям современной эпохи, Чехов в глубине своей души всё же не был атеистом, а лишь казался таковым... Под его науковерчеством зияла пустота, тоскующая, в изображении Зайцева, по Богу».[97] В таком ракурсе автор статьи рассматривает *Скучную историю*, *Степь*, *Дуэль*, где главными выразителями идеи являются духовные герои. Зайцев сумел увидеть в характере и душе Чехова тот духовный потенциал, который был скрыт для многих глаз: «Все мы читали и перечитывали Чехова. Но тот Чехов, который раскрылся *Зайцеву* и которого он написал, мало кому виделся. Да и сейчас против нового образа многие протестуют, несмотря на то, что Зайцев в свою защиту мог бы сослаться на самого Антона Павловича».[98]

Хотелось бы остановиться на отзыве архиепископа Сан-Франциского Иоанна (Шаховского), духовного деятеля, критика и поэта, который не соглашался с Зайцевым в его оценке чеховской повести *Архиерей*. Его суждение является примером того, какую различную оценку вызывают порой произведения, оцениваемые людьми различного духовного опыта. Каждый видел в *Архиерее* то, что было ближе его душе.

Ознакомившись с его беллетризованной биографией *Чехов,* арх. Иоанн писал Зайцеву в своём письме от 14-ого октября 1954 года: «Вам, вероятно, покажется странным один пункт: но мне, как-то кажется, именно в «Архиерее» открылась узость горизонта Чехова. «Архиерей» сделан как-то *очень* для меня *чуждо.* Ни одной чёрточки нет в нём близкой, в строе его переживаний... Это, конечно, не «старец» Толстого, не «Отец Сергий»; но в чём-то подобен ему. *Прямого опыта религиозного не раскрывается в нём.* Он весь в плане «психологическом», «душевном». И неудача рассказа в том именно, что хороший человек выведен. Будь он не «положителен», как тип, была бы более оправдана его религиозная бесхребетность духовная, безжизненность» (7,431).

с.137.

97 Там же, с.138.

98 Там же, с.139.

Как видим, слабость художественного образа главного героя, по мнению архиепископа Иоанна, заключалась в отсутствии религиозных переживаний, выведенных автором, хотя его духовный и психологический план он считал убедительным, но Зайцев как мастер художественного слова именно к этому и стремился.

В начале 60-ых годов на страницах литературных газет проходили дискуссии, касающиеся значимости сферы человеческих чувств, так называемые споры «физиков» и «лириков». Известный прозаик и литературовед Л.Д. Ржевский (настоящая фамилия Суражевский; 1905-1986) для ответа на данный вопрос написал свою статью о творчестве Зайцева, в которой остановился на биографиях писателей и *Путешествии Глеба* (1937)[99]. В ней он говорит о Зайцеве как о писателе, в чьём внимании находятся человеческие чувства, сердечные переживания.

Ржевский остановил своё внимание на методе «реконструкции» у Зайцева, которым он руководствовался при создании биографий. Критик подчеркнул объективность изображения писателей у Зайцева, отсутствие вымысла. Он также затронул вопросы творческого метода Зайцева. Он писал в своей статье: «У Зайцева же всюду подчёркнута *реконструкция*. Рядом примеров акцентируется *модальность* суждения и экспозиции, иной раз и с непосредственным разоблачением повествовательного «я»[100]. Литературовед отметил особенность писательского повествования в биографических произведениях, указывая на модальные слова, передающие возможность происходящего («может быть», «вероятно»). Такой способ изложения своих мыслей помог ему не противоречить документальным сведениям. В жанровом отношении он характеризует жизнеописания как «художественные биографии».

Опираясь на суждения Ржевского, А.Шиляева продолжила разработку поэтики произведений.

***

Практически все критики подчёркивали важность и своевременность выхода биографий Зайцева, которые были написаны в то время, когда подвергалась сомнению важность и ценность духовных чувств. Зайцев являлся писателем, утверждающим, что

---

[99] Ржевский Л.Д. Тема о непреходящем//Мосты,-1961, №7. - С.36-40. Цитируется по монографии А.В. Ярковой Борис Константинович Зайцев. Семинарий, СПб., с.30.

[100] Цитируется по указ. монографии А.Шиляевой. С.89.

истинная человеческая культура заключалась в духовности, особенно в Жуковском он подчёркивал его нравственную чистоту. В российском литературоведении тогда было время дифирамбов Маяковскому, Горькому, А.Толстому, а некоторые критики и литераторы зарабатывали популярность на снобизме.

Художественные биографии Б.Зайцева вызвали множество восторженных отзывов в критике Русского Зарубежья. Большинство рецензентов оценили эстетическую ценность произведений, неординарный, новаторский подход Б.Зайцева к жизнеописанию русских писателей, отметив его повышенное внимание к их внутреннему миру, их духовное родство с биографом, хорошее знание автором как исторического и документального материалов, так и эпистолярного наследия писателей. Большое внимание было уделено методу изображения героев, при котором первостепенное внимание уделяется внутреннему миру, движениям их души.

Критики увидели своеобразие интерпретации творчества классиков, которое является, по мнению Б.Зайцева, отражением их богатого, но иногда «раздвоенного» духовного мира (Тургенев, Чехов). Г.Струве назвал книги о писателях «не имеющими параллелей» по творческому выполнению, а метод писателя «методом вчувствования». Талантливому художнику слова удалось «разрушить» стереотипные представления о личностях писателей, укоренившиеся в советском литературоведении, создать своё, оригинальное их видение, не противоречащее действительности и сложившееся на основе внимательного изучения творчества писателей. Наибольшее количество споров вызвал образ Тургенева и определение жанра художественных произведений. Многие критические высказывания Г.Струве, Ф.Степуна, Г.Мейера, П.Бицилли и других получили дальнейшее развитие в литературоведении. Были намечены основные направления для более глубокого изучения художественной биографии как жанра.

Из истории изучения биографий Б.К. Зайцева *Жизнь Тургенева, Жуковский, Чехов* за рубежом

Человеческая жизнь есть путешествие по звёздам.

Этторе Ло Гатто

Зарубежные литературоведы о Б.Зайцеве

В зарубежном литературоведении есть отдельные работы исследовательского характера, посвящённые творчеству Б.К. Зайцева, представляющие определённый интерес. Их авторы воспринимают произведения писателя в тесной связи с его внутренним миром. Менее изучены его беллетризованные биографии *Жизнь Тургенева*, *Жуковский* и *Чехов*.

В пятидесятые годы прошлого столетия появилась работа Марка Слонима, литературоведа и критика Русского Зарубежья. Исследователь осветил общие направления в развитии русской литературы XIX и начала XX века. Имя Б.К. Зайцева упоминалось им в контексте литературы «Серебряного века». Слоним относил его к последователям чеховской линии, упоминая его акварельные рассказы: «Boris Zaitcev (born 1881), a disciple of Chekhov, wort delicate water-colourline stories, und later, as an emigre in France, published novels on the Moscow intelligentsia (The Golden Pattern) on follow emigres, and an autobiographical narrative (Gleb´s Journey), all permeated with poetic religious feelings, in an elegant, but slightly monotonous and pale manner“[101]. Исследователь, к сожалению, не оценил художественного достоинства автобиографической тетралогии *Путешествие Глеба.*

Первым серьёзным научным исследованием о творчестве Б.К. Зайцева за рубежом стала монография американской исследовательницы, профессора Нью-Йоркского университета, А.Шиляевой (1971).

Французский славист Р.Герра выпустил в Париже первый библиографический указатель произведений Зайцева (1982).[102] В нём он представил пятьдесят названий книг Зайцева на русском языке и более двадцати на других языках, около шестисот публикаций в

---

[101] Slonim Marc. Literature of the Revolution //An outline of Russian Literature. London, Oxford University Press, 1958, p.217.

[102] См.Шиляева А. Б.Зайцев и его беллетризованные биографии. Нью-Йорк, 1971. Б.К.Зайцев: Библиография//Сост. Р.Герра. Под ред. Т.А.Осоргиной. Париж, 1982.

различных периодических изданиях, а также классически изложил в статье на родном языке основные вехи биографии и творчества писателя.[103]

Известный итальянский славист Этторе Ло Гатто, хорошо знавший Зайцева, посвятил его творчеству ряд статей, в одной из которых он изложил воспоминания о беседах с писателем. Зайцев сам рассказывал, почему Тургенев, Жуковский и Чехов были ему особенно близки. По словам Ло Гатто, биограф, почти всю жизнь работая над биографиями своих любимых писателей, «видел в них своё отражение»[104]. Исследователь так сказал о стилевом своеобразии его произведений: «Биографии Жуковского присуща лиричность, биографии Тургенева — описательность, Чехова — некая ритмичность...»[105].

Среди зарубежных исследований диссертационного характера интерес представляет работа Malgorzata Matecka *Impesjonism we wczesnij prozie Ivana Bunina i Borysa Zajctva*, в которой рассматривается импрессионизм как направление в различных видах творчества: в искусстве, музыке и литературе[106]. В ней освещается раннее творчество Бунина и Зайцева, в котором проявились художественно-эстетические принципы, свойственные не только литературному, но и музыкальному, а также живописному импрессионизму. Исследовательница рассматривает тематические аналогии и формально-композиционные сходства в творчестве И.Бунина, А.Чехова, О.Дымова, М.Пришвина, Б.Зайцева и других писателей.

Она приходит к заключению, что лирическая проза русских писателей-импрессионистов «подчинялась внутренней мелодике и особенной ритмичности. Слова, выражения и целые фразы расположены в ней по определённому рисунку, который создаёт особенное поэтическое настроение. Звуковые впечатления, обогащающие искусство Дебюсси, играют в рассказах авторов *Жизни Арсеньева* и *Голубой звезды* важную роль»[107]. Автор работы проводит интересное наблюдение о внутреннем мире героев, находящемся в гармонии с природой: «Поэтическим мир чувств и впечатлений создан из элементов реальной действительности: звёзд, облаков, полей, рек, озёр. Природа всегда отражает переживания героев: она даёт человеку красоту, ощущение разнообразия и богатства действительности родства с ней».[108]

---

[103] Прокопов Т. От составителя//Тихие зори. М., Русская книга, 1999, с.3.

[104] Этторе Ло Гатто Борис Зайцев.//Звезда над Булонью. Т.3, с.550.

[105] Там же, с.550.

[106] Matecka Malgorzata. Impesjonism we wczesnij prozie Ivana Bunina i Borysa Zajctva. Lublin, 1996.

[107] Там же, с.157-159.

[108] Там же, с.158.

Исследовательница делает интересные наблюдения об особенностях импрессионизма Б.Зайцева и И.Бунина.

А.Шиляева о «беллетризованных» биографиях Б.Зайцева

Остановимся подробнее на монографии А.Шиляевой, занимающей особое место в ряду других исследований. В то время в литературоведении актуальным был вопрос об особенностях метода «реконструкции», которым руководствовался Зайцев при создании своих биографий. Наработки в этом направлении были сделаны Л. Ржевским, который также проложил начало научному изучению жанровых особенностей биографий русских писателей.

Монографию Шиляевой характеризует широкий теоретический подход к освещению жанровой системы биографических произведений. Она стремилась научно показать жанровое своеобразие биографий писателей и отнесла их к «беллетризованным», которые в основе своей исключают вымысел. Исследовательница уделила большое внимание поэтике биографических произведений, а также проделала серьёзную работу по сравнению текстов биографий с документальными источниками, которыми пользовался Зайцев. Шиляева также имела возможность лично встретиться с писателем и привлекала материалы их бесед в своей научной работе. Она выявила, в чём заключаются особенности метода «реконструкции» у Зайцева и научно подтвердила отсутствие вымысла в жизнеописаниях. Большое значение она уделила писательской лексике, особенно модальным словам (вводным) и выражениям. Её целью было показать, как Зайцев апеллировал к лексике, выражающей возможность происходящего, если не находил ответа в документах.

Заслуга её работы заключалась также в том, что она показала эстетическую ценность «беллетризованных» биографий. В России не было тогда произведений, подобных зайцевским, где бы такое большое значение уделялось человеческой душе и миру его чувств. Творчество писателей тогда рассматривалось советскими критиками как отражение социальных явлений и конфликтов.

Все три книги Б.Зайцева о писателях она относит к «современной творческой биографии», основоположником которой традиционно считают английского писателя

Литтона Стрейчи (1880-1923),[109] создавшего совершенно новый тип художественных биографий. Особой разновидностью «творческой биографии», по мнению исследовательницы, являются «беллетризованные», или «художественные» биографии, к которым она относит биографии писателей, принадлежащие перу Зайцева[110].

Во французской литературе данный жанр развивал Андре Моруа (1885-1967). С его именем Шиляева связывает появление жанров „*Biographie romancee*“, или «романизованная биография» (романсированная биография), иначе — «беллетризованная биография», или, как некоторые называют, «роман-биография».[111]

Используя теоретические разработки, сделанные А.Моруа, она так обобщила основные черты биографического жанра, им предложенные:

> «Биография должна преследовать не только познавательные, но и эстетические цели и поэтому быть художественным произведением».
>
> Она «должна включать в себя события, свидетельства и документы, причем от биографа требуется объективность и беспристрастность в подборе и интерпретации».
>
> Писатель – биограф не может заниматься придумыванием и додумыванием событий, но «у него должно быть своё видение героя, причём герой должен быть созвучен, близок автору, для которого биография является как бы средством самовыражения».
>
> «Образ героя воссоздаётся путём постепенного раскрытия его психологического облика и прослеживания роста его духовного развития. Этому... способствует хронологический порядок изложения событий».[112]

Исследовательница сделала краткий обзор биографического жанра в русской советской литературе.

Взяв за критерий, с одной стороны, - «документальность авторского сообщения, а с другой — коэффициент творческого домысла и творческой интерпретации биографической темы», А. Шиляева классифицировала все произведения русской советской литературы таким образом:

XI. беллетризованные биографии популярно-учебного характера;

XII. биографии-монтажи;

XIII. романы- биографии;

---

[109] Шиляева А. Указ. соч., с.9.
[110] Шиляева А. Указ. соч., с.37-38.
[111] Указ. соч., с. 12.
[112] Там же, с.13-14.

XIV. историко-биографические романы.[113]

При этом «творческие биографии» Б.Зайцева, по мнению исследовательницы, не имеют подобных аналогов.

На вопрос Шиляевой о том, как писатель сам определяет жанр биографий, Б.Зайцев ответил: «Сам я никак не определяю жанра своих биографий. Пожалуй, более всего согласен с мнением Глеба Струве».[114] В данной работе точка зрения литературоведа уже приводилась в связи с обзором критики Русского Зарубежья.

Приведём высказывание Шиляевой: «По принципу документальной основы и объективной интерпретации документа,... по композиционной схеме и монографической форме повествования – биографии Бориса Зайцева близки к многим беллетризованным биографиям популярно-учебного характера русской советской литературы.

По творческому же выполнению биографиям Бориса Зайцева, действительно «нет параллелей», как сказал Глеб Струве. И прав Л.Д. Ржевский, называя их б е л л е т р и з о в а н н ы м и б и о г р а ф и я м и, что значит — х у д о ж е с т в е н н ы е б и о г р а ф и и». «С этим определением можно согласиться: ведь путь беллетризации есть путь художественного творчества».[115]

Исследовательница даёт идейно-тематический обзор творчества писателя. «Преподобный Сергий Радонежский» (1924) рассматривается ею как «первая художественная биография Б.К. Зайцева» в общем контексте с беллетризованными биографиями писателя[116].

В современных научных исследованиях биография Св. Сергия Радонежского часто рассматривается в связи с темой Святой Руси в творчестве Зайцева.

Опираясь на теоретические разработки о жанре «беллетризованной» биографии, Шиляева выполняет подробный анализ повествовательной структуры произведений писателя. Исследовательница так же установила, какие источники были положены в основу художественной биографии *Жизнь Тургенева.* «По словам самого Б.К. Зайцева, (беседа с ним в Париже, 9 августа 1968 года), биография И.С. Тургенева была им написана на основе произведений и переписки И.С. Тургенева. ... Зайцевым-биографом были также использованы материалы воспоминаний современников писателя: В.Н. Житовой, А.А. Фета, А.Ф. Кони, Я. Полонского, И.И. Панаева, Н.А. Огарёвой-Тучковой,

[113] Там же ,с.36.
[114] Там же, с.37.
[115] Там же, с.38
[116] Там же с., 53.

П.В. Анненкова и др.»[117]

Шиляева так определила авторское видение героя: «...Борис Зайцев видит своего героя отмеченным «двойной» судьбой: ему предначертан путь художника и человека, навсегда раненного мучительной и неизбежной любовью»[118]. Вечная тема в литературе всегда являлась одним из способов изображения внутреннего мира героя. Шиляева утверждает: «Обычно русские исследователи жизни и творчества Тургенева замалчивают, или вскользь касаются темы «женщина в жизни Тургенева», оставляя, таким образом, в тени важнейшую сторону жизни (да и творчества постольку, поскольку эта тема нашла в нём отражение) писателя — его поклонение «вечно-женственному».[119]

Данная тема, как нам кажется, интересовала Зайцева в связи с духовными поисками Тургенева и его творчеством. Так в цикле *Странник* (1925-1929) Зайцев размышлял о значении такого поиска: «И — стояние перед Высшим — нас освобождает от себя. Более лёгкая форма этого, любовь. В юности освобождение от себя — в любви. В зрелости- это религия» (9,45).

Исследовательница отмечает, что биографа интересует вопрос веры в связи с трактовкой его судьбы, в которой он увидел нечто трагическое и сумел показать. Она ссылается на текст произведения. В своём письме к графине Ламберт (от 14 октября 1859 года из Спасского) Тургенев писал: «Мне недавно пришло в голову, что в судьбе почти каждого человека есть что-то трагическое, - только часто это трагическое закрыто от самого человека пошлой поверхностью жизни».[120] Суть «внутренней драмы Тургенева» заключалась в том, что не было веры, идущей от сердца. Шиляева верно определяет художественное видение героя автором: «Биографу-Тургеневу удалось вскрыть и показать раздвоенность души своего героя (назвал его «двуликим Янусом»), раздираемый потребностью веры и фактическим неверием, сознательным позитивизмом и влечением к иррациональному и таинственному, особенно ясно выявившемуся в последние годы жизни и творчества писателя».[121]

Исследовательница формально сравнила документальные источники, использованные автором, с текстом произведения и сделала интересные наблюдения о «положениях творчески домысленного» характера», к которым отнесла природную обстановку,

---

[117] Указ. соч., с.60.
[118] Указ. соч. .с.63.
[119] Указ. соч., с.67.
[120] Указ. соч., с.71.
Зайцев Б.К. Жизнь Тургенева. Т.5, с.112.
[121] Указ. соч., с.72.

пейзаж. Она подробно рассмотрела особенности поэтики писателя, язык произведения. Шиляева замечает, что наибольшее духовное родство Зайцев ощущал с Жуковским. «Может быть, потому, - рассуждает А.Шиляева, - именно Жуковский особенно привлекал Б.К. Зайцева, что в облике поэта увидел он черты, близкие ему самому — это скромность и смирение, незлобивость и благоволение к людям, а главное — покорность воле Божьей и примирение...

И для Жуковского и для Бориса Зайцева жизнь человеческая — странствие, а люди — путники, следующие за своим Божественным Водителем. В.А. Жуковский писал: «Здесь мы не иное что, как путешественники, по земле Провидения. Оно с заботливой попечительностью окружает нас житейскими встречами. Добро и зло, великое и малое, есть его посланники, есть испытатель и следовательно совершенствователь души нашей»[122].

По верному наблюдению исследовательницы, если в первой биографии о Тургеневе «сказался художник-импрессионист, то в ещё большей мере его импрессионистический метод выразился в жизнеописании Жуковского»[123].

Уже в первых строках своей книги Зайцев передаёт «впечатление» от природы, акцентируя внимание на её скромности, свете и гармонии, в такой же манере писатель даёт портрет главного героя. Зайцевым акцентируются те черты, которые являются «отражением как бы его внутреннего облика»[124].

Как и в предыдущей книге, в художественной биографии Жуковского немалое место уделено теме любви. Шиляева рассматривает её вслед за биографом в тесной связи с внутренним миром героя. Его чувство к Маше Протасовой, пишет исследовательница, рисуется автором «не как любовь- наваждение» Тургенева к Виардо, а как любовь-благодать, приводящая к Богу»[125]. В своём повествовании писатель создал ощущение значимости Маши для духовного развития В.Жуковского: «...Вся жизнь поэта, предшествовавшая встрече его со своей Беатриче, описывается автором как своего рода подготовка к приятию им этого чуть ли не священного чувства-откровения. Уже само стремление Жуковского к самосовершенствованию и самовоспитанию, к правде и

---

[122] Указ. соч., с.95.
Жуковский В.А. Наброски мыслей. В кн.: В.А.Жуковский. Полное собрание сочинений под ред. П.Н.Краснова, с.1035. Цитируется по монографии А.Шиляевой Борис Зайцев и его беллетризованные биографии.

[123] Шиляева А. Указ. соч., с.98.

[124] Там же, с.98

[125] Там же, с.102.

добродетели определяется автором биографии, как «путь в сущности религиозный».[126] Изучив документальные источники о Жуковском и его письма, Шиляева пришла к заключению, что Зайцев в своей книге все события искусно подчиняет «внутреннему единству создаваемого образа» главного героя. Те документальные источники, которые могли бы нарушить гармоничность повествования или «внутреннее единство создаваемого образа» остаются без внимания автора[127].

Шиляева сделала интересные выводы, позволившие нам «увидеть» творческую лабораторию писателя. «Реконструируемое» писателем она разделила на несколько групп: «положения, адекватные документам», «положения-компиляция нескольких документов» и «положения «творчески домысленного» характера», в которых виден «художник-импрессионист». Как и в предыдущей биографии, доказывает Шиляева, в «*Жуковском*» нет ни одного вымышленного лица. В качестве документальных источников исследовательница называет воспоминания А.П. Зонтаг, хорошо известную тогда книгу К.К. Зейдлица *Жизнь и поэзия В.А. Жуковского*, воспоминания священника И. Базарова *Последние дни Жуковского.* [128]

Рассуждая в своей монографии о книге писателя *Чехов. Литературная биография* (издание 1954), исследовательница пишет о «внутренней родственности» двух мастеров слова: «Эта «внутренняя родственность» заключается, по-видимому, в присущих обоим писателям скромности и сдержанности, правдивости и искренности, в человеколюбии и отталкивании от какой-либо тенденциозности, громких слов и фразёрства. Для обоих писателей творческая свобода превыше всего».[129] Подчёркивая различие в их мировоззрении, Шиляева делает верное наблюдение о духовной интуиции Б. Зайцева, позволившей ему правдиво изобразить своего учителя в литературе и его устремлённость к истине: «Биограф Чехова, может быть, даже чисто интуитивно, подметил в этих произведениях такие движения души Чехова, которые позволили ему, в какой то мере, определить духовный облик писателя словами- «Царство Божие внутрь нас есть».[130] Художественное видение своего героя у автора А.Шиляева определяет так, соглашаясь с ним: «Борис Зайцев, как биограф Чехова, признаёт: «Надо сказать прямо — у него не было веры (т.е. основного чувства, идущего из недр: всё правильно, с нами Бог)», с другой же, считает, что «в Чехове под внешним жило и внутреннее,

[126] Там же, с.102.
[127] Там же, с.105.
[128] Там же, с.115-126.
[129] Там же, с.133.
[130] Там же, с.134.

иногда вовсе на внешнее не похожее, это мы увидим ещё, всматриваясь в его жизнь и писание, сличая внешнее, отвечавшее серой эпохе, с тем внутренним, чего, может быть, сознательный Чехов, врач, наблюдатель, пытавшийся наукой заменить религию, и сам не очень-то понимал».[131]

Б.Зайцев уделяет множество страниц своего произведения «всматриванию» в творчество писателя, сопоставляя факты его жизни с «внутренними движениями его души»[132].

Произведение о Чехове, по наблюдению Шиляевой, было написано биографом на основе переписки писателя, изучения его творчества, воспоминаний родственников и современников. Книга В. Ермилова, с которой был знаком автор, по его словам, ему ничего не дала.[133] Особенности повествования о Чехове определяются тем, что биограф рассказывает о человеке, которого лично знал, часто включая в повествование документальные материалы со ссылкой на источник.

Шиляева соглашается с интерпретацией творчества Чехова, предложенной биографом. Она верно усмотрела, что наибольшее внимание Зайцев уделяет тем произведениям Чехова, которые послужили «ключом к освещению духовного облика писателя»: *«Степь», «Скучная история», «Убийство», «Студент», «Дуэль», «Мужики», «В овраге», «Архиерей»* и др.[134]

С этим выводом Шиляевой трудно не согласиться: многочисленные подтверждения тому можно найти, вчитываясь в биографию писателя. Б.Зайцев понимал творчество по-особому, через сердце, видя в нём отражение не только ума и таланта писателя, но и его духа. По его словам, *Степь* оставляет «радость и свет»: «Степь» просто поэзия, понимать нечего, надо любоваться. Любование такое возвышает, очищает. Влияние «Степи» на человека благотворно, это благословенная вещь. Оттого, когда её перечитываешь, остаётся радость и свет, хотя грусть есть и в ней, есть и одиночество, и смерть, и тайна жизни» (5,366). «Скучная история» рассматривается биографом как определённая веха в духовной эволюции её автора: «Эта «Скучная история» - вещь замечательная, для него в некоем роде роковая: как бы верстовой столб в пути» (5,377). Следующие строки художественной биографии показывают, как Зайцев связывал факты из жизни Чехова с его внутренним миром: «Не случайно написано всё это в лето смерти брата Николая, после бессмысленных метаний не то заграницу, не то в Одессу, Ялту.

---

[131] Там же, с.135-136.
[132] Там же с.. 136.
[133] Там же с.. 136.
[134] Там же с.. 136.

Писатель совсем, собственно, молодой (хотя очень рано развившийся), взял уходящего профессора, переоделся частью в него, написал пронзительную вещь и, не сознавая того, похоронил материализм, о котором всегда отзывался с великим уважением. Художник и человек Чехов убил доктора Чехова» (5,378). Следующая его повесть *Дуэль* «глубоко христианская». Биограф видит в ней явное отражение идеи всепрощения. Он отмечает: «Радостно удивляет тут в Чехове оптимизм, совершенно евангельский: «во едином часе» может человеческая душа спастись, повернуть на сто восемьдесят градусов» (5,394).

А.Шиляева проследила трансформацию импрессионистического метода Зайцева на протяжении всего повествования, уделяя внимание стилистическим особенностям текста. «Повествование о жизни Чехова (глава первая – «Даль времён») начинает Зайцев-импрессионист... Описывая детские и гимназические годы Антоши Чехова, Зайцев-художник часто уступает место Зайцеву-объективному биографу. И уж последний, несколько суховатым языком, приближающимся к языку сообщений, рассказывает до конца повесть о жизни Чехова, в которую Зайцев-художник лишь изредка вкрапливает то пейзажную зарисовку (обычно очень скупую), то диалог, то бытовую картину»[135].

Подводя итог сказанному, Шиляева заключает о значении художественных биографий для литературного процесса и об их эстетической ценности: «Борис Зайцев внёс ценный вклад в жанр творческой биографии в русской литературе: его беллетризованные биографии являются редким по гармоничности соединением познавательной и эстетической категорий»[136].

В изображении характеров писателей Шиляева подчёркивает увиденную ею доминанту: «Как настоящий художник, Борис Зайцев стремился уловить лейтмотив жизни каждого из этих писателей и закреплял его в слове: в «Жизни Тургенева» - это поклонение «вечно женственному», в «Жуковском» - следование зову «Наипаче ищите Царствия Божия» и «Чехове» - бессознательная христианская настроенность души писателя... Доминантой каждого из этих жизнеописаний является документально обоснованное раскрытие душевного мира героев, творческое воссоздание их индивидуальной неповторимости...».[137] Исследовательница верно заметила об образе биографа,

[135] А.Шиляева. Указ. соч., 137-138.
[136] А.Шиляева. Указ. соч., с.163..
[137] Там же с.,163-164.

«верующего, благожелательного и гуманного человека»[138].

Интересно, что в своих рассуждениях о писателях Шиляева не использует понятие «концепция героя», как это принято в современном российском литературоведении, а говорит о «творческом видении героев» у Зайцева. Её теоретические взгляды получили дальнейшую разработку в трудах российских литературоведов.

Иво Хукс о творчестве Б.Зайцева в период изгнания

Биографические произведения писателя в восприятии исследователя

Представляется интересным вопрос, как понимается творчество Зайцева литературоведами, принадлежащими к другой культуре. Так, например, Иво Хукс исследует творчество Зайцева с повышенным вниманием к автобиографической теме.

В своей монографии *Schreiben im Exil: B.K.Zajcev als Schriftsteller und Publizist* (1997) он обращается к творчеству Зайцева, относящемуся к периоду изгнания. Литературовед рассматривает в ней вопросы эволюции творчества Зайцева в тесной связи с событиями внешнего мира и изменением его религиозно-философского мировоззрения. Он анализирует произведения мастера слова в контексте литературы «Серебряного века». Большое место И.Хукс отводит теме «Святой Руси» и православию как системе религиозно-нравственных ценностей, особо значимых для эмигрантов, в которых они искали мир и утешение. Он ставит целый ряд тематических вопросов, рассматривая взаимовлияние и взаимопроникновение двух различных культур — русской и французской. Исследователь стремиться заглянуть в духовно-психологический мир писателя и найти внутренние истоки в душевном мире Зайцева, способствовавшие изменению видения картины мира и человека в его творчестве. Литературоведом рассмотрены биографические мотивы в творчестве мастера слова и дан обзор его произведений. Иво Хукс пишет о нелёгкой судьбе писателя-эмигранта, лишённого без всякой причины права вернуться на Родину. В книге критика даётся освещение литературоведческих работ, написанных о творчестве Зайцева в России и за рубежом.

Одним из центральных вопросов исследователь считает влияние эмиграции на писания Б.Зайцева. Произведения, написанные писателем, он рассматривает в контексте его биографии. Как и многие другие исследователи, Иво Хукс отмечает усиление

[138] Там же с.164.

автобиографических мотивов в творчестве Зайцева в эмигрантский период творчества и находит их также в биографических произведениях. По мнению исследователя, положение изгнанника ещё больше ориентировало Зайцева на свой внутренний мир. Большое место в книге отводится автором аспектам поэтики, эволюции творческого метода писателя от импрессионизма к новому реализму. Роман *Дом в Пасси* (1933) рассматривается исследователем как произведение, в котором получил отражение «новый реалистический» метод писателя.

Исследователь освещает произведения писателя в единой системе с публицистическими статьями, в которых Зайцев рассуждает о литературе, значении духовных ценностей и своём видении происходящего.

Историко-литературный контекст, по его наблюдению, играет существенную роль в писаниях Зайцева. Русская литература XIX века получает ещё более весомое значение для писателя в изгнании. Иво Хукс пишет: **«**In *Slovo o Rodine* etwa entwirft Zajcev ein Bild der russische Literatur, welche durch ihren Reichtum und ihre unbestreitbaren Bedeutung für die Weltliteratur den Emigranten inihrer Depression tröstet, ja mit Stolz erfüllt und ihnen den Auftrag zur Bewahrung der russischen Kultur und Sprache erteilt“[139].

Хотелось бы внести уточнение в высказывание исследователя. В статье Зайцева больше звучит мысль о важности достижений русской литературы для духовности всего мира, ибо писатель был убеждён в её нравственных ценностях: «Древняя наша культура с чужбины кажется и величественней, и значительней, и старше. Но не только древняя... Пушкины и Толстые не только очаровательное наше домашнее... Во всеобщее вносят они русское и в русском выражают всеобщее». И далее: «Одно можно сказать: девятнадцатый русский век, со всей славой его, создан сынами тысячелетней России... скромный Чехов, образец тишины, слышен в Лондоне, Нью-Йорке, Австралии»[140]. Для писателей, переживающих изгнание, литература имеет оттенок «защиты, укрытия в одиночестве и заброшенности»[141]. «Защита», по мнению Зайцева, возможно, заключалась не столько в «утешении от депрессии», сколько в осознании силы духа, которой пропитана вся русская литература. Именно с этих позиций Б.Зайцев дал жизнеописания И.С. Тургенева, В.А. Жуковского, А.П. Чехова и рассмотрел их творчество.

Привлекая письма писателя, исследователь верно выражает мысль о том, что

---

[139] Ivo Hux. Schreiben im Exil. Peter Lang Bern, Berlin, Frankfurt a. M., Wien, 1997, s.359.
[140] Б.Зайцев. Слово о Родине//Святая Русь. Т.7, М., 2000, с.326.
[141] Там же, с.327.

литература служила идеалом и образцом в противопоставлении такой суровой реальности, как война и разрушения. Иво Хукс пишет: «Die Literatur ist zur Realität in der Vorstellung und Erinnerungen Zajcevs geworden, zum expliziten Vorbild, Muster und Vergleichsobjekt“[142].

Видение литературы как “eigener Realität“, по мнению исследователя, отразилась в одном из писем Б. Зайцева, написанном во время войны И.Бунину: «Вчера читал «Онегина» и вдруг так показалось чудовищно и бессмысленно, что люди друг с другом делают, когда ведь есть область красоты, поэзии, таких необыкновенно-прекрасных вещей»[143].

О понимании Зайцевым духовного значения литературы «Золотого века» Иво Хукс пишет: «Wie in Zajcevs Briefen und Tagesbucheinträgen ersichtlich wird, übernimmt die russische Literatur in seinem eigenem Weltgebäude eine wichtige Orientierungs-Funktion: sie ist nach der Bibel die Autorität, an welcher er sich ethisch und ästhetisch misst. Denn in seinem Literaturverständnis sind die russischen Dichter des 19. Jahrhunderts moralisch dem freien Wort verpflichtet, ist das ganze „Goldene Zeitalter“ ein „Schrei nach der Wahrheit“... Viel mehr als die kühle Literatur des Westens verkörpert die russische für Zajcev Herzlichkeit, Menschlichkeit und echtes Christentum“.[144]

О том, как Зайцев подошёл к биографическим темам, И.Хукс пишет в одной предыдущих глав: «Turgenev, der Zajcev schon seit frühesten Jugend Fesselt, mach dabei den Auftakt für drei Dichterbiographien, die ab 1931 erscheinen. Am nächsten verwandt fühlt sich Zajcev einem erst in den reifen Jahren seines Exils entdeckten Schriftsteller der Romantik, Zhukovskij, der sowohl in der Feinheit seines Stils als auch in seinem Glauben Zajcevs Bewunderung weckt“[145].

Безусловно, верна мысль исследователя о том, что биографии русских писателей XIX века, как «eigene Akzentuierung“ в изображении, отражают духовные ценности и личные интересы писателя: «Die Biographien wie die Memoiren reflektieren das persönliche Wertgefüge Zajcevs“[146]. Сказалось его положение изгнанника. Обращение к биографиям, подчёркивает И.Хукс, было связано у Зайцева, с бессознательной ориентацией на свой внутренний мир, и далее, уже в следующей главе, звучит мысль о субъективности писателя: «Denselben subjektiven, zumindest unbewusst auf sich selbst bezogenen Ansatz

[142] Ivo Hux. Schreiben im Exil. s.360.
[143] Б.Зайцев. Письмо к Бунину (9.10.1914).
[144] Ivo Hux. Указ. соч., с.360.
[145] Указ. соч., с.81.
[146] Указ. соч., с.82.

wählt Zajcev auch im Bezug auf die Dichterbiografien des 19. Jahrhunderts. Als Beispiel möge hier die Biographie Turgenevs („Zizn´ Turgeneva“) aus dem Jahr 1930 dienen. Zuerst fällt auf, dass vor allem der Mensch Turgenev und seine seelische und geistige Entwicklung im Zentrum des Zajcevschen Interesses stehen, weshalb auch den verschiedenen Briefwechseln mit persönlichen Aussagen ein überaus starkes Gewicht zukommt, sowie dem Einfluss des persönlichen Lebens auf das Werk nachgegangen wird. Dass dabei die Genauigkeit des Zitats etwas leidet, ist weniger bedeutsam, als *was* in Zajcevs Wahrnehmungen verändert wird“ [147]. При этом исследователь ссылается на письма Ходасевича, адресованные к Берберовой, и монографию А.Шиляевой, в которой она писала о методе «реконструкции», к которому прибегал Зайцев[148]. Он иллюстрирует своё рассуждение примерами описания «русской Тоскании» и другими картинами природы, данными в книге о Тургеневе. И.Хукс пишет: «Die Biografie wird eingeleitet mit einem Lob der mittelrussischen Landschaft, der „russischen Toscana“, deren Natur den Dichter prägt und die ihm auch später immer wieder Erholung spenden sollte“[149]. В заключении Иво Хукс делает вывод об автобиографическом элементе, легко узнаваемом в произведении, а также видит общность во взглядах на литературу у обоих писателей. Он пишет: «In Turgenevs Italienbild unterstreicht Zajcev die ihn selbst berührende poetische Stimmung und den geschichtlichen Charakter der Stadt Rom, an seiner Einstellung der Literatur gegenüber gefällt ihm der Hang zur künstlerischen und inhaltlichen Freiheit“[150]. Через своё личное восприятие, по мнению литературоведа, Б.Зайцев пишет о миссии Тургенева во Франции: «Turgenev wird Hüter der russische Sprache im Ausland (auch wenn es kein eigentliches Exil ist), der trotz allem, Kontakt mit der französische Kultur und seinem Westlertum, die russische Kunst vertritt und sie in Frankreich verbreitet“[151]. Исследователь видит проявление автобиографических мотивов в биографиях Зайцева.

К данному суждению хотелось бы внести уточнение, прибегая к высказыванию самого Б.Зайцева, сумевшего в Тургеневе увидеть его внутреннюю суть, то есть типично русский склад его души, делающий его бессознательным приверженцем всего русского: «При всём блеске, культуре, утончённости и западничестве своём всё-таки это русский скиталец, несмотря ни на какие Спасские. Западно-мещанского в нём не было, он не «буржуа», а дальний родственник, каким-то концом души своей брат бездомным

[147] Указ. соч., с.363.
[148] Там же, с.363.
[149] Там же, с.364.
[150] Там же, с. 364
[151] Там же, с. 364.

Калинычам, Ермолаям, Сучкам, Касьянам, певцам Яковам и другим»[152].

В заключении своей работы И.Хукс пишет о том, какое большое значение имела русская литература для Зайцева в изгнании : «Die russische Literatur ist somit im doppeltem Sinne – durch Zajcevs eigene Aktivität wie als Objekt seiner Reflexionen – zu einer Heimat im Exil geworden“[153].

Научное изучение биографий Б.К. Зайцева «*Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов»* в России в последнее десятилетие XX и начала XXI века

Есть, есть прирождённая святость сердца,
первоначальная чистота души.
Юлий Айхенвальд

Актуальность исследования творчества Б. Зайцева

Творческое наследие Б.К. Зайцева, последнего из мастеров Серебряного века, весьма обширно и богато в жанровом отношении. За свою семидесятилетнюю литературную деятельность он создал много выдающихся произведений, заслуживающих пристального внимания. Долгие годы в советской России творчество Б.Зайцева объективно не исследовалось. Покинув страну в послереволюционное время (1922 год), писатель вынужден был находиться в изгнании; имя его оказалось вычеркнутым из истории русской литературы XX века по причинам политического характера. Во времена идеологического подхода в литературоведении о нём говорили как писателе, чьё творчество уходит в прошлое. Критики данного направления не находили в его творчестве отражения социальных проблем и противоречий.

Особый интерес вызывает литературное наследие писателя, написанное в изгнании, так так оно меньше всего изучено. Этот период охватил почти пятьдесят лет в его жизни, в течение которых писатель издал более 25 книг, поместил около 600 публикаций в

[152] Зайцев Б. Столетие «Записок охотника». Т.5, М., 1999, с.483.
[153] Иво Хукс. Указ. соч., с. с. 366.

различных периодических изданиях.[154] Сам Зайцев вспоминал: «Вообще годы оторванности от России оказались годами особенно тесной с ней связи в писании... Всё, что написано более или менее зрелого, написано в эмиграции. И ни одному слову моему отсюда не дано было дойти до Родины».[155]

В 1960-1980-е годы о нём писали В.А. Кельдыш, Л.А. Иезуитова, К.Д. Муратова, Л.В. Крутикова, Ю.В. Бабичева, Л.Н. Назарова, М.А. Полякова и другие.

Творчество Зайцева относительно недавно стало объектом большого внимания. По наблюдению одной из литературоведов, произведения писателя не переиздавались в России до 1987 года, а упоминание о нём можно было найти только в отдельных справочных пособиях[156].

Первые публикации его сочинений в России были подготовлены Е.Воропаевой и А. Тархановым в начале 90-ых годов и выпущены в трёхтомном сборнике с предисловием Е.Воропаевой.[157] Исследовательница написала статью общего характера, в которой она осветила тематику и проблематику его творчества, включив биографические сведения из жизни Б.Зайцева и ряд научных и критических работ, а также интересные архивные материалы. Большее внимание она уделила теме России, называя её «главенствующей и всеобъемлющей» в творчестве Зайцева, получившей своё отражение в биографиях русских писателей и мемуарах.[158] В издание помещены ценные фотографии, подаренные дочерью писателя, Н.Б. Соллогуб.

Год спустя вышло ещё одно издание художественных биографий, напечатанных без каких-либо сокращений, подготовленное А.Д. Романенко.[159] При этом составитель книги о Зайцеве расположил беллетризованные биографии в хронологии, соответствующей жизни писателей.

Активно творчество Зайцева начало изучаться в последнее десятилетие XX века и первые годы XXI века, что было связано с более обширной публикацией его сочинений[160]. Внимание исследователей привлекал художественный метод Зайцева, жанровые особенности его творчества. Особое внимание стала привлекать тема

---

[154] А.В.Яркова подробно рассматривает жанры творчества Зайцева в период эмиграции. См. её монографию «Жанровое своеобразие творчества Б.К. Зайцева 1922- 1972 годов». Спб., 2002.

[155] Зайцев Бор. О себе. Собр. соч., т.4, М., Русский писатель, с.590.

[156] Яркова А.В. Жанровое своеобразие творчества Б.К.Зайцева в 1922-1972 годов. СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002, с.3.

[157] Зайцев Б.К. Соч. В 3-х т. М., 1993. Составление и подготовка текстов Е.Воропаевой и А.Тарханова. Вступительное слово и комментарии Е.Воропаевой «Жизнь и творчество Бориса Зайцева».

[158] Воропаева Е. Жизнь и творчество Б.Зайцева в 3-х тт., т.1. М., Терра, с.42.

[159] Зайцев Б. Жуковский. Жизнь Тургенева. Чехов. Вступительная статья А.Д. Романенко «Истоки художества». М., «Дружба народов», 1994.

[160] Издание подготовлено Воропаевым Т.В.

«Святая Русь», осмысленная во многих работах как часть православной темы в его творчестве.

В 2001 году вышел первый библиографический указатель, содержащий 140 наименований произведений писателя, опубликованных с 1987 по 2000 годы[161]. Существует также учебное пособие, в котором содержится полная сводная библиография писателя[162].

В настоящее время в России действует ассоциация любителей творчества Б.К. Зайцева и проходят научные конференции, посвящённые его писательскому наследию.

Основные направления в изучении творчества Б.К. Зайцева

Биографии русских писателей

Не будет преувеличением сказать, что изучению творчества Зайцева в России способствовала Л.Н. Назарова, которая активно вела переписку с писателем в 60-ые годы и получала от него интересные материалы и издания его книг. Исследовательница сообщила Зайцеву, какой большой успех имели его биографии среди читателей. В одном из писем, адресованном Назаровой, Зайцев писал : «...Кроме того удивительный факт Вы мне сообщили, что дама переписала от руки всего «Тургенева»! Здесь все просто ахают. Уж очень «неслыханно»[163]. В другом письме к Назаровой Зайцев вспоминал: «Другой мой дядя, Николай, жил на Дворянской улице. Из окон моего дома, помню, показывали мне через улицу дом Калитиных из «Дворянского гнезда»... Тургенев с ранних лет пришёл в мою жизнь, да и в доме нашем всегда был его культ. (У матери были старинные издания и «Дворянского гнезда» и «Отцов и детей»...) - письмо от 5 апреля 1962 года.[164]

Назарова написала статью, посвящённую биографии *Жизнь Тургенева*, в которой отметила мастерство психологического портрета и верность автора реальности[165]. Опираясь на исследование Шиляевой, она характеризует биографию о Тургеневе как

---

[161] Составителем его является В.А. Дьяченко.

[162] Выпуск А.В. Ярковой.

[163] Зайцев Б.К. Л.Н. Назаровой.//Собр. соч. Т. 11 (доп.). Письма 1923-1971гг. Статьи. Воспоминания современников. М., Русская книга, с.193.

[164] Зайцев Б. Л.Н.Назаровой//Письма 1923-1971 гг. Т. 11 (доп.) с.192.

[165] Назарова Л.Н. О книге Б.К.Зайцева «Жизнь Тургенева»//И.С.Тургенев и русская литература. Уч. записки Курского гос. пед. института. Т.217. Курск, 1982.С.149-157. Циттируется по монографии А.В.Ярковой Борис Константинович Зайцев. Семинарий, СПб., 2002, с.33.

«художественную», так как понятия «беллетризованная», «беллетристика» вызывали в её время ассоциации с вымыслом, который отсутствовал у Зайцева.

Среди вступительных статей хотелось бы отметить работу Л.А. Иезуитовой, представляющую обзор дореволюционных критических публикаций о писателе. Исследовательница видит философские основы в художественном видении Зайцева, пытаясь определить его корни. Она осветила творчество Зайцева в эволюции, останавливаясь на жанрово-стилистических аспектах, своеобразии художественного мира, особенностях выбора героев. Она пишет о «чувстве космизма», которое, по её мнению, характерно прозе Зайцева.

Иезуитова увидела такие «постоянные величины художественного мира» Зайцева, как следование «духу времени», «чувство космоса», способность воспринимать человека в качестве «составной части потока — земного и вселенского», переживание сиюминутного и вечного, верность «своему чувству мира, своей художественной космогонии»[166]. Исследовательница разделяет точку зрения А.Топоркова, видевшего в Зайцеве «прежде всего реалиста, идиллика». Далее она пытается представить философскую концепцию его творчества: «По аналогии Космос Зайцева можно сравнивать с золотым веком античности: кажется, что там и там остановилось время. Персонажи Зайцева живут во времени вечном, в сказке, в мифе, где царит собственный внутренний закон: идиллии».[167] Для писателя важен не миг существования, а «миг личного переживания Космоса и себя как его части литературным персонажем».[168] Жизнь и смерть в творчестве писателя являются «формами существования Космоса».[169]

Картину эволюции творчества Зайцева она представила следующим образом: изображение «человека, понятного в своём природно-космическом естестве» к современникам, «живущим болями сегодняшнего дня». Она увидела также переход в его творчестве от идиллии к «скорбной элегии»[170]. Иезуитова пишет об эстетическом значении его творчества, называя его «очищением красотой». В изображении героев она усматривает следующую «идею»: это «женщина, воплощавшая в себе идею Земли, Матери, Жены»[171] и герой — мечтатель, странник, путник-искатель Гармонии и Красоты, «Голубой звезды»[172].

---

[166] Иезуитова Л.А. В мире Бориса Зайцева// Б.К.Зайцев. Земная печаль. Ленинград, 1990, с.6
[167] Там же, с.8.
[168] Там же, с.8.
[169] Там же, с.8.
[170] Там же, с.11.
[171] Там же, с.15.
[172] Там же, с.16.

Возможно, такой подход, с явным оттенком философского, существовавший в те годы, был связан с интересом к трудам Соловьёва, Бердяева и других философов, однако он закрепился в российском литературоведении. Известно, что Б.Зайцев в своей молодости проявлял особый интерес к произведениям Соловьёва.

В 90-е годы и в начале нынешнего столетия в России были написаны диссертации по творчеству Б.Зайцева, в которых лучше всего изучено его дореволюционное творчество. Исследователи подчеркнули стилевое своеобразие его ранних рассказов. Из произведений, написанных автором за рубежом, наибольшее внимание привлекли те, которые связаны с религиозной темой в творчестве Зайцева и с православной традицией *(Преподобный Сергий Радонежский, Афон, Валаам*), а также художественные биографии писателей: Тургенева, Жуковского, Чехова, которым посвящено пять диссертационных исследований (Н.Н. Жуковой, О.А. Кашпур, Н.И. Завгородней, А.В. Ярковой, И.А. Минаевой). Некоторые из этих исследователей стремились концептуально описать его биографические произведения.

Интерес многих учёных-филологов вызывает также мемуарное творчество Зайцева, но прежде всего как источник сведений о жизни писателя. Одна из литературоведов, изучающая систему жанров в творчестве Зайцева отметила, что «серьёзного, масштабного исследования жанров мемуарного очерка и литературного портрета в творчестве Зайцева до сих пор нет».[173]

Публицистика Зайцева привлекла внимание Л.В. Бобкова, А.М. Любомудрова, Н.И. Пак. Романам *Золотой узор* (1923), *Дом в Пасси* (1933) посвящены статьи Т.Ю. Памфиловой, О.Г. Князевой, Любомудрова и др. Автобиографическая тетралогия *Путешествие Глеба* (1937-1953) получила разработку в статьях Л.И. Бронской, А.В. Ярковой, Н.В. Сосниной, И.Мяновска и др. В последние годы появились новые исследования Г.М. Мироновой и Е.В. Локтионовой о раннем творчестве писателя. Изучению литературного портрета в творчестве писателя посвящает свои работы Т.В. Гордиенко.

Например, Ю.А. Драгунова, А.М. Любомудров, М.В. Ветров выделяют общефилософские проблемы искания правды и смысла жизни в творчестве писателя.

Одна из литературоведов рассмотрела художественные произведения писателя 1901-1922 годов в тесной связи с его философскими взглядами, уделяя большое внимание проблеме влияния идей В.Соловьёва на формирование религиозно-философского

[173] Яркова А.В. Борис Константинович Зайцев. Семинарий, СПб.,2002,с.6.

мировоззрения Б.Зайцева[174]. Предпринята попытка рассмотреть повести писателя с точки зрения теории жанра[175]. Некоторые учёные-филологи относят биографии русских писателей также к повестям. Лирическое начало прозы Зайцева в освещении одной из исследовательниц получило название «лирический компонент»[176].

Отдельные литературоведы сопоставляют этико-эстетические взгляды Зайцева и его современников. О творческих связях Б.Зайцева и Л.Андреева написали свои работы Е.А. Михеичева и О.В. Волгина.

Н.П. Комолова исследует в своей книге тему Италии творчестве Зайцева, которую писатель считал своей второй родиной[177]. В своей автобиографии он писал: «Замечательным вдохновителем, несколько позже, оказалась также Италия. ...и она на всю жизнь вошла в меня: природой, искусством, обликом народа, голубым своим ликом. Я её принял как чистое откровение красоты. Тогда же полюбил двух спутников навсегда — Данте и Флобера».[178] Исследовательница рассматривает мотивы путешествия в книгах *Жизнь Тургенева* и *Жуковский* в связи с интерпретацией образов известных писателей и их духовными поисками, останавливая внимание на общечеловеческих ценностях, привлекавших автора.[179] Цитируя статью Зайцева *О Тургеневе* (1923), Комолова заключает: «Размышляя об особом значении Италии для европейских паломников прошлого века, Зайцев пишет: «В Риме человек чувствует и свою бренность, и свою вечность. Гёте, Гоголь многое в Риме создавали». Рим даёт мощный импульс к духовному развитию Тургенева... Наибольшее значение для Тургенева, считает Зайцев, имело второе посещение Италии: в первый приезд он учился, во второй он обдумывал там своё лучшее произведение - «Дворянское гнездо»[180]. В картинах Италии, созданных в биографических произведениях, Комолова видит отражение внутреннего мира самого Зайцева, любившего эту страну. Исследовательница пишет: «Глаз писателя зорко вбирает и приметы новой итальянской жизни, и знаки судеб русской эмиграции в Италии, проходящих через многие его художественные произведения»[181]. О художественном видении Зайцевым своего героя

---

[174] Драгунова Ю.А. Особенности творчества Б.К. Зайцева начала XX века (к проблеме героя)//Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева. Первые Международные Зайцевские чтения. Калуга, 1998,с.25-35.

[175] С.В. Сомова выделяет жанровое многообразие повестей Б.Зайцева.

[176] Полуэктова И.А.

[177] Комалова Н.П. Италия в судьбе и творчестве Бориса Зайцева. М.,1998.

[178] Зайцев Б.О себе. Т.4, М., 1999, с.588.

[179] Комалова Н.П. Указ. соч., с.51-62.

[180] Указ. соч., с.51

[181] Там же, с. 62.

(Жуковского) она пишет, что он представлен «как бы в двух планах: один внешний образ — автора известных произведений и наставника царского наследника, второй — его внутренний мир поэта и человека...»[182]. В своей книге она коротко освещает серию автобиографических романов писателя, объединённых названием *Путешествие Глеба*.

Тема «Святая Русь» и духовные искания Б.Зайцева привлекли внимание А.М. Любомудрова. Своё исследование он посвящает опыту освоения православия в творчестве классиков Русского Зарубежья — Б.Зайцева и И.Шмелёва, которых он называет *«православными писателями»*[183]. Именно они, по мнению автора, открыли в своём творчестве тему «Россия Святой Руси» и воплотили на страницах своих книг.[184]

Любомудров предпринял попытку описания художественного метода Зайцева и Шмелёва, который, с его точки зрения, закрепился в их творчестве. Исследователь пишет: «Зайцев и Шмелёв — художники разные, у каждого из них — особые эстетические принципы, и в своих книгах они раскрывают разные грани русского православия. Но объединяет их *духовный реализм* — художественное восприятие и отображение реального присутствия Творца в этом мире»[185]. Любомудров считает основной чертой мировоззрения Б.Зайцева смирение и рассматривает его отражение в творчестве писателя.

Он видит явные сходства в художественном мире Чехова и Зайцева. В аспекте темы «Монашество в русской литературе» автор касается творчества А.П. Чехова, в частности его повестей, где эта она получила широкое освещение, - *Степь, Письмо, Дуэль, Архиерей* и др. В своей оценке этих произведений Любомудров близок к точке зрения Зайцева. Приведём некоторые из них: «Хотя у Чехова можно найти строки, обличающие нерадивых клириков, но в целом отношение писателя к духовенству — сочувственное, нередко сострадательное. Благообразны фигуры сельского священника о. Якова из рассказа «Кошмар», о. Фёдора («Письмо»). Отец Христофор из «Степи» и дьякон из «Дуэли» - чистые, добросердечные души, радующиеся мирозданию, красоте творения... Заметим, однако, что Чехов рисует именно их человеческие черты и душевные дарования. Монашеский подвиг как таковой не является предметом художественного описания»[186]. Одним из самых совершенных в художественном отношении Любомудров считает рассказ Чехова *Архиерей* (1902). Несколько страниц

---

[182] Там же, с. 62.
[183] Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе Русского Зарубежья. Борис Зайцев. Иван Шмелёв. М., 2003, с.5.
[184] Там же, с.5.
[185] Любомудров А.М. Указ. соч., с.6.
[186] Любомудров А.М. Указ. соч., с., 46.

своего исследования автор посвящает книгам *Преподобный Сергий Радонежский* (1924), *Афон* (1928), *Дом в Пасси* (1933), *Река времён* (1964) и другим. Обращение к жизни Св. Сергия, по мнению Любомудрова, было связано с ощущением «духовного родства с людьми подобного типа»[187]. Далее он заключает о выборе героев у Зайцева: «В своих биографических сочинениях он всегда писал о людях, которые были близки ему чертами личности, характера, гранями мироощущения. В биографических произведениях писателя Любомудров видит ориентацию Зайцева на свой внутренний мир и соглашается с высказыванием Прозорова, который писал о том, что «и в Чехове, и в Тургеневе, и в Жуковском Зайцев по преимуществу искал и находил своё отражение...».[188] Однако Зайцев как биограф сделал очень глубокие наблюдения, которых порой не может достигнуть самая опытная фактография. Думается, что этому помогла также прекрасная интуиция писателя.

В рассказе *Река времен* исследователь видит продолжение чеховских традиций как в теме и выборе героя, так и в решении художественной задачи: «Несомненно, при создании рассказа перед взором Зайцева стоял чеховский «Архиерей». Об этом рассказе Зайцев высоко отозвался в своей книге «Чехов» (1954). «Архиерей» и «Река времён» имеют много общего. Их тема — кончина человека, причём в обоих произведениях умирает архиерей... Сближает и то, что тема ухода решается как общечеловеческая, сан героев в обоих рассказах не играет определённой роли. И у персонажей зайцевского рассказа, и у Чехова — «тихий, скромный нрав». И здесь, и там размышления о смерти и вечности разворачиваются на фоне картин радостного Божьего мира, светлого мироздания...»[189]

Талантливая публицистика Зайцева обратила на себя внимание многих исследователей, пытавшихся описать её в системе жанров и во взаимосвязи с художественными биографиями писателей. Например, Т.А. Степанова изучает рецензии и биографические очерки. Причём последний жанр она считает «промежуточным звеном между литературной критикой и жанром биографии»[190]. Следуя своей идее, исследовательница замечает: «Литературная критика Зайцева неразрывно связана с оригинальным творчеством. Её анализ позволил проследить путь Зайцева к художественно-

[187] Любомудров А.М. Указ. соч., с.58.
[188] Там же, с.58. Прозоров Ю.М. Предисловие к публикации книги Б.Зайцева «Жуковский»//Русская литература. 1988. №2. С. 105-106. Цитируется по указ. соч. Любомудрова.
[189] Любомудров А.М. Указ. соч., с.110-111.
[190] Степанова Т.А. Художественный мир публицистики русского зарубежья Б.Зайцева. М., 2004, с.20.

документальным жанрам беллетризованной биографии и литературного портрета»[191]. Она предпринимает попытку проследить творческую эволюцию у Зайцева. Однако мы не можем всё рационально объяснить в его творчестве. Писатель творит так, как подсказывает его собственное сердце. Так в ранних критических статьях она видит концепции будущих произведений писателя. Так, например, в статье *О Тургеневе* (1918) Зайцев сформулировал свой взгляд на творчество известного классика, который впоследствии реализовал в беллетризованной биографии *Жизнь Тургенева* (1930). Определяющим в создании художественного образа писателя стал его духовно-философский подход к героям (Т.М. Степанова). В данном аспекте она исследует книги о писателях: «Беллетризованные биографии Бориса Зайцева - это констатация различных способов существования в рамках духовной культуры. В них представлены разные духовные миры русских художников слова и разные меры постижения национальной основы их творчества, разные психологические типы, разные философии бытия.

«Тургенев» - открытие сложности внутреннего мира русского классика, показ его внутренней драмы, воссоздание личности мятущейся... Тургенев в восприятии и воссоздании Б.Зайцева в чём-то близок Достоевскому с его поисками смыслов.

«Жуковский» примыкает к «Преподобному Сергию Радонежскому». Здесь утверждается и развивается идея о личности, способной создать, переломить, перемочь судьбу не путём явной, открытой борьбы, а посредством подвига социума».[192]

В интерпретации судеб русских писателей Степанова видит отражение духовно-философских взглядов автора, его мировоззрения: «Такие пассивные принципы, формы поведения, как терпение, кротость, по Зайцеву, не менее важны и не менее сильны, чем борьба, активное сопротивление злу».[193] Она видит полемику Зайцева с И.А. Ильиным, отразившим свои идеи в работе *О непротивлении злу силою,* в которой, по её мнению, есть недооценка трудности и необходимости мирного пути. Она пишет о философии Зайцева, которую видит созвучной с этическими принципами таких известных мыслителей XX столетия, как Махатма Ганди, Джавахарлал Неру, Мартин Лютер Кинг. Некоторые из её выводов вызваны попыткой найти в творчестве Зайцева теоретические и идейные основы. По мнению Степановой, на Зайцева оказали влияние «два диаметрально противоположных импульса». Она пишет: «От Чехова — тяготение к

[191] Степанова Т.А. Художественный мир публицистики русского зарубежья Б.Зайцева. М., 2004, с.20.
[192] Там же, с.22.
[193] Там же с.,23.

реализму, от В.Соловьёва — идеалистическая концепция мира и человека»[194].

В самом жанре биографии исследовательница видит поучительность и назидательность, наличие нравственного урока.

Интересно, что сам Зайцев связывал во многом писательское творчество с внутренним миром. Об этом мы узнаём из его бесед с С.Крыжицким. Зайцев сказал: «Но для меня лично, как раз более дорого в писателе проявление его собственного внутреннего мира и этот внутренний мир в изгнании как раз сильнее выступает, может быть, в связи с известной всё-таки горечью положения, затем вообще большей зрелостью и человека и художника, так что это палка о двух концах. С одной стороны, в эмиграции труднее писателю, а с другой легче, то есть результаты более плодоносны»[195].

В своих высказываниях о художественных биографиях Степанова опирается на теоретические положения, сформулированные в работах А.Шиляевой, Г.Струве, Ф.Степуна и других, уделяя приоритетное внимание психологическому подходу Зайцева в изображении героев. Она пишет: «Исследователи неоднократно отмечали, что при реконструкции психологического мира другого писателя Зайцев шёл путём эмпатии, вчувствования в мир его художественных произведений. Этот же принцип использовался Зайцевым и в литературно-критической деятельности. В результате объектом исследования в биографиях стала не только жизнь (совокупность биографических фактов), но и душа писателя, по мысли Зайцева, непосредственно отразившаяся в творчестве. Автора интересовал не просто творческий или нравственный облик писателя, но в большей степени иррациональные, скрытые от поверхностного взгляда области психики, то есть подсознание или «ночная сторона души». Эта сторона души связана с такими сферами человеческой жизни, как любовь, религиозные воззрения, творческие импульсы».[196]

В литературоведческих работах многократно отмечалось, в чём заключается особенность «метода вчувствования» (Г.Струве), к которому обращался Зайцев. Смысл ЭМПАТИИ (от греч.-страдание, болезнь) заключается в ощущении понимании и способности сопереживания психологического состояния другой личности. Вот какое объяснение этого термина мы найдём в словаре *Duden*: “Empathie - Bereitschaft und

---

[194] Степанова Т.М. Поэтика и правда. Структура и поэтика публицистической прозы Бориса Зайцева. М., 2002, с.42-43.

[195] Крыжицкий С. Разговоры с Б.К. Зайцквым.// Письма 1923-1972 гг. Т.11 (доп.). М., Рус. кн., 2001, с.353-354.

[196] Там же, с.21.

Fähigkeit, sich in die Einstellung anderer Menschen einzufühlen (Psychologie)“.[197]

Далее мы остановимся на основных положениях в диссертационных исследованиях, посвящённых биографиям русских классиков.

Диссертационные исследования о биографиях «*Жизнь Тургенева»*, *«Жуковский»* и *«Чехов»*

В российском литературоведении существует несколько диссертационных исследований, посвящённых художественным биографиям Б.Зайцева. Авторы этих работ пишут об этико-эстетических взглядах Зайцева, концепции личности писателя, положенной в основу трёх биографических произведений. Некоторые исследователи посвятили отдельные главы своих работ формированию философии Зайцева и рассматривают его биографии в очень широком контексте биографических произведений, российских и зарубежных, уделяя также внимание античной или средневековой биографии. Так, например, в основе исследования И.А. Минаевой лежит идейно-концептуальный подход и стремление выявить философские основы мировоззрения Зайцева. Она пишет: «В каждую историческую эпоху перед биографом стояли разные задачи, которые определялись концепциями личности, зависели от этико-эстетических представлений художника слова»[198]. Некоторые из исследователей обратились к широкому контексту философской мысли, существовавшей в эпоху, когда жил Зайцев. Одна из учёных-филологов поставили перед собой задачу обратиться к гуманистической философии Роджерса (Н.И. Завгородняя), поскольку считает её близкой мировоззрению Зайцева. Их исследования обладают большой информативностью, обилием теоретических высказываний, часто несут гуманные идейно-воспитательные идеи, но порой представляются несколько оторванными от текста биографических произведений Зайцева.

Авторы данных исследований в большей или меньшей степени опираются на теоретические положения хорошо известных российских литературоведов: М.М. Бахтина, Д.С. Лихачёва, Ю.А. Лотмана, Л.Я. Гинзбург, М.И. Андрониковой и других. В

[197] Duden-Fremdwörterbuch 4, neu bearbeitete… Band 5, Bibliografisches Institut Mannheim/ Wien/Zürich, S. 215.

[198] Минаева И.А. Автор и герой в художественных биографиях Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов». Таганрог, 2005, с.23.

освещении проблем часто используется системный метод, сочетающий сравнительно-сопоставительный анализ творчества различных писателей. Например, Яркова сопоставляет литературный портрет у М.Горького и Б.Зайцева[199].

Н.Н. Жукова одна из первых осветила тему творческой личности в биографиях писателей. В своём исследовании *Проблема становления творческой личности в художественных биографиях Б.К. Зайцева*[200], опираясь на теоретические положения, выдвинутые Ф. Степуном, она пытается проследить эволюцию этико-эстетических взглядов Зайцева. Жукова рассматривает его произведения в тематическом аспекте, уделяя большое внимание психологизму в изображении личности писателей и их жизненной эволюции. Внимание исследовательницы привлекло изображение сердечных чувств Тургенева. Она пишет о «философии любви» писателя, которую она рассматривает как один из приёмов самораскрытия личности[201]. Такое видение определённой идеи свойственно и некоторым другим диссертационным исследованиям, авторы которых пытались «уложить» концепции хорошо известных философов в рамки произведений Зайцева.

О.А. Кашпур рассматривает в своей диссертации *Жанр литературного портрета в творчестве Б.К. Зайцева*[202] произведения *Преподобный Сергий Радонежский, Жизнь Тургенева, Жуковский* и *Чехов* как единое тематическое целое, исследуя истоки биографического жанра в творчестве писателя. Теоретические наработки Кашпур были позднее упомянуты в диссертации И.А. Минаевой, с учётом которых она развивала дальше идеи об авторе и героях в биографиях Зайцева. Кашпур оценивает их с точки зрения христианской этики. Исследовательница рассуждает о жанровой специфике биографических произведений, определяя их как «литературный портрет», что является, по мнению некоторых литературоведов, весьма спорным с точки зрения теории жанра. Её теоретические выводы оспаривает Яркова в своей монографии[203].

Справедливо считают те исследователи, которые указывают определённые сходства в принципах изображения личности в «литературном портрете» и в «художественных биографиях», при этом относя их к различным жанрам (И.А. Минаева).

Кашпур полагала, что изображение Тургенева в книге Зайцева является крайне

---

[199] Яркова А.В. И.С. Тургенев в творческом сознании Б.К.Зайцева. Спб.,1999, с.8.

[200] Жукова.Н.Н. Проблема становления творческой личности в художественных биографиях Б.К. Зайцева. Дис... канд. филол. наук. М., 1993.

[201] Цитируется по ниже указ. диссертации И.А. Минаевой. С.12.

[202] Кашпур О.А. Жанр литературного портрета в творчестве Б.К.Зайцева. Автореф. дис. ...канд .филол. наук. М, 1995. Цитируется по диссертации И.А. Минаевой «Автор и герой в художественных биографиях Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов». Таганрог, 2005, с. 12.

[203] Яркова А.В. Жанровое своеобразие творчества Б.К. Зайцева 1922-1972 гг. СПб., 2002, с.110, с.127.

субъективным, что является также весьма спорным. По её определению, автор «деформировал» образ классика «в угоду концепции».[204]

В работе Н.И. Завгородней «Образ художника в беллетризованных биографиях Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов» биографии о писателях рассматриваются в контексте религиозной философии начала XX века. Изображение героев в биографиях она связывает с православным мировоззрением Зайцева. Завгородняя выделила следующие аспекты для изучения в своей диссертации: «образ творчества», который, как она представляет, подводит к проблеме «метода» и открывает «религиозно-философские основы зайцевской концептуальности»[205]. Следующим важным аспектом, по её мнению, является: «Образ творца», осмысление которого проявляет проблему автора и авторского стиля». Далее она считает нужным выделить «образ личности», «данный в триедином завершении в идеях образов Жуковского, Тургенева, Чехова»[206].

Художественный метод Б.Зайцева она определяет вслед за Г.Струве как «метод вчувствования», выявляя его религиозно-философские основы. Исследовательница пишет: «Философский аспект вчувствования выводит нас в очень широкий контекст русской религиозной и философской мысли, который мы ограничиваем трудами В. Соловьёва, Н. Бердяева, Л. Карсавина, И. Ильина, Е. Трубецкого в связи с проблемами метода... Главное влияние оказали на сознание начинающего писателя крупные представители «философского идеализма» - В.С. Соловьёв, Н.А. Бердев, В.В. Иванов»[207]. В действительности, сам писатель не раз упоминал в письмах и автобиографических источниках имя Соловьёва, оказавшего ещё в молодости большое влияние на его духовную эволюцию. Об этом он также упоминал в романах (*Дальний край*, *Путешествие Глеба*) и в автобиографической статье *О себе.* Однако к философам Зайцев никогда себя не причислял, а только подчёркивал значимость философии для своего внутреннего мира. Он писал: «Для внутреннего же моего мира, его роста, Владимир Соловьёв был очень, очень важен. Тут ни литература, а приоткрытие нового в философии и религии. Соловьёвым зачитывался я в русской деревне, в имении моего отца, короткими летними ночами».[208]

---

[204] Кашпур О.А. Указ. соч. с.15. Цитируется по указ. монографии Ярковой А.В., с.127.
[205] Завгородняя Н.И. Образ художника в беллетризованных биографиях Б.К.Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов». Барнаул, 1996, с.10.
[206] Указ. соч., с.10.
[207] Указ. соч., с.13.
[208] Зайцев Бор. О себе., т. 4, М., Русский писатель, 1999, с.588.

Нам представляется логичным рассуждать не о «философском аспекте вчувствования», а о том, что Зайцев в своём писательском мастерстве многое постигал через чувства и интуицию. Поэтому данное заключение Завгородней кажется нам не вполне обоснованным. Многие из религиозно-философских взглядов Бедяева или Соловьёва были близки Зайцеву, однако изображение своих героев он не связывал никакими концепциями. Такое высказывание философа: «Познай самого себя и через это познаешь мир»[209] предполагает метод внутренней интроспекции, к которому прибегают иногда зайцевские герои, склонные к поиску. В большей мере это отразилось у Зайцева в изображении личности Жуковского в одноимённой биографии о нём, где изображению внутреннего мира героя отводится важное значение.

Исследовательница ставила перед собой задачу рассмотреть эстетический аспект творческого метода Зайцева, а также выявить философские основы концепции личности художника у Б.Зайцева, понимавшего человеческую жизнь как путь. В письмах и выступлениях писателя она видит «проявление идеи предопределённости и связи художественного пути и внутренней природы таланта (причём понятие это приобретает различные толкования: путь-судьба, путь-восхождение, путь-очищение и др.).[210] В образе художника исследовательница находит «двойной смысл»: «модель и идею». Одна из глав её диссертации посвящена феномену русского православного сознания в творчестве автора.

Мы можем сказать, что некоторые из заключений автора диссертации несут религиозно-философские идеи и отражают её восприятие биографических произведений Зайцева.

А.В. Яркова в своём диссертационном исследовании *И.С. Тургенев в творческом сознании Б.К. Зайцева* рассматривает становление целостного образа И.С. Тургенева в творческом сознании Б. Зайцева и реализацию этого образа в книге *Жизнь Тургенева*.

Исследовательница показала своеобразие авторского изображения Тургенева в документально-художественных и литературно-критических произведениях. Опираясь на теоретические взгляды Шиляевой, Яркова рассматривает биографию *Жизнь Тургенева* в широком литературно-критическом контексте. В описании жанра *«биография»* исследовательница справедливо ссылается на размышления самого Зайцева, охарактеризовавшего многообразие биографических произведений в литературе Русского Зарубежья (статья *Двадцать первое марта*, 1949). Яркова пишет:

---

[209] Бердяев Н. Смысл творчества. Paris, 1985, с.86-88.
[210] Завгородняя Н.И. Указ. соч., с.17.

«Для этого жанра характерна достоверность, полное отсутствие вымысла при высокой художественности формы».[211]Учитывая теоретические наработки современных исследований в литературоведении, она делает выводы о сходстве и различиях между жанрами литературного портрета и художественной биографии:

« 1. Произведения обоих жанров имеют документальную основу, но портрет чаще строится на личных воспоминаниях, а художественное жизнеописание, которое обращается к уже завершившейся жизни, - на основе документальных свидетельств других лиц.

2. Цель того и другого — создание целостного изображения индивидуальности человека, но в литературном портрете обычно воспроизводится облик уже сформировавшейся личности, а в жизнеописании — процесс постепенного её становления. Это предопределяет различия в композиции произведений: жизнеописание подразумевает хронологически-последовательное изложение событий героя, которые образуют сюжет. Литературный портрет — это мозаика разрозненных впечатлений, в которой хронология воспоминаемых событий не обязательна.

3. И в том и в другом ощущается отношение автора к герою, при этом создаётся художественный образ, который содержит субъективное представление автора о герое»[212].

Определяя специфические черты биографического жанра, Яркова подвергает сомнению теоретические заключения, выдвинутые Кашпур в её диссертации, и вносит свои наработки в вопросы о жанре.

Вслед за Г. Струве она называет художественный метод, применённый автором «беллетризованных» биографий, «методом вчувствования». «Воссоздание облика писателя, - пишет исследовательница, - ведётся *художественными* приёмами, Б.Зайцев во многом *угадывает* то утаённое, что составляет основу личности и что не может быть доказано документально».[213] Хотелось бы внести уточнение к высказыванию исследовательницы, потому что Зайцев очень деликатно передавал свои авторские мысли о внутреннем мире писателей. Если он не находил прямого подтверждения в документальных источниках, то прибегал к модальным словам, выражающим возможность или вероятность его предположений. Для Зайцева-писателя представлялось важным выяснить, в какой мере каждый из писателей чувствовал

---

[211] Яркова А.В. И.С. Тургенев в творческом сознании Б.К.Зайцева. Автореф. дис. ...канд филол. наук., СПб., 1999, с.5. http://www.yarkova. lodya.ru/Alla3.htm

[212] Там же, с. 6-7.

[213] Там же, с.7.

глубину духовных традиций, которые получили отражение в их творчестве.

В диссертационном исследовании И.А. Минаевой *Автор и герой в художественных биографиях Б.К.Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковсий», «Чехов»* проблема «автор и герой» стала предметом специального изучения. Минаева ставила перед собой задачу исследования приёмов создания образа героя и формы выражения авторского отношения в повествовании. В своих выводах она во многом следует за М.М. Бахтиным, В.В. Виноградовым, Г.О. Винокуром, Ю.Н. Тыняновым и другими исследователи, традиционно считавшимися основоположниками российского литературоведения. Одну из глав своей диссертации Минаева посвящает истории становления и развития художественной биографии. Несколько шире, чем предшествующие литературоведы, она рассматривает «концепцию творческой личности» в книгах Зайцева, выделяя следующие аспекты для исследования: «ценностную ориентацию Б.К. Зайцева в воплощении образа писателя», «пространственно-временную форму героя», «анализ творчества как средство воплощения образа героя», «психологические аспекты изображения героя».[214] К важными средствами создания образа героя она относит биографический элемент, психологизм, портретные характеристики, социокультурный контекст.

Многие теоретические положения взяты ею из работ Бахтина, писавшего о «пространственно-временной форме героя» и проблеме отношения автора к нему[215].

Видя в биографиях воплощение идеи Зайцева, Минаева пишет: «Концепция личности героя является выражением творческой позиции Б.К. Зайцева. В его представлении художник — Божий избранник, которому уготована особого рода судьба. Художественные биографии подчинены раскрытию духовно-нравственных основ русских писателей-классиков. В осмыслении личности приоритетными для биографа являются общечеловеческие ценности, поэтому мотивы семьи, дома, любви становятся доминирующими в создании образов героев»[216].

Исследовательница выделяет одну из особенностей биографического времени, которую она называет «феноменом» Зайцева-биографа: «Он подолгу останавливается на описании и анализе отдельных, скоротечных состояний героев и очень кратко

---

[214] Минаева И.А. Автор и герой в художественных биографиях Б.К.Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов». Таганрог, 2005, с.2.

[215] См.: Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. СПб., 2000. Этому рассуждению Бахтин отводит целую главу своей книги. С.49-123. Он подробно рассуждает о моментах эстетической деятельности, которыми руководствуется писатель в своих произведениях.

[216] Минаева И.А. Там же с., с.85.

информирует о более длительных периодах жизни».[217] Так писатель значительно подробно рассказывает о трудном периоде жизни Марии Протасовой в Дерпте и сжато излагает последние двадцать три года жизни Жуковского. Такой вывод кажется нам обоснованным: обычно писатель прибегал к приёму «замедленного повествования», если в его задачу входило изображение моментов жизни героя, особенно важных для его внутренней эволюции. Правильность данных наблюдений можно также подтвердить, если обратиться к письму В.А. Жуковского, написанному Марии Протасовой: «Начало письма мрачное, «и мысли и чувства были черные». Вдруг останавливается будто свет озарил моё сердце и взгляд на жизнь совсем переменился». Далее Б. Зайцев в импрессионистической манере изображает психологическое состояние своего героя: «В некоей восторженности он встаёт, не докончив письма, идёт в залу искать платка. Там встречает Машу. Она подаёт ему изломанное кольцо. Он даёт ей своё. Всё как бы в полусне, самнамбулически. Но нечто случилось, оба понимают, что произошло важнейшее: поменялись кольцами, обручились на новое, возвышенно прекрасное, но в земном плане безнадёжное. Кольцо даже не им дано ей, и не ею ему. Промысел ведёт их высшим — пусть сейчас и горестным путём» (5, 235).

Говоря о роли лирических отступлений в художественных биографиях, исследовательница заключает: «По объёму лирических отступлений на первом месте стоит книга о Жуковском»[218]. Правда, связывает она это с недостаточностью фактов, которыми располагал Б.Зайцев: «Чем меньше знал биограф о характере, о судьбе, о жизни своего героя, тем больше погружал его в атмосферу лиризма».[219] Нам кажется более правильным связать это с умением Зайцева «вжиться» во внутренний мир героев, наиболее близких его собственному духовному миру, который прибегал к методу «вчувствования», создавая их художественные образы. В дневниках писателя есть записи, сделанные в процессе работы над биографией (10 марта 1945 г.): «Милый Жуковский! Дышал и дышу им, жизнию его и творением, жизнями близких ему. От всего этого - свет и поэзия, то есть то, что нужно, без чего тяжело жить...

Когда волнует читаемое, откладываю, сижу молча. Дуня Киреевская, Александра Воейкова, Василий Андреевич Жуковский («Базиль») - всё это свои, наши. Столетие нас разделяет. Но они ближе современников и невозможно их не любить».[220]

Исследовательница замечает, что в биографии нет вымышленных лиц и событий, но

---

[217] Там же с.,166-167.
[218] Минаева И.А. Указ. соч., с.149
[219] Минаева И.А. Указ. соч., с.143.
[220] Зайцев Б.К. Дни. Т.9 (доп.), М., Русский писатель, с.220-221.

есть «эпизоды творчески домысленного характера». Она уточняет: «... В некоторых случаях писатель как бы раздвигает рамки документа. Так происходит, когда события в жизни героя или состояние его души наиболее созвучны биографу».[221]

Минаева пишет об авторе как о глубоком искателе истины, чья душа отразилась в его творениях: «(Б.Зайцев) фактически всю жизнь шёл путём искания истины, осмысляя реальные связи человека со средой, обществом, эпохой, постигая себя путём проекции своих личностных устремлений на мир персонажей произведения. Поэтому художественные биографии Б.Зайцева являются в то же время и автобиографиями души писателя-художника».[222]

Монографии, посвящённые биографиям писателей

В последнее время появились отдельные монографии, в которых существует тенденция изучать творчество Зайцева в широком контексте литературы, не только русской, но и зарубежной. Их авторы не только пишут об эстетических ценностях биографий Зайцева и духовном мире писателей, но иногда разрабатывают вопросы теории литературы на материале его произведений.

Истории изучения жизни и творчества писателя посвящена монография А.В. Ярковой *Борис Константинович Зайцев*. Исследовательница даёт постановку проблемы изучения творчества писателя в России. По её высказыванию, всестороннее изучение творчества Зайцева всё ещё сопряжено с определёнными трудностями: отсутствует полное академическое собрание его сочинений, разрознен писательский архив, одна часть которого находится у наследников писателя в Париже, а другая – в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (США)[223]. Отдельные рукописи и письма хранятся в архивах Санкт-Петербурга и Москвы, а также в частных собраниях.

Исследовательница даёт краткий обзор публикаций о Зайцеве, охватывающих весь период творчества писателя и написанных критиками Русского Зарубежья. Она упоминает также работы отечественных литературоведов. Внимание исследовательницы привлекла статья Л. Ржевского *Тема о непреходящем*[224], в которой

[221] Минаева И.А. Указ. соч.,с.141-142.
[222] Там же с., 170.
[223] Яркова А.В. Борис Константинович Зайцев. Семинарий, СПб., 2002, с.6.
[224] Ржевский Л. Тема о непреходящем// Мосты,- 1961, № 7.

он охарактеризовал особенности работы Зайцева с документальным материалом при написании биографий и его творческий метод. Его взгляды получили дальнейшую разработку в монографии А. Шиляевой.

Одной из наиболее удачных статей о творчестве писателя является, по её мнению, статья Ф. Степуна, верно определившего стиль и особенности дарования Зайцева[225]. Творческое видение писателей в биографиях Зайцева и у Степуна получают в работах Ярковой название «концепция» личности. Эту идею она развивает в следующей своей монографии. Статьи Зайцева о Тургеневе и Чехове она рассматривает как «истоки концепции» будущих биографических произведений, где была сформулирована авторская идея.

В более широком контексте Яркова даёт описание творчества Б.К. Зайцева в своей монографии *Жанровое своеобразие творчества Б.К. Зайцева 1922-1972 годов*. Исследовательница даёт анализ жанровой системы его произведений периода эмиграции, освещая их как идейно-тематическое целое. Привлекая к анализу малоизвестные статьи, она рассматривает творчество писателя как единое идейно-тематическое целое. Большое внимание в анализе «беллетризованных» биографий уделено «психологической концепции личности художника» - Тургенева, Жуковского и Чехова, где исследовательница во многом соглашается со взглядами Ф.Степуна, писавшего о «ночном образе Тургенева» в юбилейной статье, посвящённой Зайцеву.

Как уже говорилось, в статьях о писателях, принадлежавших биографу, Яркова склонна видеть истоки концепций будущих биографий. Статьи *Тургенев в Париже*, *Смерть Тургенева, Тургенев на Съезжей,* создаваемые вместе с беллетризованной биографией о писателе, она относит к «этюдам к жизнеописанию», создаваемых одновременно с беллетризованной биографией о нём.[226]

«Другую группу статей, - пишет исследовательница, - составляют статьи о творчестве Тургенева, концептуально перекликающиеся с первой статьёй 1918 года и биографией писателя. Особо нужно назвать статьи, которые создавались одновременно с жизнеописанием - «Тургенев и Моруа» (1930) и «Новый Тургенев» (1931)»[227].

Она выделяет также группу статей, написанных после биографии Тургенева[228].

В таком же ракурсе будущей авторской концепции анализируются статьи о Чехове[229].

---

[225] Степун Ф. Борису Константиновичу Зайцеву — к его восьмидесятилетию// Соб. соч. в 5-ти т. Т.5, М., 1999.

[226] Яркова А.В. Жанровое своеобразие творчества Б.К. Зайцева 1922-1972 гг. СПб., 2002, с.62.

[227] Указ. соч., с.64.

[228] В монографии Ярковой речь идёт о статьях*: Тургенев и его мать* (1944), *Потомство Тургенева* (1952), *Судьба Тургенева* (1958).

А.В.Яркова характеризует их по хронологическому принципу. Пять произведений, написанных писателем в довоенные годы[230], были положены им в основу мемуарного очерка, включённого в книгу *Москва* (1939).[231] После войны Зайцев написал биографию Чехова и ещё семь произведений, примыкающих к жизнеописанию и содержащих, по её мнению, сходную интерпретацию писательского творчества. Преимущественно это рецензии на театральные постановки пьес писателя и юбилейные статьи.[232]

Для описания жанра биографий писателя Яркова прибегает к широкому литературному контексту, охватывающему античную и средневековую литературу, где закладывались основы будущего жанра. Такой подход нам кажется лишённым основания, поскольку они были написаны в отдалённую историческую эпоху, когда описание духовных и эстетических поисков героев лишь закладывалось в литературе. Не всегда представляется необходимым сравнивать литературные произведения писателей разных стран, потому что они являются носителями разных культур.

Анализируя биографию *Жизнь Тургенева* (1930-1931), исследовательница оспаривает точку зрения А.Шиляевой об источниках её написания. Она пишет: «А.Шиляева считает, что Зайцев обращался также к мемуарам современников — В.Н. Житовой, Н.А. Огарёвой-Тучковой, А.А. Фета и других. Логичнее предположить, что круг источников был ограничен, и основным из них была книга И.М. Гревса *История одной любви: И.С. Тургенев и П.Виардо* (2-е изд., М.1928). Она содержит не только обширный круг сведений о биографии Тургенева, в том числе о личной жизни писателя, но включает также выдержки из переписки со многими адресатами, фрагменты воспоминаний современников. Биографический «сюжет» «Жизни Тургенева» местами представляет почти конспект книги И.М. Гревса»[233]. Однако исследовательница не аргументирует свою точку зрения.

---

[229] Указ. соч., с. 68-75.

[230] См.:Зайцев Б.К.1)Чехов//Возрождение.1928.15 июля (№1076).С.3-4; 2)Русская слава//Возрождение1929.15 июля(№1504).С.1; 3) «Три сестры» в России. Сам Чехов.«Три сестры здесь //Возрождение. 1937.17 дек.(№4110).С.3; 4)Россия Чехова: К годовщине смерти писателя, 2/15 июля 1904. Иллюстрированная Россия. 1938.6 авг. (№33(691)).-С.1-4.; 5)А.П.Чехов.1904-1939.(Писатели о Чехове)//Для Вас. Рига, 1939.6 авг.(№32).С.17.

[231] Там же, с.70.

[232] См.:Зайцев Б.К.1) Милые призраки//Русская мысль.1954.17 дек.(№720).С.4-5; 2) Чехов в Италии// Новое русское слово.1954. 11июля (№15415). С.2; 3) Творчество из ничего. Вновь Чехов//Русская мысль.1958.15 февр.(№1174).С.2-3; 4)Три встречи//Новое русское слово.1960.24 янв.(№17111).С.2; 5) Поздний Чехов.(В овраге)//Русская мысль. 1960. 28 янв.(№1479). С.2-3; 6)Дни/записи 12,13,17,21 мая 1963/(Опять Чехов, опять...)//Русская мысль.1963. 20 июля(№2010).С.2-3; 7)Венок. 1904-1964//Русская мысль.1964. 30 июля(№2184). С.3.

[233] Там же, с.113-114.

Выразительные портреты предков и родителей писателя, а также картины его детства и юности воссозданы в основном по художественным произведениям Тургенева *(Первая любовь, Пунин и Бакунин, Яков Пасынков*)[234]. Художественные биографии о писателях анализируются прежде всего с точки зрения поэтики.

Яркова так определила авторское видение героя: «Новизна зайцевского взгляда на личность Тургенева заключалась в том, что он уделил особое внимание скрытой стороне жизни писателя, попытался проникнуть в тайны подсознания, изобразить иррациональные импульсы, влиявшие на творчество».[235] Такой подход, унаследованный, вероятно, от В.В. Соловьёва, она считает характерным для XX века, когда существовали теории об интуитивистской природе творчества и интересом к подсознательному.

Большое внимание Яркова уделяет изображению Тургенева. Она пишет: «Зайцев поставил перед собой цель изобразить «пёстрого, живого Тургенева», в характеристике которого соединялись самые разные черты. Главной же задачей автора было угадать за внешним обликом «всем образованным людям известного Тургенева» подлинное лицо индивидуальности, запечатлеть «неуловимую душу писателя, которая с наибольшей полнотой выразилась в творчестве»[236]. Здесь хотелось бы уточнить её высказывание. Зайцев не ставил перед собой задачи «угадывать», а лишь рассказал о своём видении Тургенева, его судьбы и творчества, при этом стремясь к объективности.

Принцип композиционного отбора материала в биографиях Яркова определяет как «доминантный». Исследовательница выражает мысль о том, что Зайцев концептуально «продумал» изображение Тургенева. Она пишет: «Зайцев создаёт «доминантный портрет» Тургенева, выделяя отдельные события его жизни как своеобразные пики судьбы, и каждый раз показывает, как на переломах личность раскрывает наиболее типичные, определённые качества»[237]. Как нам кажется, Зайцев полностью полагался на свою писательскую интуицию и художественное видение, не ограничивая своё творчество мыслью, как проявится характер Тургенева в определённых событиях.

Нам представляется невозможным согласиться с такой трактовкой темы любви писателем, который якобы реализовал свою «концепцию Эроса». Яркова пишет: «Зайцев видит глубинную связь творческого процесса и душевных переживаний художника. В русле этой концепции единства эмоционального мира и творчества

---

[234] Там же, с.117
[235] Там же, с. 115
[236] Там же, с.116.
[237] Там же, с.119.

писателя Зайцев рассматривает «жизнь сердца» Тургенева... Зайцев реализует в книге определённую концепцию Эроса, противопоставляет плотское и духовное начало в любви: «Афродиту-Пандемос и Афродиту-Уранию он познал почти одновременно - явились они раздельно и так раздельными остались навсегда (5,29)».[238]Тема любви в жизни Тургенева важна для биографа как одно из средств проникновения в его духовный мир и пониманием многих его произведений, связанных с любовной темой в творчестве, началом которых явились сильные эмоциональные переживания. «Первая истинная его влюблённость, - пишет Зайцев, - прославлена им же самим. Испытав полуребёнком чувства высокие и блаженно-мучительные, в зрелости создал он из них лучшее своё произведение» (5,30).

В видении судьбы Тургенева у Зайцева исследовательница видит идею: «По мнению биографа, истоки внутреннего трагизма коренились в тургеневской душе, в его взгляде на жизнь, что проявилось и в творчестве писателя»[239]. Как нам кажется, Зайцев изображал судьбу Тургенева с позиции своего духовного опыта, невольно привнося своё понимание происходящего. Верной является мысль Ярковой о том, что главной, определяющей чертой личности Тургенева, обусловившей его судьбу, Зайцев считал фактическое отсутствие веры. Биограф рассуждает о причине драматизма судьбы Тургенева: «Она не пришла, как и не пришла и полная, осуществлённая любовь. Если бы была вера и такая любовь, как у Татьяны (или позже у его собственной Лизы из «Дворянского гнезда»), не было бы холодной и презрительной тоски. Странно сказать, но молодой Тургенев хорошо чувствовал дьявола - вернее, мелкого беса, духа пошлости и середины. Бесплодность, испепелённость сердца оказались ему близки» (5,51).

В качестве источников, к которым обращался писатель, Яркова называет работу А.Н. Веселовского *В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения* (1904).[240] Зайцев также упоминал *Уткинский сборник*, изданный профессором А.Е. Грузинским. Это издание Зайцев оценил высоко, поскольку оно включало в себя «письма невесты Жуковского и другие драгоценности нашей литературы».[241] Ещё одним источником явилась книга К.К. Зейдлица *Жизнь и поэзия В.А. Жуковского 1783-1852. По неизвестным источникам и личным воспоминаниям* (1870 г., русский перевод - 1883г.).[242]

---

[238] Там же, с.121-122.
[239] Там же, с.123-124.
[240] Яркова А.В. Жанровое своеобразие творчества Б.К.Зайцева 1922-1972 годов. СПб., 2002, с.128.
[241] Зайцев Б.К.. Московский университет в моей жизни.//Дни. Т.9, с.334.
[242] Яркова А.В. Указ. соч., с.128.

Изображение Жуковского в биографии Яркова также связывает с следующей идеей: «Концепция образа Жуковского в книге определена представлением о подлинно христианском мирочувствовании писателя, в основе которого — смирение и глубокая вера в Божий Промысел».[243] Книга о Жуковском, как и художественная биография Тургенева, строится на событиях доминантных, что позволяет автору показать идею о роли «Божьего промысла в судьбе Жуковского».[244]

Точнее было бы сказать, что Зайцев таким представлял себе Жуковского. В своих публицистических сочинениях он, действительно, не раз писал о «просветлении и очищении», которые должна давать истинная религия. В одной из статей он связывает их с именем В.А. Жуковского: «Жуковский всегда связан с духовным — это и животворит. Если хотеть просветления и очищения, то оно именно идёт из проникновения к вечному»[245]. В христианской этике смирение связывалось с силой духа и стойкостью веры, помогающими просветлённой личности побеждать пагубные земные страсти.

Исследовательница высказывает новую идею о том, что все три писательские биографии «составляют трилогию, связанную единством авторского подхода к изображению творческой личности».[246] В своих суждениях она идёт вслед за Е.Воропаевой, которая утверждала, что автор реализовал в ней определённую типологию литературных героев, представленную им в рецензии на переизданное произведение *Образы Италии П.Муратова* (1924). Писателем в ней названы три типа героев: «художник», «святой» и «деятель». Эта триада реализовалась Зайцевым в книге *Афон,* представляющей собой путевые очерки. Обе исследовательницы утверждают, что данная идея также получила воплощение в художественных биографиях русских писателей. В 1931 году на вопрос Н. Городецкой, если у него «свой» героя, Зайцев ответил: «Представьте себе — Суворов... И даже мне представлялось — раскрыть Россию в трёх лицах: Преподобный Сергий Радонежский, Тургенев и Суворов. Святой, художник и воин»[247]. Если Тургенев представлен как «художник», созерцающий, но не действующий, то Жуковский приближен автором к образу святого. Чехов, в представлении писателя, - личность действующая, практик (идея Ярковой).

В композиционном построении произведения Яркова видит влияние житийного канона,

---

[243] Яркова А.В. Указ. соч., с.129.
[244] Там же, с.130.
[245] Зайцев Б.К. Россия//Святая Русь. Т.7 (доп.), с.378.
[246] Яркова А.В. Указ. соч., с.129.
[247] Возрождение. 1931. 13 янв. (№2051), с.4. Цитируется по выше указ. монографии Ярковой. С.129.

на который ориентировался Зайцев. Она утверждает, что «степень проявления житийного канона в писательских биографиях не одинакова: она, несомненно, выше в биографии Жуковского, что обусловлено зайцевской концепцией личности героя».[248] Такое суждение о связи жанра с «концепцией» героя у Зайцева является недоказательным. Оно имеющим место в других работах о биографиях Зайцева. О житийном каноне писали также Пак, Минаева, Козыро и другие. Как нам представляется, авторы этих исследований отождествляют писателя с философом или мыслителем, иногда психологом.

Яркова сравнивает тему любви во всех трёх биографиях. Она выражает верную мысль, указывая на особенности изображения внутреннего мира Жуковского: «Жизнь сердца, в представлении Зайцева, тесно слита с жизнью духа и, в свою очередь, с творчеством, которое не столько отражает, но и преображает мир (что выражено строкой Жуковского: «Жизнь и поэзия — одно»)[249].

Находясь эмиграции, Зайцев особенно сильно чувствовал духовные традиции русской литературы. Она являлась не только идеалом для писателя, способным противостоять жестокостям реальной жизни, но и была способна вести к воскрешению нравственности. В своих дневниках Зайцев писал: «Гоголя след с детских лет в сердце. Жуковский пришёл много позже. Обоих люблю, хоть и силы разные. Какие они письма друг другу писали! Вообще, что была за Россия! В ней сейчас пепелища, разоренье...всё равно дух вечен... Гоголи и Жуковские за нас заступники. Если бы они живы были сейчас, я сказал бы им: «Старайтесь, ради Бога старайтесь, дорогие мои, побольше пишите! Это так нужно»!» [250].

Одной из особенностей жизнеописания Чехова Яркова верно считала присутствие мемуарного начала. Об изображении Чехова в биографии она писала: «Авторское начало проявилось не только в стилевом оформлении, но более всего — необычной интерпретации образа Чехова... Во всех жизнеописаниях Зайцев старался изобразить духовный облик героя, выделяя в личности, по её мнению, важнейшие качества: способность любить и верить, а также отражение скрытых душевных движений в творчестве».[251] Художественное видение Чехова она представила в соответствии с замыслом Зайцева: «Автор биографии показал до конца не преодолённую двойственность личности Чехова. В его изображении рационалист «доктор Чехов»

[248] Яркова А.В. Указ. соч.,с.129-130.
[249] Указ. соч.,с.133.
[250] Зайцев Б. О Жуковском. 4 февраля 1942//Т.9 (доп.). Дни. М.2000, с.253.
[251] Яркова А.В. Указ. соч., с.136.

борется с Чеховым — художником и человеком. Зайцев изобразил скрытого, «внутреннего» Чехова и — главное — подчеркнул его неосознанное религиозное чувство, мимо которого прошла большая часть читателей».[252]

Типологически художественные биографии охарактеризованы исследовательницей как «психологические» с «преимущественным интересом к внутреннему миру».

Обобщая свои идеи, она пишет: «Концепция творческой личности у Зайцева определяется теми формами, которые в духовном мире человека принимает способность любить, а также формами религиозной веры. Поэтому Зайцев уделяет преимущественное внимание духовному миру личности: «жизни сердца», религиозным устремлениям, бессознательным проявлениям «души художника» в его творчестве»[253].

По мнению исследовательницы, жанр биографии в творчестве Зайцева претерпел эволюцию. Если в произведении о Тургеневе автор «вкраплял пейзажные зарисовки, бытовые картины, лирические отступления», то для стиля «Жуковского» характерна «большая сдержанность», а жизнеописание Чехова отличается «скупостью художественных средств, преобладанием информативности».[254]

Произведение *Данте и его поэма* (1922) она относит к «жанру биографического очерка», созданному по документальным источникам[255].

Н.И. Пак в своей монографии провела историко-литературный анализ жанрово-стилевого своеобразия произведений Б.К. Зайцева в тесной связи с традициями русской православной культуры и их освоением в его творчестве.[256] «Важнейшая проблема, волновавшая писателя, - путь религиозно-духовного преображения человека. Обращение к этой проблеме включает наследие Зайцева в контекст той традиции русской культуры и литературы, которая восходит именно ко Святой Руси и связана с такими характерными и наиболее популярными жанрами древнерусской литературы, как житие и хождение»,[257] - отмечает исследовательница. Её отражение она увидела в биографиях русских писателей.

Пак пишет об «обновлении» жанров древнерусской литературы *житие* и *хождение* в творчестве писателя. В таком ракурсе она освещает художественные биографии о Тургеневе, Жуковском и Чехове. Преломление агиографических традиций она видит в

---

[252] Яркова А.В. Указ. соч., с.138.
[253] Там же, с. 143-144.
[254] Там же, с.145.
[255] Там же, с.143.
[256] Пак Н.И. Древнерусская культура в художественном мире Б.К.Зайцева. М.-Калуга, 2003, с.13., с.139-158.
[257] Пак Н.И. Древнерусская культура в художественном мире Б.К.Зайцева. М.-Калуга, 2003, с.9.

их жизнеописаниях. Исследовательница замечает: «Это одна из ярких страниц творчества Зайцева, продолжающая созидание «русского мира в чужом городе»[258] (слова Б.Зайцева). Основной темой биографий исследовательница считает «*путь их духовной жизни*», связывая творческое видение Зайцева с его православным мировоззрением.[259] В произведениях «с самого начала указывается, что автора интересует именно духовная жизнь его героев. Он выясняет, в какой «мере» каждый из них устремлён к этой жизни, насколько был укоренён в русской духовной традиции и как это сказалось на их творчестве... *Все* факты жизни и творчества важны с точки зрения их направленности к дольнему или горнему»[260].

Обратимся к тексту биографии *Жуковский*. Вероятно, в основу такого заключения исследовательницы о «духовной традиции» было положено авторское видение духовного мира русских классиков и их отношение к религии. Так в рассуждениях Зайцева мы находим: «Пушкин во всём этом ближе стоял к язычеству... Жуковский как христианин видел дальше Пушкина — для него назначение человека, *делание* его, совершенствование и посмертная судьба самое главное. Для Пушкина человек — поэзия. Для Жуковского — Бог и поэзия» (5,296).

Обратившись к описаниям детства Жуковского, Пак справедливо подчёркивает повышенное внимание Зайцева к духовной жизни героя.

В первой главе о Чехове, в которой рассказывалось Зайцевым о посещении церковной службы, Пак верно делает акцент на важности риторического вопроса биографа: «...но так ли уж бесследно проходило для души общение с великим и святым?» (5,336). В нём, пожалуй, и заключалась основная идея Зайцева, убеждённого в тяготении Чехова к духовному. Во всех биографических элементах она видит проявление идеи Зайцева. Исследовательница пишет: «Соотношение создаваемых биографий с агиографической традицией во многом предопределяет особенность системы образов, основных элементов композиции, пространственно-временной ориентации»[261].

Ярким примером того, как в разное историческое время оценивалась биография *Чехов*, является точка зрения В.Б. Катаева, писавшего во времена преобладания атеистического мировоззрения. Его оценка была рассмотрена в монографии Ярковой. Из суждения Катаева видно, что он не понял глубинной идеи Зайцева: «На протяжении всей книги автор пытается доказать, что, казалось бы, доказать нельзя: религиозные

[258] Пак Н.И. Указ. соч., с.139.
[259] Там же, с.140.
[260] Там же, с.141.
[261] Там же, с.142.

устремления Чехова, подчинение великого писателя «той общей идее», от которой он неоднократно и определённо себя отгораживал». Своеобразие авторского взгляда заключалось в том, что он «не делал в своём творчестве проблемы религии».[262] Такое понимание личности Чехова было возможно, если не принимать во внимание духовную основу его творчества и следовать общепринятым взглядам в литературоведении.

Зайцева, действительно, интересовала в его биографических произведениях не только земная жизнь героев, происходившая во времени и пространстве, но и их поиск истины, а прежде всего, Бога. Биограф, как пишет Пак, указывает «корни своих героев и затем старается увидеть образы светлой и Святой Руси в облике и творчестве каждого из них».[263] «Пространственные образы светлой и Святой Руси» наиболее полно, на её взгляд, отразились в книге о Чехове[264]. Рассматривая творчество писателя как единую систему, она пишет о взгляде автора на своего героя: «Проблема пути жизни, странствия в Божьем мире предопределила то, что герой биографии предстаёт не только в своём временном облике писателя, но и в вечном облике путника, странника, идущего сквозь земные пределы к миру высшему».[265]

Пак определяет следующие особенности творческого видения внутреннего мира героев у Зайцева: «Соотношение и взаимодействие земного и духовного начала составляют индивидуальность каждого героя»[266].

Исследовательница права в том, что внутренняя религиозность Б.Зайцева помогла ему увидеть в жизни и творчестве каждого из писателей отражение их поиска веры и религии в той или иной мере. Она называет это «светом веры», что помогло Зайцеву «рассмотреть то, что до него не было замечено».[267] Отражение духовной ориентации Зайцева в большей мере сказалось на изображении Жуковского, который ближе всего был его внутреннему миру. Зайцев увидел в своих героях отражение их духа как истинного и вечного начала, ради которого они проходили свой сложный земной путь. Эта мысль идеально выражена в последних строках его книг *Жизнь Тургенева* и *Жуковский*. Автор даёт описание Тургенева с его посмертной фотографии: «Умер он 22 августа. Отошедши, весь преобразился». И далее биограф видит чистоту его духа: «И не только не осталось на лице следов страданий, но кроме красоты, по-новому в нём

---

[262] Катаев В.Б. Проза Чехова: Проблемы интерпретации. М.,1979. С.288-292. Цитируется по монографии Ярковой А.В. . Жанровое своеобразие творчества Б.К. Зайцева 1922-1972 годов. СПб., 2002, с.137.
[263] Там же, с.143.
[264] Там же, с.144.
[265] Там же с.,144.
[266] Там же с.,144.
[267] Там же, с.143.

выступившей, удивляло выражение того, чего при жизни не хватало: воли, силы — мягкой, даже ласковой, но силы» (5,176). Прощание Жуковского с миром изображено как «переход-успение» (5,328). В день похорон А.П. Чехова все присутствующие чувствуют единение и просветление: «Этот день так и остался неким странствием, долгим, прощальным, но с светлым, как бы очищающим — само горе просветляло» (5,462). В нескольких строках писатель сумел также сказать об относительности времени. Таким образом, проблема жизни и смерти выражена в произведениях Зайцева как Вселенская. Таково творческое видение писателя.

Анализ произведений, данный Зайцевым, исследовательница рассматривает с точки зрения традиций православной культуры, к которой внутренне тяготел писатель: «Сам Зайцев жил в этой традиции, и дух её наполняет созданные им книги. На творчество собратьев по перу он смотрит «духовныма очима», и это особое видение выражено в характере оценок произведений. Например, о «Дыме» сказано, что в этом романе «мало человеколюбия» (128), о «Нови» - вещь неблагословенная» (193), о «Светлане» Жуковского — «одета ризами неветшающими» (222), о «Степи» Чехова — «благословенная вещь» (366), «Студент» и «Архиерей» оцениваются как откровения, данные писателю»[268]. По мнению Пак, это подчёркивание духовных традиций в произведениях Чехова отразилось на оценках его рассказов и пьес, к которым обратился биограф. Исследовательница верно поняла авторскую трактовку творчества классиков.

Обратимся к высказываниям о произведениях, данным Зайцевым. Рассказ *В овраге,* являющийся свидетельством творческой зрелости мастера слова, продолжает тему предшествующей повести *Мужики*: «Но тут взято ещё острей, ближе и написано ещё совершенней» (5,437). Б.Зайцев интуитивно выделяет образ Липы, видя в ней отражение облика Божественной Матери: «...Показаны те, в ком живет Живоносная. Есть облик Марии-Девы (хотя Липа замужняя и у ней ребёнок), есть и вечная трагедия Матери» (5,437). В её душе он находит истинно христианские качества — прощение, смирение: «Она не восстанет и не восстаёт. Именно потому, что смиренно приемлет — вот мир и свет, через само страданье к ней сходят» (5,439). Об образе Липы и её матери Б.Зайцев пишет: «Царство Божие именно в них, как и в подрядчике Костыле: мир души, свет и благоволение» (5,439). Интересны рассуждения биографа о процессе творчества. Зайцев верит в божественную природу таланта и в особое предназначение мастера слова: «Можно сказать: Чехову было дано написать в этой Липе с младенцем почти

[268] Пак Н.И. Указ. соч.,155-156.

видение евангельского оттенка» (5,439). В ней писатель увидел торжество истин, принесённых Христом, необходимость прощения: «Зло и грубость и жадность, жестокость внешне победительны. Но как и в «Дяде Ване» внутренне побеждают смиренные и святые» (5,437). Интересна постановка знаков препинания у Зайцева, помогающая ему более ярко выразить мысль о «врагах» человеческого духа.

Рассказ *Архиерей* оценивается как «свидетельство зрелости, и предсмертной, несознательной просветлённости» (5,453). Он созревал в творческом сознании писателя в течение пятнадцати лет. О художественном совершенстве рассказа Зайцев пишет: «Как и «В овраге», «Архиерей» написан с тем совершенством простоты, которое даётся трудом целой жизни. Но он не сделан, а сотворён...» (5,452). В нём «всё пережито», и в этом причина его успеха.

В таком же аспекте «духовной традиции» исследовательница освещает рассуждения биографа о духовном мире писателей, как бы «попутно» включённые в повествование.

Можно дополнить, что тема «Святой Руси» была одной из важнейших в творчестве Б.Зайцева в период эмиграции, когда взгляд писателя устремился на возрождение духовных ценностей, расшатанных революцией, которую он понимал как расплату за содеянное. Именно через традиции Руси он обращается к Святой Руси, к её великим духовным корням. В своих воспоминаниях Б.Зайцев писал: «Тяжело вспоминать. Дорого мы заплатили, но уж, значит, достаточно набралось грехов. Революция — всегда расплата».[269]

Об авторском видении героев исследовательница заключает: «Образы героев в жизнеописаниях (при всей их индивидуальности) создаются по единому принципу. Из фактов жизни и творчества складываются портретные (индивидуальные) черты писателей. Внимание автора направлено на то, чтобы высветить «высокие тяготения», *лик* каждого из них».[270] Мы видим, как исследовательница переосмысливает значение слова *лик*, характеризующего изображения святых на иконах. Зайцев же не называл никого из писателей святым. Ему было важно передать духовную глубину каждого из них. В большей мере он видит её в Жуковском: «Свет всегда жил в Жуковском. Скромностию своей, смиренным приятием бытия, любовию к Богу и ближнему, всем отданием себя он растил этот свет (5, 326).

[269] Зайцев Б.К. Молодость — Россия// Дни. Т.9 (доп.), М., Русская книга, 2000, с.17.
[270] Пак Н.И. Указ. соч., с.157.

Статьи о биографиях писателей

На родине Зайцева растёт интерес к его творчеству. В Орле и Калуге регулярно проходят конференции, посвящённые научному изучению его творческого наследия (Орёл -1998 г., 2001 г., 2006 г.; Калуга-1996г.,1998г., 2001г., 2003г., 2005г.)[271]. По их материалам создаётся большое количество статей, некоторые из которых будут рассмотрены ниже. В Орловском государственном университете также прошла Юбилейная Международная конференция, посвящённая творчеству Б.К. Зайцева и Л.Н. Андреева (сентябрь 2001 года).

Особенно актуальным, по мнению некоторых учёных представляется рассматривать творчество писателя к контексте литературы и философии «Серебряного века». Например, Е.В. Локтионова развивает идею о философских особенностях мировоззрения Зайцева.[272] Такой подход к творчеству писателя прослеживается и в некоторых других научных статьях. Художественное и эстетическое совершенство произведений Б.Зайцева делают возможным отнесение его творчества к классике XX века.

А.П. Черников, явившийся участником конференций учёных, несколько своих работ посвящает философско-эстетической концепции мира и человека в творчестве Зайцева, точнее концепции «живой жизни», истоки которой он видит в народной мифологии, а в плане литературной преемственности в «натурфилософской поэзии» Жуковского. Литературовед показывает эволюцию творчества писателя, связанную с углублением его православного мировоззрения.[273]

Свою идею он развивает в следующей статье, рассуждая об общности этико-философских и эстетических взглядов Жуковского и Зайцева. Черников пишет: «Зайцева привлекал нравственный пафос творчества Жуковского, его обращение к философским проблемам добра и зла, жизни и смерти, совести, счастья, высокое чувство ответственности поэта за своё искусство («Что он сам, то будет и его создание»[274]. Он ставит вопрос о поэтических традициях Жуковского в прозе Б.Зайцева,

---

[271] Их организатором стал Е.Н.Зайцев, двоюродный племянник писателя.

[272] Локтионова Е.В. Творчество Б.К.Зайцева в контексте литературы и философии «Серебряного века»//Наследие Б.К.Зайцева: Проблематика, поэтика, творческие связи. Орёл, 2006, с.30-36.

[273] Черников А.П. В мире художественных исканий Б.Зайцева.//Проблемы изучения жизни и творчества Зайцева Б.К. Первые Международные Зайцевские чтения. Калуга, 1998, с.8-17.

[274] Черников А.П. В.А. Жуковский в художественном мире Б.Зайцева//Наследие Б.К. Зайцева: Проблематика, поэтика, творческие связи. Материалы Всероссийской Научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения Б.К. Зайцева. Орёл, 2006,с.129.

находя общее в тематике их произведений и устремление к духовному миру человека. Обращение к биографии Жуковского было для Зайцева явлением закономерным. По мнению Черникова, биографа привлекают «знамения будущего духовного развития Жуковского», обусловившие его дальнейшую жизнь. Литературовед пишет о мотивах «странничества», «топосе пути» и «мотивах смерти», значимых в «повести».

Об особенностях работы Зайцева с документом Черников пишет: «Довольно часто писатель беллетризует документ. При этом документ остаётся смысловым и сюжетным стержнем повествования, но общеизвестные факты, знакомые читателю по другим источникам, получают образную окраску»[275].

В одной из последующих статей он предлагает рассматривать творчество Зайцева в контексте классической литературы XX века.

Считая психологизм характерной особенностью классической литературы, он отмечает особенности психологизма у Зайцева, несущего на себе «явную печать романтизма»[276].

В этой же статье он ставит вопрос о «поэтических традициях Жуковского в прозе Зайцева». «Укоренённость в русской классике — характерная черта художественных исканий, вписывающая его в культурный стиль эпохи», - пишет Черников».

В предисловии к библиографическому указателю В.А. Дьяченко Черников даёт обзор произведений Зайцева, опираясь на его философские воззрения. Анализируя раннюю прозу писателя, литературовед выделяет в ней характерные жанрово-стилевые черты: лиризм, музыкальность, наличие ритмизированности, «ослабленную фабульность», личностно-авторское начало. Исследователь коротко освещает эволюцию творчества писателя, претерпевшего изменения под влиянием таких больших социальных потрясений, как революция и первая мировая война. Появление автобиографического жанра в литературе Русского Зарубежья литературовед относит к общей тенденции её развития. В творчестве Зайцева он видит проявление духовного, космического начала.[277]

Черникову принадлежит ряд работ, посвящённых художественным биографиям русских писателей. Произведение *Жуковский* он относит к «документально-художественной повести», в которой «в узловых своих моментах воссоздан жизненный и творческий

---

[275] Черников А.П. Там же., с.133.

[276] Черников А.П. Б.Зайцев - классик XX века//Проблемы изучения жизни и творчества Б.К.Зайцева. Третьи Международные Зайцевские чтения. Калуга, 2001, с.11.

[277] Черников А.П. Негасимая лампада Бориса Зайцева.//Б.К.Зайцев. Библиографический указатель. Составитель В.А. Дьяченко. Калуга, 2001, с.13.

путь поэта...».[278] Однако он не обосновывает свою точку зрения, опираясь на теории жанров.

Л.А. Козыро, как и некоторые другие исследователи, стремилась с концептуальной точки зрения описать изображение Жуковского в «беллетризованной» биографии о нём, указывая на агиографические мотивы в произведении. В качестве особенности художественного повествования она выделяет «стихию описательности» в художественной биографии: «индивидуально, своим словом явлены лишь Жуковский и Маша... При этом слово героев перетекает в несобственно прямую речь, становится достоянием автора». «Другие персонажи даны как служебные в авторских описаниях».[279]

Особенностью повествования в биографии, как она считает, является «своеобразная летописная сетка, на которую накладывается описание отдельных ситуаций из жизни поэта, имеющих характер законченных новелл или «перетекающих» из одной главы в другую[280]. Литературовед видит значимость «исторических реалий в структуре повествования» для раскрытия характера героя, которые затрагивают определённые «струны его души».

Узловые ситуации, определяющие развитие характера и становление поэта в биографии задаются главной установкой Зайцева: Жуковского направляет по жизни Божий промысел.

Козыро называет ещё один из приёмов, значимый для раскрытия образа Жуковского - «характеристики персонажей с «доминирующим психологическим уклоном», взаимоотношения с которыми на житейском и духовном уровне движут повествование (Андрей и Александр Тургеневы, Воейков, Плещеев, Александра Фёдоровна, Екатерина Афанасьевна, Маша и Саша Протасовы).[281] Психологизм в изображении героев подчёркивался ещё критиками Русского Зарубежья. Козыро выделяет следующие «направления движения» в произведении: «жизнь в быту, жизнь сердца, жизнь духа, жизнь поэтическая», придающие особую глубину характеру героя.[282] Исследовательница пишет о мотивах дороги и странничества в художественной

---

[278] Черников А.П. В.А.Жуковский в художественном мире Б.Зайцева//Наследие Б.К. Зайцева: Проблематика, поэтика, творческие связи. Материалы Всероссийской Научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения Б.К. Зайцева. Орёл, 2006,с.131.

[279] Козыро Л.А. Концепция человека и поэта в беллетризованной биографии Б.К.Зайцева «Жуковский»//Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева. Первые Международные Зайцевские чтения. Калуга, 1998, с.60.

[280] Указ. соч., с.61.

[281] Козыро Л.А. Указ соч., с.63.

[282] Козыро Л.А. Указ. соч., с.64.

биографии *Жуковский* и видит созвучие в духовно-философских взглядах обоих писателей.

Российский исследователь С.Р. Федякин, говоря о жанрово-тематическом многообразии творчества Б.К.Зайцева, подчёркивал односторонность многих литературоведческих определений. Он писал, что не всегда точно удаётся определить жанры его произведений, то же самое касается метафор *акварелизм* и *пастельность*, ибо «обнаруживаешь всю неполноту таких определений»[283]. И далее: «У него даже в самом многообразии жанров не чувствуется чётких границ, словно все эти рассказы, пьесы, романы, очерки и т.д. Плавно переходят одно в другое, пронизанные единым лирическим ощущением мира. Тем более, что и жанры его не всегда чётко определимы. Книга о Жуковском, или о Тургеневе, или о Чехове — это биография? роман? очерк жизни и творчества? А «Сергий Радонежский» - повесть, историческое исследование с комментариями? жизнеописание? житие?» [284]

Наибольшее количество дискуссий вызывает определение жанра произведений о Тургеневе, Жуковском и Чехове. Так О.В. Волгина относит их к «романизированным биографиям». Н.М. Щедринац определяет жанр книг о писателях как «биографические очерки». Исследовательница пишет: «В литературоведении до сих пор нет чёткости в определении жанра этих произведений. Их называют и романами, и «художественными биографиями», и «беллетризованными произведениями»[285]. Ю.А. Драгунова, следуя теоретическим взглядам А.Шиляевой, относит данные произведения к «беллетризованным биографиям»[286]. А.В. Дановский определяет жанр произведения о Жуковском как биографическую повесть.[287] В.В. Агеносов называет книги о писателях «повестями»[288]. Наиболее распространённой в литературоведении является точка зрения Ржевского и Шиляевой, определявших книги Б.Зайцева в жанровом отношении как «беллетризованные» биографии, или «художественные» биографии. Такие многообразные истолкования лишь подчёркивают талант писателя.

---

[283] Федякин С.Р. Вступительная статья //А. Ремизов. Б. Зайцев. Проза.. М., Астрель, 2003, с.12.
[284] Указ. соч., с.12.
[285] Щедринац Н.М. Борис Зайцев.//Литература русского зарубежья(1920-1990): учеб. пособие под общ. ред. А.И.Смирновой.-М., «Флинта», «Наука», 2006, с.91.
[286] Драгунова Ю.А. Россия в творчестве Б.Зайцева: к вопросу о мировоззрении писателя.//Проблемы изучения жизни и творчества Б.К.Зайцева. Третьи Международные Зайцевские чтения. Калуга, 2001, с.130.
[287] Дановский А.В. Атрибуция стихотворения «Мимопролетевшему знакомому гению» в связи с прочтением биографической повести Б.К.Зайцева «Жуковский». С.72//Творчество Б.К.Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века. Четвёртые Международные научные Зайцевские чтения. Калуга, 2003.
[288] Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996). М., Терра, Спорт, 1998, с.129-130.

В последнее десятилетие появилось немалое количество статей о Зайцеве, авторы которых стремились определить философское видение писателя. Так одна из современных литературоведов отмечает: «Понятие легендарности и вечности — ключевые в художественном мире Зайцева».[289] Подобные мотивы получили отражение не только в рассказах и беллетризованных биографиях, но также в повестях и романах Б.Зайцева как рассуждение о смысле человеческой жизни, вечности души.

А.В. Яркова посвящает одну из статей эстетическим принципам создания образа героя в книге *Жизнь Тургенева*. Обращение к биографическому жанру, полагает исследовательница, было предопределено стремлением сохранить русскую культуру вдали от своей родины.

Интерес к жизни природы и человеческой душе сближали Тургенева и Зайцева. Яркова продолжает развивать идею о том, что к моменту написания биографии о Тургеневе Зайцев, вероятно, имел уже свою «концепцию жизни и творчества великого русского классика»[290]. Необычность изображения героя связана у биографа с эстетической задачей, которую он ставил перед собой. Яркова определяет её как раскрытие внутреннего мира своего героя, воссоздание всего его склада, «лирического и духовного», описание «истории души». Далее звучит мысль исследовательницы о сознательном выборе жанра биографом. Яркова пишет в своей статье: «При этом Зайцев стремился к определённой объективности: он избирает жанр «беллетризованной (или художественной) биографии», к тому времени широко распространённой в европейской литературе. Этот жанр предполагает наличие документальной основы произведения, хронологический порядок изложения событий, назидательную цель»[291]. Зайцев же никогда не подходил к созданию своих произведений с жанровых позиций. Из записей бесед писателя с А.Шиляевой, приведённых в её монографии, мы узнаём, что он меньше всего задумывался о жанре. Исследовательница пишет в своей книге: «На вопрос, как же он сам определяет жанр своих биографий, Б.К.Зайцев ответил: «Сам я никак не определяю жанра своих биографий. Пожалуй, более всего согласен с мнением Глеба Струве»[292].

---

[289] Захарова В.Т. Наследие Бориса Зайцева: Проблематика, поэтика, творческие связи. Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения Б.К.Зайцева. Орёл, 2006, с.8.

[290] Яркова А.В. Эстетические принципы создания образа героя в книге Б.К.Зайцева «Жизнь Тургенева»//Проблемы изучения жизни и творчества Б.К.Зайцева. Перв. Междун.Зайцевск. чтения. Калуга, 1998. с.70.

[291] Яркова А.В. Указ. соч., с.70-71.

[292] Шиляева А. *Борис Зайцев и его беллетризованные биографии.* New York: Волга, 1971, с.37.

Внимание Ярковой привлекает авторское видение тургеневского творчества, которое она связывает с интерпретацией и идейной близостью к импрессионистам. Она пишет: «Для того чтобы понять эстетические принципы Б.Зайцева, необходимо рассмотреть его произведения в ряду других. Писатель напрямую наследует традиции литературы и критики конца XIX - начала XX века»[293]. Наибольшее влияние на восприятие творчества Тургенева у Зайцева, как считает Яркова, оказала импрессионистическая критика (Д.Мережковский, И.Анненский, Г.Чулков, К.Бальмонт). Нам кажется, что Зайцев высоко оценил те произведения Тургенева, которые были созвучны его душе.

Ю.А. Драгунова исследует тему России в творчестве Зайцева. Картины природы, данные в жизнеописании Тургенева, она рассматривает в связи с идеей «светлой силы» Родины в «беллетризованных» биографиях и других художественных и публицистических произведениях писателя[294].

Другой исследователь, А.В. Дановский, пишет о верности творческого видения личности Жуковского биографом. Исследователь замечает: «...Б.К.Зайцев нарисовал убедительный образ мистического романтика, питаемого традициями Данте, Петрарки, философией современных ему романтиков и, конечно, российской православной святостью». По мнению исследователя, писатель «уловил духовный камертон Жуковского, определяющий спектр его умонастроений в переживании-осмыслении Божьего Промысла в окружающем мире»[295]. Данное мироощущение «сквозным образом пронизало всё его лирическое наследие»[296].

Исследователь А.Д. Романенко упоминает в своей статье, посвящённой творчеству Зайцева, биографию Жуковского: «Книга Б.Зайцева, как и написанная в эмиграции по-немецки монография Эллиса (Лев Львович Кобылинский): «В.А.Жуковский. Его личность, его жизнь и творчество». Падерборн, 1933 — осталась совершенно незамеченной советскими литературоведами. Сохранились, однако, её оценки, сделанные Б.Л. Пастернаком...» [297] Исследователь приводит в своей статье его письмо от 28 мая 1959 года, в котором он даёт высокую оценку биографии: «Дорогой Борис Константинович, всё время зачитывался Вашим «Жуковским». Как я радовался

---

[293] Яркова А.В. Указ. соч., с.73.

[294] Драгунгва Ю.А. Россия в творчестве Б.Зайцева: к вопросу о мировоззрении писателя//Проблемы изучения жизни и творчества Б.К.Зайцева. Трет. Междун. Зайцевск. Чтения. Калуга. 2001, с.127-134.

[295] Дановский А.В. Атрибуция стихотворения «Мимопролетевшему знакомому гению» в связи с прочтением биографической повести Б.К.Зайцева «Жуковский»//Творчество Б.Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века. Четвёртые...Зайцевские чтения. Калуга, 2003, с.77.

[296] Дановский А.В. Указ. соч., с.77

[297] Романенко А.Д. Примечания //Б.Зайцев. Жуковский. Жизнь Тургенева. Чехов. М., «Дружба народов», 1994, с.513.

естественности Вашего всепонимания... Ваши слова текут, как текут Ваши реки в начале книги, и — виды, люди, горы, судьбы ложатся и раскидываются по страницам».[298]

Некоторые из литературоведов изучают мемуарное начало в биографии *Чехов*. И.А. Минаева пыталась представить в своей статье «категорию автор-мемуарист». Она ставит целью выявить место авторского «я» в тексте, степень его проявления и соотношение факта и вымысла в повествовании. Она делает вывод о том, что некоторые описания Москвы и её окрестностей даны по личным воспоминаниям Зайцева. Минаева пишет: «Как видим, возвращение в прошлое осуществляется в форме образного отражения действительности, автор-мемуарист представляет собой активное начало»[299]. Мемуарные свидетельства Зайцева содержат характеристики событий, времени, людей. «Своеобразие воспоминаний Б.Зайцева о Чехове, об эпохе определено несколькими фактами: личностью мемуариста, личностью того, кто стал героем воспоминаний, наконец, общей атмосферой времени»,- заключает она[300].

В.Толмачёв связывает обращение Зайцева к жизнеописаниям Жуковского, Тургенева и Чехова с его творческой эволюцией. Он определяет жанр книг о писателях как «беллетризованные» биографии и видит идейно-тематическую связь между книгой *Жизнь Тургенева* и очерками *Валаам*: «Многочисленные попытки описать тайну русской святости (книга очерков «Валаам». Таллин, 1936) сказались также на обращении Зайцева к беллетризованной биографии, в жанре которой написаны книги «Жизнь Тургенева» (Париж, 1932), «Жуковский» (Париж, 1951), «Чехов» (Нью-Йорк,1954), эссе «Жизнь с Гоголем» (СЗ, 1935, №59), «Тютчев — жизнь и судьба» (К семидесятилетию кончины)» (Возрождение, 1949, №1)»[301]. Исследователь видит в биографии Тургенева отражение субъективного авторского начала и характеризует его «как книгу не в меньшей степени автобиографическую, чем биографическую»[302]. Толмачёв пишет об общем замысле Зайцева показать в биографических сочинениях «двойную судьбу писателей: путь художника, с одной стороны, и отражение в его «жизни сердца» раздумий о преодолении смерти — с другой. Намерение увидеть в Тургеневе и, в особенности, Чехове писателей «подземно» религиозных определяется

---

[298] Там же, с.213.

[299] Минаева И.А. Б.К.Зайцев об А.П.Чехове: автор-мемуарист в художественной биографии//Творчество Б.Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века». Четв. Междун. Зайцевские чтения. Калуга, 2003, с.227.

[300] Минаева И.А. Указ. соч., с.228.

[301] Толмачёв В. Зайцев Б.К.//Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., Росспэн, 1997, с.242.

[302] Там же, с.242.

видением духовной ценности русской культуры»[303].

Безусловно, духовный мир автора, ещё ярче проявившийся в изгнании, получил отражение в художественных биографиях. Находясь вдали от родины, писатель ещё сильнее чувствовал духовную традицию родной литературы. Правы те исследователи, которые пишут о попытке Зайцева понять тайны русской души и характера, о «вчувствовании» автора в духовный мир своих героев. Читая письма Зайцева, в которых он рассказывает о своём личном восприятии Тургенева, понимаешь, что при написании художественного образа известного классика он доверялся собственной интуиции, которая была связана с особенностями его писательского дарования и складом души. В письме от 10 июля 1963 года (Париж) Л.Н. Назаровой он рассказывает о своих впечатлениях от писем Тургенева: «Дорогая Людмила Николаевна, «Письма Тургенева» получил, великое спасибо. Кое-что уже просмотрел. Сколько труда и преданности делу! Замечательное издание. Портреты есть неизвестные мне — какое доброе и мягкое лицо, и какое русское. Да, этот человек не мог не помогать освобождению крестьян. Как далеки ему были зверства нашего века! Он тоже, конечно, видел много горестного — начиная с собственного детства, нелепых наказаний... Да, взяв эти книги в руки, я как-то *почувствовал*, что он - заступник наш - русский европеец, иногда ворчавший на Россию, но весь из неё выросший — не отделить его от неё»[304](курсив мой).

Мысль о духовной ценности русской культуры и литературы проходит через многие публицистические произведения и письма Зайцева. Писатель неоднократно обращался к письмам и документам Тургенева, Жуковского, Чехова. В его дневниковых записях от 12 мая 1963 года мы находим размышления о Чехове: «Как мало знают и мало ценят подземный христианский родник Чехова, глубоко спрятанный и скрытый позитивистом доктором Чеховым».[305] Такое восприятие личности Антона Павловича было свойственно Зайцеву на протяжении всей жизни и нашло отражение в «беллетризованной» биографии о нём.

Н.З. Коковина уделяет внимание художественным особенностям его биографий: «...С одной стороны, писатель отходит от беллетризации истории, делая упор на реальных чертах личности, сути их творческого пути. С другой стороны, в его произведениях нет апелляции к данным исторической науки, документа. В знании их писателем не сомневаешься, но оно растворяется в художественной ткани произведения, создавая

---

[303] Там же, с.242.
[304] Зайцев Б. Письма 1923-1971. Т.11 (доп.), М., 2001, с.209.
[305] Там же, с.391.

атмосферу доверия»[306]. Она прибегает к сравнительно-сопоставительному методу в изучении творчества писателей. Так, например, исследовательница подчёркивала существенное различие в изображении портретов современников и их предшественников у Зайцева и Ремизова, которое объясняется, на её взгляд, различным восприятием мира у этих писателей. У Зайцева оно более оптимистическое, «без налёта грусти и безнадёжности»[307].

Хотелось бы выделить статью учебного характера, написанную Н.М. Щедринац. В ней она подчёркивает особенность писательских биографий по сравнению с другими произведениями писателя. Метод Зайцева исследовательница характеризует как «лирический импрессионизм»[308]. Щедринац определяет мировоззрение Зайцева как «пантеистическое»: «Главное в произведения Зайцева не ситуация, не фабула (очень часто она отсутствует), не движение, а состояние души, стилевая же манера способствует выражению пантеистического ощущения мира»[309]. Она определяет ещё одну особенность биографической прозы Зайцева — «создание автопортрета». «Приём «портрет в портрете, - пишет Щедринац, - выражение авторского «я» характерны для биографической прозы Зайцева»[310]. Исследовательница видит отражение православного мировоззрения писателя в трактовке судеб героев. «Автор биографических очерков,- пишет она, - верит в бессмертие души, он не боится смерти физической»[311].

Повышенный интерес в литературоведении вызывает описание жанра биографических произведений. Щедринац называет их «биографическими очерками», находя в них отражение «житийных черт». В изображении писателей она видит проявление философской концепции Зайцева, который ориентировался на «русских святых». Она подчёркивает проявление православных традиций русской литературы в биографиях: «Концепция личности в них вбирает в себя характерные для героев всех биографий Зайцева черты «русских святых» в жизни и в литературе, живых людей».[312]

Определённый интерес представляет книга Е.Н. Зайцева. Автор поднимает проблемы влияния В.Соловьёва на религиозно-философское мировоззрение писателя, называя

---

[306] Коковина Н.З. Проблемы изучения жизни и творчества Б.К.Зайцева. Вторые Международные Зайцевские чтения. Калуга, 2000, с.83-84.

[307] Коковина Н.З. Указ. соч., с.84. Исследовательница сравнивает неопубликованные произведения А.Ремизова «Петербургский буерак. Шурум-бурум» и биографические книги Б.К.Зайцева.

[308] Щедринац Н.М. Борис Зайцев//Литература русского зарубежья (1920-1990): учеб. пособ./под ред. А.И.Смирновой.-М.:Флинта: Наука, 2006, с.91.

[309] Щедринац Н.М. Указ. ст., с.91.

[310] Щедринац Н.М. Указ. ст., с.91

[311] Там же., с.91.

[312] Там же., с.92.

его «поводырём по духовному миру» Б.Зайцева и даёт тематическое освещение его творчества.[313] Он разделяет точку зрения Е.Воропаевой, которая утверждает, что тема «Святая Русь» в творчестве Зайцева призвана «доказать наличие в русском народе светлых, положительных начал и корней» (Е.Воропаева). Исследователь продолжил разработку данного аспекта творчества, предложенного ею.[314]

Книга Е.Н. Зайцева содержит также интересный материал из личного архива писателя.

***

Нам представляется, что наиболее приемлемой является точка зрения тех литературоведов, которые не рассматривают творчество Зайцева в рамках каких-либо философских учений или эстетических концепций, которые были актуальны в определённое историческое время и поэтому лишь относительно отражали истину. Наиболее правильным кажется нам системный и многоаспектный подход к творчеству любого писателя. Наличие общих черт в писательской манере у Зайцева с Жуковским и Чеховым, вероятно, связано с внутренним миром писателей, складом их души. Является актуальным более широкое привлечение публицистики и эпистолярного наследия Зайцева для всестороннего изучения его биографических произведений. Общие веяния времени, повышенный интерес к философским наукам оказали влияние на основные тенденции в изучении биографий *Жизнь Тургенева, Жуковский* и *Чехов* и на их восприятие литературоведами. Биографии Зайцева получили осмысление в связи с мировоззрением писателя и философией Соловьёва.

Как мы уже отмечали, многие из исследователей, рассматривая биографии Зайцева, пишут об импрессионистической манере его письма. Например, литературовед Ю.Б. Борев, относит Зайцева к писателям импрессионистического направления, который закрепился в его творчестве[315]. Некоторые из исследователей стремились к теоретической точности в описании художественного метода Зайцева.

---

[313] Зайцев Е.Н. Русский писатель земли Калужской. Калуга, 2004, с.99.
[314] Воропаева Е. Жизнь и творчество Бориса Зайцева//Соч. в 3т. Т.1., М.: Худож. Лит.; Терра,1993. С.39.
[315] Борев Ю.Б. Теория литературы. Т. IV. Литературный процесс. М., ИМЛИ Ран, «Наследие», 2001, с.244.

Последние монографии о творчестве Б.Зайцева

Анализ жанровой системы творчества Зайцева даётся в новой книге А.В. Громовой, в которой она ставит задачу выявить внутреннее единство творчества писателя на идейно-художественном уровне. [316]. Монография во многом обобщает теоретические взгляды, высказанные в предыдущих работах исследовательницы. В российском литературоведении большое внимание уделяется разработке проблем документально-художественных жанров, интерес к которым обозначился ещё в 1970-ые годы в статьях И.В. Киреевой, П.В. Куприяновского, П.В. Павлиевского, Л.А. Розановой.

Исследовательница ставит вопрос об авторе, который непосредственно явился участником событий, представленных в его биографии о Чехове. Она оспаривает точку зрения Шиляевой, утверждавшей, что в жизнеописании Чехова отсутствует общественно-исторический фон. Громова пишет: «На наш взгляд, он заменён образом поколения, к которому автор биографии причислил себя. В повествовании неоднократно появляется авторская апелляция к памяти «читателя моего поколения»[317]. Далее она ставит вопрос о принадлежности Зайцева к определённой литературной традиции. Громова пишет: «Сам выбор «героев» отвечает приверженности Зайцева к определённой - «пушкинско-тургеневско-чеховской» - линии русской литературы. Своеобразие творчества художников этого течения — в отсутствии открыто выраженных размышлений внеэстетического порядка (о социальных проблемах, морали, религии), в отсутствии прямой назидательности и проповедничества»[318]. Пожалуй, такое видение творчества Зайцева как продолжателя данной линии является интересным, возможно, верным, однако биограф создавал свои произведения с повышенным вниманием к религиозной теме в творчестве Жуковского, Тургенева и Чехова. Общности в стиле у Зайцева с этими писателями объясняются скорее сходством их души, а не « размышлений внеэстетического порядка».

Громова рассматривает биографии писателей как новаторские в жанровом отношении, называя их «художественно-психологическими»[319]. Типичной чертой, свойственной жанру беллетризованной биографии, является «акцент на «внутренней» жизни героев. «Тем не менее, - рассуждает Громова о Зайцеве, - он склонен разделять бытие человека на «внешнее» (события) и «внутреннее» (рост души) и отдаёт предпочтение

[316] Громова А.В.(Яркова). Б.К.Зайцев во Франции. Орёл, «Картуш», 2007.
[317] Указ. соч., с.124.
[318] Указ. соч., с.124-125.
[319] Указ. соч., с.125.

исследованию последнего. В психическом мире личности автора интересует наиболее скрытое, бессознательное («ночная» сторона души)»[320]. Тенденция писать о психологизме в биографиях Зайцева была свойственна и И.А. Минаевой, посвятившей отдельную главу своей диссертации психологическому аспекту в изображении героев в биографиях о писателях[321].

Все биографии о писателях включают, как пишет Громова, литературно-критический компонент. «Зайцев, - заключает она, - трактует творчество писателя как бессознательное отражение движений души. Поэтому он часто вскрывает явный или невыраженный автобиографизм творчества, при характеристике произведений останавливается на наиболее полно, по мнению биографа, отразивших внутренний мир писателя, его нравственно-эмоциональные и духовно-религиозные интересы»[322].

Другой исследователь, А.С. Карпов, один из своих очерков посвящает обзору творчества Б.Зайцева, рассматривая его произведения в тесной связи с его этико-философской системой взглядов. Исследователь пишет о традициях русских классиков — Л.Толстого и Ф.Достоевского, продолженных в творчестве Зайцева. Он, как и предшествующие ему писатели, утверждали «путь духовного развития человека как единственно достойный для него».[323]

Мы видим, что в большинстве статей и в некоторых рассмотренных монографиях проявляется интерес к философским основам творчества Зайцева. Такая тенденция связана с общими направлениями в российском литературоведении. Зайцев, как нам видится, уделял наибольшее внимание миру души и ценности человеческих чувств, не причисляя себя к последователям какого-либо философского направления. Совершенствование человеческой души изнутри представлялось ему основой благополучия общества.

---

[320] Указ. соч., с.125.

[321] Минаева И.А. Автор и герой в художественных биографиях Б.К.Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов». Таганрог, 2005, с.116-122.

[322] Указ. соч., с.125.

[323] Карпов А.С. «На чужбине». Очерки по истории литературы Русского Зарубежья. М., Российский университет дружбы народов, 2007, с. 72.

Заключение

В данной работе была проделана попытка представит рецепцию «художественных» биографий *Жизнь Тургенева, Жуковский* и *Чехов* в критике Русского Зарубежья и современном российском литературоведении, а также в основных чертах наметить писательский образ Зайцева, который возник в сознании исследователей, изучающих его биографии.

Как уже отмечалось, восприятие биографий Зайцева было связано с общими направлениями развития российского литературоведения и критики Русского Зарубежья. В первых критических статьях отмечалась эстетическая ценность биографических произведений, их своевременность и своеобразие творческого метода Зайцева, который был назван Г.Струве методом «вчувствования». Справедливо заключение критиков, что данные произведения не имеют аналогов в русской литературе и подтверждают важность духовных ценностей, к которым обратился биограф.

Все литературоведы, посвятившие свои научные работы биографиям русских писателей, отметили вклад Б.К. Зайцева в развитие биографического жанра. Существует достаточное количество критических работ, в которых разрабатывались особенности данного жанра. На его теоретическое описание оказало влияние общее направление литературоведческой мысли. Так биографиям было впервые дано определение «художественные», затем «беллетризованные». Существует точка зрения, что их можно отнести к «художественно-психологическим». Многообразие научных истолкований лишь подчёркивает талант Зайцева.

Все биографии написаны с повышенным вниманием к внутреннему миру писателей, многогранно проявлявшемуся как в их жизни, так и в творчестве. У каждого из них он неповторим. В интерпретации «мира души» различными учёными-филологами сказался их личный духовный опыт, склад их души, тяготение к философским или психологическим наукам, их личное восприятие творчества Зайцева и писателей-классиков. Это получило наиболее яркое отражение в диссертационных исследованиях о биографиях Тургенева, Жуковского и Чехова.

Некоторые из современных учёных видят отражение автобиографических мотивов в жизнеописании классиков. Такую же идею выдвинул швейцарский учёный Иво Хукс, увидевший в биографиях бессознательную ориентацию Зайцева на свой внутренний

мир.

Некоторые направления для изучения литературоведов были «подсказаны» самим писателем. Так сейчас некоторые из них пишут о Зайцеве как о представителе «пушкинско-тургеневско-чеховской» линии в литературе. Многие филологи проявляют интерес к писательскому методу Зайцева, который они обозначают как «импрессионистический».

Все критики и литературоведы согласились, что изложение событий в биографиях не противоречит исторической правде, а помогает мастеру слова ярче нарисовать «доминантные» стороны их личностей, определить истоки формирования их характера. Исследователи правильно определили, что портреты писателей даны Зайцевым через призму его духовного и творческого опыта и размышлений о их судьбах.

Однако в российском литературоведении существует достаточное количество исследований, в которых биографии писателей получают концептуальное описание, в основе которых лежит идея представить Зайцева, например, православным писателем или писателем определённого философского направления. Филологи, проявлявшие интерес к биографическим произведениям, порой старались находить в них отражение «идей» писателя, недооценивая его творческой свободы. Художественное видение личностей классиков получило во многих современных критических работах название «концепция», истоки которой они находили в статьях о писателях. Изучение творчества Зайцева в более широком контексте позволяет сказать, что Зайцев ценил свою творческую свободу.

Образ Зайцева-писателя, человека гуманного и праведного, проходит как через все статьи и рецензии критиков Русского Зарубежья, так и через работы современных литературоведов. Он связан с жизнью, духовными устремлениями писателя, с эпохой в которую он жил. Его биографии обогатили эстетические и культурное ценности русской литературы. Они важны для каждого искателя истины, поскольку обращают его к духовному миру классики и к собственной душе.

Такой большой интерес к творчеству Б.К. Зайцева в России подаёт надежду на то, что оно будет и дальше широко изучаться на его родине.

Библиография:

Б.Зайцев. Собрание сочинений: В 11т.-М., Русская книга, 1999-2001, Т.2,3,4,5,7,9,10,11.

****

Агеносов В.В. *Литература русского зарубежья (1918-1996).* М., Терра, Спорт, 1998, с.129-130.

Адамович Г. «*Жизнь Тургенева» Б.Зайцева. Грусть*//Последние новости. 1932№3942 с.,

Адамович Г. *Одиночество и свобода.* СПб., 2002, с.189.

Алданов М. *При чтении Тургенева. (Несколько заметок)//*Современные записки. №53, 1933, Париж, с.413.

Андреев Н. *«Жизнь Тургенева» Б.Зайцева* //Воля России.-1932.№1.С.94-96.

Андреев Н. *«Жуковский» Бориса Зайцева*// Грани.-1951 № 14.-С.187-188.

Бахтин М.М. *Автор и герой в эстетической деятельности//* Автор и герой.

К философским основам гуманитарных наук.-СПб., 2000, с.49-123

Бердяев Н. *Смысл творчества.* Paris,1985, с.86-88.

Бобринский П. *«Жизнь Тургенева»* Б.Зайцева //Возрождение.-1931 № 2396.-С.3.

Бицилли П.М. *«Жизнь Тургенева Б.Зайцева»* //Современные записки.-1932.-№ С.455-457.

Вейде В. *Русский писатель. К восьмидесятилетию Б.К.Зайцева*//Вестник русского студенческого христианского движения. Париж-Нью-Йорк, 1961-№1, с.1-3.

Воропаева Е. *Жизнь и творчество Б. Зайцева.* Соб. соч. в 3-х т. Т.1, М., Терра, с.42.

Громова А.В. *Б.К.Зайцев во Франции.* Орёл, «Картуш», 2007, с.124-125.

Дановский А.А. *Атрибуция стихотворения «Мимопролетевшему знакомому гению» в связи с прочтением биографической повести Б.К.Зайцева «Жуковский».*// Творчество Б.К.Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века. Четвёртые Международные научные Зайцевские чтения 15-17 октября 2003 г.

М., 2003.

Гиппиус З. *Тварное.* Б.К.Зайцев. Собрание сочинений: В 11 т. Т.1, М.,1999. С.588-590.

Грибановский П. *Борис Константинович Зайцев (Обзор творчества)*// Русская литература в эмиграции. Сборник статей под ред. Н.Полторацкого, Питтсбург, 1972, с.139, с.150.

Дановский А.В. *Атрибуция стихотворения «Мимопролетевшему знакомому гению» в*

связи с прочтением биографической повести Б.К.Зайцева «Жуковский». С.72//Творчество Б.К.Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века. Четвёртые Международные научные Зайцевские чтения. Калуга, 2003.

Драгунова Ю.А. *Особенности творчества Б.К.Зайцева начала XX века (к проблеме героя)*//Проблемы изучения жизни и творчества Б.К.Зайцева. Первые Международные Зайцевские чтения. Калуга, 1998, с.25-35.

Ершов П. Б.Зайцев. *«Чехов. Литературная биография»*// Новый журнал.-1954.-№39.-С.284-286.

Ершов П. Б.Зайцев. *«Жуковский»*// Русская мысль.-1952.-25апр.

Завгородняя Н.И. *Образ художника в беллетризованных биографиях Б.К.Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов»*. Диссертация кандидата филологических наук. Барнаул,1996. С.10-13.

Захарова В.Т. *Наследие Бориса Зайцева: Проблематика, поэтика, творческие связи.* Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения Б.К. Зайцева. Орёл, 2006, с.8.

Иезуитова Л.А. *В мире Бориса Зайцева//*Б.К.Зайцев. Земная печаль. Ленинград, 1990, с.6-16.

Ильин В. *Литературоведение и критика до и после революции*//Русская литература в эмиграции: Сб. Статей под редакцией Полторацкого. Питтсбург, 1972, с.252-253.

Козыро Л.А. *Концепция человека и поэта в беллетризованной биографии «Жуковский»*//Проблемы изучения жизни и творчества Б.К.Зайцева. Первые международные Зайцевские чтения. Калуга,1998, с.60-68.

Колтоновская Е. *Поэт из немногих.//*Зайцев Б.К. Соб. соч. в 11 т. Т.10 (доп.). Письма 1901-1922 гг. Статьи. Рецензии. М., Русская книга, 2001, с.187-195.

Коковина Н.З. *Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева*. Вторые Международные Зайцевские чтения. Калуга, 2000, с.83-84.

Комолова Н.П. *Италия в судьбе и творчестве Бориса Зайцева.* М., 1998, с.49-62.

Крыжицкий С. *Разговоры с Б.К. Зайцевым//*Т.11(доп.). Письма 1923-1971. М., Русская книга, 2001, с.353-356.

Ло Гатто Этторе *Борис Зайцев.*//Зайцев Б.К. Собрание сочинений в 5 т. Звезда над Булонью. Т.3. М., Русская книга, 1999, с.550.

Локтионова Е.В. *Творчество Б.К. Зайцева в контексте литературы и философии «серебряного века»*//Наследие Б.К. Зайцева: Проблематика, поэтика, творческие связи. Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 125-летию со дня

рождения Б.К. Зайцева. Орловский государственный университет, Орёл, 2006, с.33.

Львов-Рогачевский В. *Борис Зайцев.//Зайцев Б.К.* Собрание сочинений в 11 т. Т.10 (доп.) Письма 1901-1922 гг. Статьи. Рецензии, М., Русская книга, 2001, с.273-280.

Любомудров А.М. *Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Борис Зайцев. Иван Шмелёв.* СПб., 2003.

Мейер Г. *Сборник литературных статей. Борис Зайцев о Чехове.* Франкфурт-на-Майне,1968.-С.307-312.

Минаева И.А. *Автор и герой в художественных биографиях Б.К.Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов»*. Диссертация кандидата филологических наук. Таганрог, 2005. С. 2, с.23, с.141-149.

Минаева И.А. *Б.К.Зайцев об А.П. Чехове: автор-мемуарист в художественной биографии//*Творчество Б.Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века». Четвёртые Международные Зайцевские чтения. Калуга, 2003, с.227.

Миронова М.Г. Ритм в творчестве Бориса Зайцева// В кн. Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева. Первые Международные Зайцевские чтения. Калуга, 1998, с.36.

Пак Н.И. *Древнерусская культура в художественном мире Б.К. Зайцева.* М.-Калуга, 2003, с.4, с.13., с.139-158.

Пильский П. *Светлые узоры. «Жизнь Тургенева» Б.Зайцева.//*Сегодня.-1931 № 357, с.4.

Плетнёв Р. *Книга о Чехове*//Грани,1954.-№23, с.143-144.

Прокопов Т. *Восторги и скорби поэта прозы. Борис Зайцев: вехи судьбы.//*Зайцев Б.К. Соб. соч в 5 Т. Т.1. М., Русская книга,1999, с. 6-27.

Прокопов Т. *От составителя.//*Зайцев Б.К. Т.1. Тихие зори. М., Русская книга, 1999, с.3.

Прокопов Т. *«Всё написанное мною лишь Россией и дышит». Борис Зайцев в эмиграции. //*Зайцев Б.К. Т. 2. Улица Святого Николая: Повести. Рассказы. М., Русская книга,1999, с.24.

Романенко А.Д. *Примечания.*// Б.Зайцев. Жуковский. Жизнь Тургенева. Чехов. М., «Дружба народов», 1994, с.213. с.513.

Степанова Т.А. *Художественный мир публицистики русского зарубежья.* Борис Зайцев. М., 2004. С.*20*, 42-43.

Степанова Т.А. *Поэзия и правда. Структура и поэтика публицистической прозы Б.Зайцева.* М., 2002., с.16.

Степун Ф. *Встречи.* Мюнхен, 1962, с.7, с.123-140, с.188.

Степун Ф. *Борису Константиновичу Зайцеву — к его восьмидесятилетию.//Зайцев Б.К.* Собрание сочинений в 5 т. Т.5. Жизнь Тургенева: Романы-биографии. Литературные очерки. М., Русская книга, 1999, с.3-17.

Струве Г. *Русская литература в изгнании.* Paris, 1984, 2-е изд. С.101-104. С.262-266.

Толмачёв В. *Зайцев Б.К.//*Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., Росспэн, 1997, с.242.

Федякин С.Р. *Вступительная статья* к кн. *А. Ремизов. Б. Зайцев. Проза.* М., Астрель, 2003, с.12.

Черников А.П. *«Жуковский» в художественном мире Б.Зайцева//* Наследие Б.К. Зайцева: Проблематика, поэтика,творческие связи. Материалы Всероссийская научная конференция, посвящённая 125-летию со дня рожден. Б.К. Зайцева. Орёл, 2006, с.129.

Черников А.П. *Б.Зайцев-классик XX века*//Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева. Третьи Международные Зайцевские чтения. Калуга, 2001, с.11.

Черников А.П. *В мире художественных исканий Б.Зайцева*//Проблемы изучения жизни и творчества Зайцева Б.К. Первые Международные Зайцевские чтения. Калуга, 1998, с.8-17.

Черников А.П. *Негасимая лампада Бориса Зайцева*//Б.К.Зайцев. Библиографический указатель. Составитель В.А. Дьяченко. Калуга, 2001, с.13.

Шиляева А. *Борис Зайцев и его беллетризованные биографии.* New York: Волга, 1971. С.9-164.

Щедринац Н.М. *Борис Зайцев*//Литература русского зарубежья. Учебное пособие.1920-1990, М., «Флинта», с.92.

Яркова А.В. Жанровое своеобразие творчества Б.К.Зайцева 1922-1972 годов. СПб., ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002, с.3-75, 97-145.

Яркова А.В. *Эстетические принципы создания образа героя в книге Б.К.Зайцева «Жизнь Тургенева».//* Проблемы изучения жизни и творчества Б.К.Зайцева. Первые Международные Зайцевские чтения. Калуга, 1998. с.70-73.

Литература на немецком языке:

Hux Ivo. Schreiben im Exil. Peter Lang Bern. Wien, 1997.

Литература на английском языке:

Slonim Marc. Literature of the Revolution//An outline of Russian Literature. London_ Oxford University Press, 1958, p. 217.

Литература польской исследовательницы:

Matecka Malgorzata. Impesjonism we wczesnij prozie Ivana Bunina i Borysa Zajctva. Lublin, 1996. C.157-159.

Электронные источники:

Яркова А.В. И.С. Тургенев в творческом сознании Б.К. Зайцева. Автореф. канд. Филол. наук. СПб.,1999. http://www.yarkova. lodya.ru/Alla3.htm

Справочная литература:

1.Duden–Fremdwörterbuch 4, neu bearbeitete... Band 5, Bibl. Istitut Mannheim/Wien/Zürich, s.215.
2.Борев Ю.Б. Теория литературы. Т. IV. Литературный процесс. М., ИМЛИ ,«Наследие», 2001, с.244.
3.Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., Росспэн, 1997, с.240-243.

Zusammenfassung der Diplomarbeit auf Deutsch

Boris Konstantinowitsch Zajcev (1881-1972) ist einer der bedeutendsten Schriftsteller der russischen Literatur des zwanzigsten Jahrhunderts. Aus Politischen Gründen war sein Name im breiten Kreis der Lesenden nicht bekannt.Obwohl viele Monografien und Artikel über ihn geschrieben wurden, ist sein Schaffen bis jetzt noch nicht ganz erforscht. Er schrieb über 50 Bücher in russischer Sprache und über 20 Bücher in Fremdsprachen. Er äußerte sich reichhaltig in vielen Genres sowie in Novellen, Essays, Artikeln, Skizzen und etc.
Im erzwungenen Exil (1922-1972) befasste er sich mit Biografien russischer Schriftsteller des neunzehnten Jahrhunderts: Turgenev, Zhukovsky und Tschehov. Während der Emigrationszeit verstärkte sich sein Interesse am „Goldenen Zeitalter" der Literatur. Sie wurde für ihn ein Teil seiner Heimat, die sprach mit ihm durch das Schaffen der Klassiker und die Bilder der Natur. Den Ursprung der Spiritualität der russischen Kultur fand B.Zajcev in den religiösen und moralischen Traditionen des Volkes, in der seelischen Literatur und in den Persönlichkeiten der Heiligen, vor allem von Seraphim Sarovsky und Sergij Radonezsky. In den Werken von V.A. Zhukovsky, A.S. Puschkin, V.A. Gogol, F.M. Dostoevsky, und auch in anderen sah er die Reflexion nach der hohen Wahrheitssuche. Seine schriftstellerischen Biografien gehören zu den hellsten Seiten der Kreativität Zajcevs. Sie zeigen die geistigen und ästhetischen Werte der russischen Klassiker und ihres Schriftstellers.

Der Hauptteil der Diplomarbeit besteht aus den folgenden Kapiteln:

- Die Erscheinung der Biografien *Ziznj Turgeneva, Zhukovsky* und *Tschehov* von B.K. Zajcev
- Die Biografien über Schriftsteller im Lichte der Exilkritiken
    - *„Ziznj Turgeneva"*
    - *„Zhukovsky"*
    - *„Tsch*ehov"
- Aus der Forschungsgeschichte der Biografien *Zinnj Turgeneva, Zhukovsky* und *Tschehov* B.K. Zajcevs im Ausland
    - Ausländische Literaturwissenschaftler über B.Zajcev
    - A. Schiljajeva über die „belletristischen" Biografien des B. Zajcevs

        - Ivo Hux über die Exilperiode in der Schöpfung des B.K. Zajcev. Die biografischen Werke des Schriftstellers in der Rezeption des Forschers.
    - Wissenschaftliche Forschung der Biografien von B.K. Zajcevs *„Ziznj Turgeneva“, „Zhukovsky“* und *„Tsch*ehov“ in Russland Ende des 20. und Anfang des 21. Jahrhunderts.
        - Die Aktualität der Forschung
        - Die Grundrichtungen in der Forschung von B.K. Zajcevs Schaffen. Seine Biografien *Ziznj Turgeneva, Zhukovsky, Tschehov.*
        - Die Dissertationen über Biografien *„Ziznj Turgeneva“, „Zhukovsky“* und *„Tsch*ehov“
        - Die Monografien, die den Schriftstellerbiografien gewidmet sind
        - Die Artikel über Schriftstellerbiografien
        - Die letzten Monografien über Zajcevs Schöpfung
- Schlusswort
- Bibliografie
- Zusammenfassung der Diplomarbeit
- Beilage

Beschreibung der Frage

Um diese Zeit, Anfang des 21.Jahrhunderts, ist viel über Zajcev in Russland geschrieben worden. Seine Gestalt des humanistischen Menschen, dem echten Wahrheitssucher, der über die Wiederbelebung der moralischen und seelischen Werte träumte, zieht die Aufmerksamkeit der Literaturwissenschaftler und Lesenden an. Seine schriftstellerische Gestalt ist vielfältig: Philosoph, Weiser, „Reflektierender der russischen Idee“ (Zaharova), „Schriftsteller des geistigen Realismus“ (Ljubomudrov), „der Mensch der metaphysischen Stimmung“ (Muronova). Alle vielseitigen Beschreibungen betonen sein vielfältiges Talent und den Reichtum in seiner seelischen Welt.

In dieser Arbeit versuchte ich die Rezeption im kulturgeschichtlichen Kontext der Biografien von B.K. Zajcevs über die Schriftsteller darzustellen. Für uns, die zur nächsten Generation gehören, wäre es sehr interessant, wie seine Werke von den Zeitgenossen interpretiert worden sind, die die Schwierigkeiten mit Zajcev miterlebt haben. Die zentrale Frage in dieser Arbeit

lautet: Wie wurden seine Werke über Turgenev, Zukovsky und Tschehov von den Zeitgenossen und den Nachkommenden Generation verstanden? Jede kulturgeschichtliche Zeit ist im Lichte der jeweiligen philosophischen Systeme und der unterschiedlichen Trends in der Literaturkritik zu sehen. Was hat die Interpretation seiner Werke vor allem beeinflusst? Welche schriftstellerische Gestalt Zajcevs existiert im Bewusstsein der modernen Literaturwissenschaftler?

In der modernen Literaturwissenschaft existieren die Artikel und Monografien, in denen die Forscher die verschiedenen Aspekte des Themas Biografie beleuchtet haben. Viele von ihnen versuchten, seine Biografien konzeptuell zu beschreiben. Einige russische Slawisten machen ein Gleichheitszeichnen zwischen Philosoph und Schriftsteller. Eine Meinung ist, dass jeder bedeutende Schriftsteller ein Konzept von der Welt und des Menschen in der Beschreibung haben soll. Der Fachausdruck „Konzeption" stammt aus der Philosophie und existiert in vielen wissenschaftlichen Werken von den russischen Philologen.

Zajcev verfasste viele Artikel über Schriftsteller und Literatur, besonders über ihr „Goldenes Zeitalter". Einige Forscher verbinden seine „Konzepte" mit seinem Zyklus „Strannik" (1925-1929), wo er über „ewigen Themen" und Probleme des Daseins nachdachte, aber nicht als Philosoph, sondern als Schriftsteller und Publizist.

Zajcev hat nie Philosophie studiert, sondern Bauingenieurwesen und Jura. Das Schaffen der literarischen Werke verbindet sich bei den Schriftstellern nicht nur mit Talent, sondern auch mit Herz, Seele und Erleuchtung.

So meinte Gromova (Jarkova), dass Zajcevs Schöpfung zur „puschkinsko-turgenevsko-tschechovskoj" Linie in der Literatur gehört. Die russischen Forscher schenken ihre Aufmerksamkeit den verschiedensten Aspekten der Werke Zajcevs.

Die Beschreibung der biografischen Werke, die aus der Feder von B.K. Zajcevs stammen, so unsere Feststellung, bezieht sich auf die Ansichten des Schriftstellers. Sie existieren in Form publizistischen Artikeln und Gesprächen mit den Forschern seines Schaffens.

Viele Literaturwissenschaftler beschreiben die Besonderheiten des Genres in seinen Biografien und seinen Beitrag in der Entwicklung der Biografien. Für die Beleuchtung der Frage nehmen wir die bekantesten Monografien, einige Disertationen und Artikel von modernen Slawisten: Kaschpur, Zukova, Jarkova, Minajeva, Lubomudrov, Tschernikov und anderen.

Für diese Arbeit nehme ich die Monografien, Artikeln und wissenschaftlichen Werke aus Moskau. Leider ist die geografische Entfernung von Österreich nach Russland, der Heimat des Schriftstellers, groß, und so gibt es wenige Möglichkeiten die Quellen über Zajcevs

Biografien in reicher Zahl zu verwenden.

Die Erscheinung der Biografien *Ziznj Turgeneva, Zhukovsky* und *Tsch*ehov von B.K. Zajcev

Im Jahre 1929 hat die Redaktion der gesellschaftspolitischen Zeitschrift *Sovremennije sapiski* entschieden, eine Serie zu den biografischen Romanen über die Schriftsteller herauszugeben. Zur Zusammenarbeit waren die bekanntesten Schriftsteller eingeladen. Den Vorschlag der Redaktion, die Turgenev Biografie zu schreiben, stimmte mit dem schöpferischen Vorhaben des Schriftstellers überein. Die Hinwendung B. Zajcevs zum biografischen Genre war nicht zufällig und hat mit dem allgemeinen Prozess der Entwicklung Exilliteratur übereingestimmt.
Im Artikel *Dvadzatj pervoje marta* (1949) charakterisiert Zajcev die allgemeine Lage der Exilliteratur und das Vorherrschen des biografischen Genres. Die Schriftsteller wendeten sich in diesem Genre an die geistige Vergangenheit ihres Landes. Aus seiner Ansicht haben die Biografien etwas Demütiges an sich.
Seine „hudozestvennije" Biografien sind das Ergebnis der langjährigen Überlegungen des Schriftstellers und seines geistigen Suchens. Sie sind insofern interessant, weil sie die moralischen und ästhetischen Werte des Schriftstellers offenlegen.
Die erste Biografie *Ziznj Turgeneva* wurde von Zajcev im Jahr 1929 begonnen und ist 1932 abgeschlossen worden. Sie erschien in Form von eigenen Kapitel in der Zeitschrift *Sovremennije zapiski* und in der Zeitung *Wozrozdenije* veröffentlicht (1929-1930). *Sovremennije zapiski (Paris, 1930, №44; 1931, № 45-47). Wozrozdenije (Paris, 1929, 23 Aug., №1543; №1930, 24 Mai, №1817; 30 Aug., № 1925; 21 Sept. 1937; 26 Okt.: 1972; 1931, 23 Jen., 2061; 11 Mai, №2169;12Jun., № 2231).*
Die erste Buchausgabe erschien in Paris im Jahr 1932. In Russland wurde das Buch zum ersten Mal in der Zeitschrift *Junostj* herausgegeben.
An der Biografie *Zhukovsky* arbeitete Zajcev in den ersten Nachkriegsjahren. Zum ersten Mal wurde sie in Fragmenten im *Novoje vremja* (1947-1949. № 17, 19-21) und in der Pariser Zeitung *Russkaja mislj* (1947-1949) gedruckt. Die volle Ausgabe des Buches ist in Paris 1951 erschienen, die ersten Publikationen in Russland und in der Literatur-historischen Zeitschrift *Russkaja literetura* (1988, № 2-4).
Die Biografie *Tschehov* erschien in Form einzelner Kapiteln in der Zeitschrift *Russkije zapiski* (Paris, 1939, № 16), *Opiti* (New York, 1953, № 2), *Novij zurnal* (New York, 1954. №

36-37), *Sovremennik* (Toronto, 1960, № 1) und in der Zeitung *Russkaja mislj* (Paris, 1954). Die erste Publikation des Buches erfolgte im Jahr 1954.

Die Biografien über Schriftsteller im Lichte der Exilkritiken

B.Zajcev war einer der bekanntesten und respektiertesten Schriftsteller im Exil. Die Kritiker schrieben, dass er ein „gerechter Schriftsteller", ein „Patriarch der Literatur" und der Begründer einer neuen Ethik sei. Zeitgenossen von B.Zajcev schätzen seine persönlichen menschlichen Qualitäten: sein Mitgefühl und Nächstenliebe, seine grenzenlose Ehrlichkeit und seine innere Intelligenz. Er war einer der meistgelesensten Schriftsteller der russischen Emigration. Seine Bücher über I.S. Turgenev (Ziznj Turgeneva -1932), V.A. Zhukovsky (Zhukovsky-1951), Tschehov (Tschehov-1952) wurden in Frankreich geschrieben. Darin fanden sich Antworten von vielen Kritikern und Autoren der Emigration. Die Rezensionen über Biografien der russischen Schriftsteller wurden von P.Bobrinskij, P.Pilskij, G.Adamovitsch, N.Andreev, P.Erschov, R.Pletnev, G.Mejer, G.Rsevskij und den anderen geschrieben. Die Gutachten über seine Bücher existieren in Jubiläumsartikeln von V.Zavalischen, F.Stepun und V.Vejde. Zavalischen betonte die Besonderheit des Genres der biografischen Werke, er verglich sie mit Musiksymphonien.

Alle Kritiker und Publizisten, die ihre Artikel den schriftstellerischen Biografien widmeten, schrieben über die geistige Verwandtschaft von B.Zajcev mit den dargestellten Schriftstellern, über seine hohe Aufmerksamkeit für die innere Welt der Helden. Die meisten Rezensenten bewerten den ungewöhnlichen innovativen Ansatz Zajcevs in der Lebensbeschreibung der russischen Klassiker und in der ihnen zugeteilten großen Aufmerksamkeit der Geschichte ihrer Seele. Sie beschrieben, dass Zajcev sich den höheren Menschlichen Werten zuwendete, die in schwierigen Zeiten überaus notwendig war. Die große Anzahl der Diskussionen über sein Buch *Ziznj Turgeneva* führten zur Definition des Genres, den Visionen der darstellenden Schriftsteller und die besondere Methode der Beschreibung Turgenevs.

„Ziznj Turgeneva"

Die meisten Kritiken beschreiben die Biografie über Turgenev mit großer Begeisterung.

P.M. Pilskij, Schriftsteller und Kritiker, schrieb einen Artikel über die Biografie von Turgenev.

Er hob die erhöhte Aufmerksamkeit des Zajcevs an der innerlichen, irrationalen Welt des Helden hervor wie auch seine seelischen Erlebnisse. Nach Ansicht der Kritiker, konnte der Autor die geistige Welt der Helden wahrhaftig darstellen. Ein Rezensent schrieb, dass Zajcev das Schaffen des Schriftstellers als Schlüssel zum Verständnis seine Seele betrachtete.

Der Kritiker P.M. Bizilli machte eine positive Bewertung der Methoden in der Darstellung des Turgenevs. Wie der Rezensent feststellte, beschrieb Zajcev die Widersprüche im Charakter des Helden, seine magische Vorahnungen und Ängste korrekt. Der Kritiker sah den innovativen Ansatz von Zajcev darin, dass der Schwerpunkt in der Forschung des Autors der inneren Welt Turgenev galt. Aus seiner Sicht entspricht die Beschreibung der inneren Welt von Turgenev genau jenen poetischen und ästhetischen Gefühlen, die der Lesende von seinen Werken bekommt.

Poet P.A. Bobrinskij schrieb über die psychologischen Methoden in der Darstellung des Hauptheldens. Das Buch über Turgenev klassifizierte er als neue Art von „hudozestvennoj Biografie". Er unterstrich seine perfekten Kenntnisse von historischen und dokumentarischen Materialien. Das Buch charakterisiert die historische Genauigkeit und die Ablehnung der schriftstellerischen Fantasie, die in vielen französischen Biografien existierte. Er bewertete den ästhetischen Wert des Buches über Turgenev hoch und empfand es für die damalige Zeit als besonders notwendig.

Der Kritiker N.Andreev äußerte sich negativ über das Genre der „hudozestvennich" Biografien und ihren literarischen Methoden, die von den Schriftstellern verwendet wurden.

Obwohl Fantasie diesem Genre nicht eigen ist, fand der Kritiker einige subjektive Interpretationen der inneren Welt des Turgenevs. Den Historismus (istorism) zählte er zu den wichtigsten Kriterien in den künstlerischen Werken. Der Kritiker bezichtigte den Autor, der subjektiven Darstellung des Turgenevs und der Stilisierung seiner Gestalten**.** Die Bezeichnung des Hauptheldens nannte er als „apokryphitscheskoje skazanije" (Aussage). Aus seiner Sicht ist das Buch über Turgenev schön, aber auch umstritten.

M.A. Aldanov stimmte Zajcev nicht zu, bezüglich der Interpretation der einzelnen Werke des Turgenevs. *Klara Milatsch* beurteilte er als gewöhnliche alltägliche Geschichte.

G.V. Adamovich stand sich auf der Seite der Kritiker, die die schriftstellerische Freiheit des Biografen für den Selbstausdruck in ihren Werken schützen. Er stimmte nicht mit den Rezensenten überein, die die Beschreibung seines Schicksals (Turgenev) und nicht der historischen Wahrheit entsprechend beurteilten. Er äußerte, dass jeder Autor das „Gesetz der Kausalität" in seinen Schreiben einbringt und ein Verständnis über Fakten des Lebenslaufs widerspiegelt. Der Schriftsteller dachte sich keinen Helden aus. Nach Ansicht der Kritiker,

beschreibt Zajcev das Hauptmerkmal des Turgenevs wahrheitsgemäß: das Fehlen des vollständigen Glaubens an Gott. Aber manchmal versuchte Zajcev seinen Helden zu belehren. Richtig verstand das schöpferische Vorhaben des Schriftstellers der Philosoph und Theoretiker der Kunst F.A. Stepun. Nach seiner Meinung, dringt der Autor intuitiv durch das Lebensschicksal der von ihm geliebten Schriftsteller durch. Alle „Monografien" sind mit einer erhöhten Aufmerksamkeit auf das religiöse Thema im Schaffen der Schriftsteller geschrieben. Der Kritiker begreift das Wesen der Autorenvision und Interpretation seines Schicksals. Stepun sah im Buch die geistige Evolution von Turgenev, die vom Zajcev ausgezeichnet beschrieben wurde. Der Schriftsteller interessierte sich für die innere Welt von Turgenev mit seine Ängsten, Gefühlen und Trauer, was er als „Nachtgestalt" bezeichnete. Dieser Gestalt des Klassikers sah er in den Zusammenhang mit den seelischen Suchen vom Biografen und seinen persönlichen Probleme.

Der Philosoph und Kritiker V.N. Iljin nannte sein Werk eine „furchtlose Heldentat"; es zeigte seine Ehrlichkeit und den Mut von Zajcev, auch wenn andere Philologen die Schriftsteller wie Majakovsky, Esenin und Gorjky lobten, aber Turgenev und Balmont kritisierten.

„Zhukovsky"

Eine noch höhere Bewertung löste seine zweite Biografie *Zhukovsky* aus. Richtigerweise beurteilte G.P. Struve die Bedeutung der Lebensbeschreibung Zajcevs für die Geschichte des biografischen Genres. Im seinem Werk *Russische Literatur im Exil (Russkaja Literatura v Izgnanii* -1958) widmete er einige Kapiteln dem Schaffen Zajcevs. Alle drei Biografien sind von großer innerer Sympathie des Biografen und werden mit der geistigen Verwandtschaft der dargestellten Schriftsteller beschrieben. Er bezeichnete dieses Vorgehen als „Methode vtschuvstvovanija"; sie wird durch den lyrischen Impressionismus und die Tendenz zur Stilisierung charakterisiert. „Die Kunstrichtigkeit wird dank Tiefendurchdringung in die reellen lebenswichtigen Situationen, dem Öffnen des Zugangs zur Welt der Helden durch die „Methode vtschuvstvovanija" erreicht".

N. Andreev bewertet das Buch über Turgenev hoch und es sei „eine der erfolgreichsten Biografien in russischer Sprache". Das Buch ist auf das Eröffnen der geistigen Welt des Hauptheldеn Zhukovsky gerichtet, deren Zajcev als eine seelische Persönlichkeit im Buch wiederbelebte. Der Kritiker stimmte mit dem Autor überein, dass das Schaffen von

Zhukovsky von seiner inneren Welt geprägt wurde. Andreev äußerte, dass der Biograf das geistige Suchen von Zhukovsky im Buch richtig darstellte.
Der Kritiker P.Erschov bemerkte, dass der Biograf „die feinsten Nuancen des inneren Lebens des Dichters“ zum ersten Mal richtig darstellte. In seinen lyrischen Emotionen ist Zhukovsky dem Autor besonders nah. Als einer von den ersten Rezensenten bezeichnete Erschov die psychologischen Aspekte in der Darstellung des Helden. Die Kritiker waren der Ansicht, dass Zajcev das Hauptleitmotiv vom Leben des Helden richtig beschrieb.
F.Stepun unterstreicht die Wichtigkeit der Beschreibung der inneren Welt von Zhukovsky und seiner menschlichen Qualitäten, die Zajcev seiner Intuition zufolge richtig beschrieb. Er polemisierte mit dem Kritiken Tchorzevskij, der Zajcev die Stilisierung Zhukovsky als Heiligen vorwarf. F.Stepun meinte, ein derartiger Schluss sei unbegründet, weil der Biograf ihn oft einen „Romantiker“ nannte. Durchaus richtig und wie ein scharfsinniger Künstler beschrieb Zajcev die Persönlichkeit Zhukovskys. Als einer der ersten, beginnt der Kritiker die Bearbeitung des Themas „der Autor und die Helden“ in den biografischen Werken von B.K. Zajcev.
Einige Kritiker sahen in Zhukovsky die Reflexion der inneren Welt des Biografen. Einen solchen Standpunkt teilte N.N. Berberova.

„Tschehov“

Eine hohe Anerkennung von den Kritiken hatte seine dritte *Tschehov* Biografie.
R.V. Pletnöv nannte das Buch über Tschehov eine hochschöpferische Erzählung über „das Herz und die Seele“ des großen Schriftstellers. Er sah die Reflexion der Verborgenen in seiner Seele, was die anderen Schriftsteller nicht erkannten und beschreiben konnten. Zajcev öffnete das Herz seiner Helden. Der Kritiker richtete seine Aufmerksamkeit auf die Rhythmik des Werkes.
P.Erschov schrieb über den psychologischen Gleichklang von B.Zajcev und Tschehov, auch über die große Ähnlichkeit ihrer Stile. Die Biografie von Tschehov ist so geschrieben, dass damit die „irrationalen“ Seiten in seiner inneren Welt und in seinem Schaffen aufgezeigt werden. Er bezeichnete die Ähnlichkeiten in der schriftstellerischen Manier: Lyrismus, Halbtöne und Traurigkeit.
G.Mejer stellte im seinem Artikel, *Boris Zajcev über Tschehov* die Frage, nach der Definition

einer „echten Biografie“. Er brachte die Idee über die Darstellung der Persönlichkeit des Autors in der Tschehov-Biografie hervor. Aus allen drei Lebensbeschreibungen fand er das Buch über Tschehov am vollkommensten, besonders in seiner sprachlichen Ausdrucksweise. Er äußerte, dass das Schaffen Zajcevs vom tiefen Glauben inspiriert war. Aus seiner Sicht ist Zajcev ein spiritueller, Tschehov aber ein seelischer Schriftsteller. Das Genre bestimmte er als „belletristische“ Biografie“.

F.Stepun schrieb, dass in der Beschreibung Tschehov B. Zajcev der Wahrheit folgt. Nach seiner Annahme besteht die Bedeutung des Buches darin, dass Tschehov dem Autor zufolge, näher zu Dostoevskij, als zu Turgenev ist. Er betrachtete das Schaffen des Klassikers auch wie die Reflexion des geistigen und religiösen Suchens. Der Kritiker bezeichnete die Evolution des biografischen Genres im Schaffen von B. Zajcev.

Anfang der 60-er Jahre führten Kritiker und Schriftsteller Diskussionen, die die Sphäre der menschlichen Gefühle betreffen, die so genannten „Physiker“ und „Lyriker“. In der modernen Ästhetik, die in dieser Zeit existierte, schienen feine menschliche Gefühle keine richtige Rolle mehr zu spielen. Aber Zajcev zeigte, dass echte Kultur Spiritualität ist. Um diese Frage zu beantworten, schreibt der Prosaiker L. Rzevskij einen Artikel über Zajcev und seine biografische Werke.

Das Genre der Zajcevs-Biografien bewertete er als „hudozestvennije“, die schriftstellerische Fantasie entschlossen und seine Methode als „rekonstrukzie“.

Aus der Forschungsgeschichte der Biografien *Ziznj Turgeneva, Zukovsky* und *Tschehov* des B.K.Zajcev im Ausland

Die Ausländische Literaturwissenschaftler über B.Zajcev

In ausländischen Literaturwissenschaften existieren einzelne Monografien und Artikel zum Schaffen des B.K. Zajcev. Die Biografien *Ziznj Turgeneva, Zhukovsky, Tschehov* sind weniger erforscht.

Als eine erste globale wissenschaftliche Arbeit zu den biografischen Themen wurde die Monografie von A. Schiljajeva (1971) geschrieben. Ein französischer Slawist Renne Guerra gab in Paris ein Buch mit dem Titel *B.K. Zajcev: Bibliografie* zu seinem Schaffen (1982) heraus. Es enthält den klassischen Artikel mit der biografischen Beschreibung von den

Werken des Schriftstellers.

Die polnische Literaturwissenschaftlerin Malgorzata Matecka widmete ihre Dissertation der Methode des Impressionismus im Schaffen I. Bunins und B. Zajcevs. Sie beleuchtete die früheren Werke der Schriftsteller, in der die Kunstprinzipien und ästhetischen Werte enthalten waren und wie sie auch in der Musik und malerischen Kunst existierten. Malgorzata Matecka zeigt die Verbindung der lyrischen Prosa der Schriftsteller mit verschiedenen Arten der Kunst auf. Nach ihrer Meinung ist die lyrische Prosa von Bunin und Zajcev auf der Poesie der Gefühle und der Eindrücke gebaut. Deshalb schließt sie unbegrenzte Möglichkeiten und Deutungen ein.

A.Schiljajeva über „die belletristischen" Biografien des B.Zajcevs

Auf einem besonderen Platz steht die Monografie von Schiljajeva, worin sie die theoretische Ausarbeitung von Rzevskij weiter entwickelte. Um diese Zeit stellte sich noch die Frage nach dem wissenschaftlichen Beweis der Methode der „Rekonstruktion" (rekonstrukzii), die Zajcevs Biografien zugrunde lag.

Einen bedeutenden Teil ihrer Forschung widmete *Schiljajev*a dem Genre und der Poetik der Beschreibung wie auch der Methode des Schriftstellers. Sie bezieht sich auf alle Bücher Zajcevs zu „modernen belletristischen Biografien", deren Begründer Litton Strejchi (1880-1923), ein englischer Schriftsteller, war.

Schiljajeva versuchte die Biografien der Schriftsteller und H. Sergy Radonezsky gemäß dem Genre zu beschreiben und bewertet ihre besondere Art als „belletristisch".

In ihren theoretischen Schlussfolgerungen folgt sie hinter G. Struve und L. Rzhevsky. Nach ihrer Auffassung, wird das Werk *Prepodobnij Sergy Radonezsky* (1924) als die erste „belletristische Biografie" Zajcevs bezeichnet.

Schiljajeva machte eine ausführliche Analyse zur erzählerischen Struktur der Texte aller drei Lebensbeschreibungen. Sie beobachtete auch die Quellen, die die Grundlage der Biografien Zajcevs liegen. Sie widmete eine große Aufmerksamkeit in ihrer Arbeit der Kunstsicht Turgenevs, Zhukovskys und Tschehovs im Lichte deren geistigen Entwicklung.

Für Schiljajeva bestand die große Bedeutung darin, dass die Liebe ein Thema in den Werken der Schriftsteller wurde, die Zajcev in Zusammenhang mit dem Schaffen und der seelischen Suche der Helden betrachtete. Ihr zufolge findet der Schriftsteller das wahre Leitmotiv des Lebens des Turgenevs in der „Verehrung des ewig Weiblichen". Die Erscheinung I.S.

Turgenevs als „zweigesichtigen Gott Janus“ spiegelt die Widersprüchlichkeit der inneren Welt des Schriftstellers und das Wesen seines inneren Dramas genau ab. Sie meinte, dass aus den drei Schriftstellern Zhukovsky dem Biografen Zajcev besonders nahe war.

Die schriftstellerische Methode in den Werken über Turgenev und Zhukovsky bezeichnete Schiljajeva als Impressionismus, der in bester Weise die Bewegung der Seele der Helden widergibt. Zajcev führt die Erzählung in der belletristischen Biografie *Tschehov* objektiv aus. Schiljajeva sah den offenbaren Gleichklang in der Philosophie von Zhukovsky und Zajcev. Das Streben des Helden zur Wahrheit und Tugend erklärt sich vom Biografen wie ein religiöser Weg.

Die Autorin der Monografie betrachtete die kunstvolle Nutzung der aktenmäßigen Quellen des Autors, die der Logik der Erzählung untergeordnet ist.

Das Schaffen von Tschehov wurde vom Autor in Zusammenhang mit der Deutung des religiösen Themas in seinem Schaffen betrachtet. Der Schriftsteller wählte erfolgreich jene Werke Tschehovs, die «als Schlüssel zur Beleuchtung seiner geistigen Gestalt» dienten.

Wie sie erklärte, deutete Zajcev das Leitmotiv des Lebens von jedem Helden richtig. Sie beschrieb auch, wie Zajcev die Methode der „Rekonstruktion“ (rekonstrukzii) in seinen Werken benutzte. Wo Zajcev keine Antwort in den Dokumenten fand, appellierte er zu modalen Wörtern, wie - vielleicht, wahrscheinlich, möglich und etc. Sie bewies wissenschaftlich, dass alle drei Biografien keine Fantasie beinhalten. Sie zeigte, dass seine Biografien die ästhetischen, seelischen und Erkenntniswerte tragen, welche den Idealen der Schriftsteller entsprechen.

Die theoretischen Ansichten von Schiljajeva werden in den Werken der russischen Literaturwissenschaft weiter bearbeitet.

Ivo Hux über Exilperiode in der Schöpfung des B.K.Zajcev. Die Biografischen Werke des Schriftstellers in der Rezeption des Forsches

Eine der bekanntesten Monografien in der schweizerischen Literaturwissenschaft ist die Forschung vom Ivo Hux über *Schreiben im Exil. B.K. Zajcev als Schriftsteller und Publizist* (1997). Der Verfasser wollte das Problem der Beeinflussung der Emigration auf die Werke Zajcevs erheben. Das Erbe des Dichters wurde in der engen Verbindung mit den Ereignissen der äußerlichen Welt – Revolution und Exil – beleuchtet. Er betrachtet sein Schaffen in dieser Periode im Evolutionsprozess. Einer der zentralen Fragen des Buches bezog sich auf den

Einfluss der Emigration auf sein Schreiben. Die Vorbedingungen dazu findet er in der geistigen und psychologischen Welt des Schriftstellers. Ivo Hux beschäftigte sich auch mit den Biografien des B.K. Zajcevs. Eine große Bedeutung mießt der Autor der Monografie in den Aspekten der Poetik und Methode des Schriftstellers zu, die sich vom Impressionismus zur „neuen realistischen Methode“ veränderte.
Die Biografien der russischen Schriftsteller wurden vom Verfasser Hux als Orientierung Zajcevs auf seine innere Welt und die Reflektion des autobiografischen Themas in den Biografien betrachtet. Er fand in ihnen eine größere Reflexion der persönlichen Ereignisse des Autors, verglichen mit der Beschreibung die geistige Evolution des Helden.

Die wissenschaftliche Forschung der Biografien von B.K. Zajcev *Ziznj Turgeneva, Zhukovsky, Tschehov* in Russland ende des 20. und Anfang des 21.Jahrhunderts

Die Aktualität der Forschung

Das schöpferische Erbe von B.K. Zajcev, dem Letzten aus den Meistern des „Silbernen Jahrhunderts“, ist sehr umfangreich und reichhaltig in den Beziehungen des Genres.
Erst seit kurzer Zeit ist sein Schaffen Objekt der vertieften wissenschaftlichen Forschung. Bis zum Jahre 1987 sind die Werke des Schriftstellers in Russland nicht publiziert worden. Über seine literarischen Werke konnte man nur in spezifischen Enzyklopädien etwas finden.
In den Jahren 1960-1980 schrieben V.A.Keljdisch, L.A.Iesuitova, K.D.Muratova, L.V.Krutikova, J.A.Babitscheva, L.N.Nazarova und M.A.Poljakova über Zajcev.
Die ersten Publikationen der Werke Zajcevs wurden Anfang der neunziger Jahre von Voropajeva und Tarhanov vorbereitet. Voropajeva beleuchtete in klassischer Art die Thematik und Problematik seines literarischen Schaffens.
Die intensivere Forschung des schriftstellerischen Werks von Zajcev fing in den letzten Jahrzehnten des 20. Jahrhunderts und in den ersten Jahren des 21. Jahrhunderts an, was mit weiteren Publikationen seines Schriftwerkes verbunden ist. Heute fehlt jedoch noch immer die Publikation des Gesamtwerkes des Schriftstellers, das verstreut in verschiedenen Archiven der Welt lagert.

Die Grundrichtungen in der Forschung B.K. Zajcevs Schaffens. Seine Biografien *Ziznj Turgeneva, Zhukovsky, Tschehov.*

Es ist nicht übertrieben zu behaupten, dass in Russland L.N. Nasarova die Forschung des Werks von Zajcev sehr gefördert hat. Sie hatte einen intensiven Briefwechsel mit dem Schriftsteller in den 60er Jahren. In ihren Artikeln zur Biografie „*Ziznj Turgeneva"* schrieb sie über die Kunst des psychologischen Porträts bei Zajcev. Sie charakterisierte die Biografie als „hudozestvennaja"; weil in dieser Zeit das Wort „belletristische" mit Fantasie assoziiert wurde.

Unter den Artikeln mit Überblickcharakter sollte man die Arbeit von L.A. Ijezuitova nennen. Sie schrieb eine Übersicht zur Periode der Vorrevolution (1917) in seinem Schaffen. L.A.Ijezuitova bezeichnete die „Konstanten der Kunstwelt" Zajcevs: dem „Zeitgeist" zu folgen, das Gefühl für den Kosmos, die Fähigkeit des Menschen, sich als Bestandteil der Erde und des Universums zu fühlen, als auch die augenblicklichen und ewigen Erlebnisse wahrzunehmen. Ijezuitova sah zwei Typen von Helden in Zajcevs Werken: zum einen die Frau, die in sich in der Idee der Erde, der Mutter, verwirklicht sieht, und andererseits der Held, der Träumer, der Wanderer, der Reisende, der Sucher nach Harmonie und Schönheit, nach dem „blauen Stern".

In der Heimat des Schriftstellers wurde das erste bibliografische Register von V.A. Djachenko herausgegeben. In Oröl und Kaluga werden regelmäßig wissenschaftliche Konferenzen durchgeführt, die dem Schaffen des Schriftstellers gewidmet sind.

In den 90er Jahren wurden viele Dissertationen über die Werke B.K. Zajcevs verfasst, die das Vorrevolutionsschaffen des Schriftstellers am besten beschreiben. Zu den „belletristischen" Biografien des Schriftstellers sind fünf Dissertationen geschrieben worden, von N.N. Zhukova, O.A. Kashpur, N.I. Zavgorodnjaja, A.V. Jarkova und I.A. Minaeva, worin spezifische Aspekte der Biografien beleuchtet wurden. Einige Verfasser versuchten seine Biografien konzeptuell zu beschreiben.

Das literarische Erbe des Schriftstellers, das er im Exil verfasst hat, ist nicht nur umfangreich hinsichtlich Genre und seiner Themenbezüge, sondern auch mannigfaltig. Die genannten Verfasser betonen das hohe ästhetische und geistige Potenzial, weshalb es eine große Aufmerksamkeit der Literaturwissenschaft verdient. Diese Periode erfasste mehr als fünfzig Jahre seines Lebens, in denen er über 25 Bücher schrieb und auch über 600 Publikationen verfasste, die periodisch erschienen sind.

Die Mehrzahl der Abhandlungen über Zajcev und seiner Werke sind Artikel, die die Themen

seines ganzen Schaffens widerspiegeln. Viele Slawisten versuchten die schöpferische und geistige Evolution des Schriftstellers zu beschreiben. In den meisten kritischen Werken wurde die offensichtliche Wendung zu den geistigen und philosophischen Einsichten hervorgehoben. Die Forscher schenken die Aufmerksamkeit den Erinnerungen des Schriftstellers, die bis jetzt noch nicht ganz eruiert waren. Sie sind die Quelle der Informationen zu seinen Leben, der Epoche und seinen Genossen. Die Publizistik des Schriftstellers wird in den Werken von L.V. Bobkov, A.M. Ljubomudrov, N.I. Pak erforscht. Die autobiografische Tetralogie *Puteschestvije Gleba* wird in den Artikeln von L.I. Bronskoja, A.V. Jarkova, N.V. Sosnina und anderen analysiert. J.A. Dragunova, Ljubomudrov und M.V. Vetrov betonen die allgemeinen philosophischen Probleme des Suchens der Wahrheit im Leben Zajcevs. In einigen Werken wird die Tendenz beobachtet, das Gleichheitszeichen zwischen dem Schriftsteller und dem Weisen, dem Philosoph zu setzen. Die einzelnen Philologen schreiben über den Einfluss von V.Solovjövs Ideen auf Zajcevs Weltanschauung. In der Literaturwissenschaft wird versucht, das Schaffen von Schriftstellern theoretisch zu beschreiben.

N.P. Komolova erforschte das Thema *Italien i*n seinem Schaffen, das der Schriftsteller als seine zweite Heimat bezeichnete. Sie betrachtete das Motiv der Reise in seinen Biografien *Ziznj Turgeneva (Das Leben von Turgenev)* und *Zhukovsky,* stets im Zusammenhang mit der Interpretation der Gestalten bekannter Schriftsteller und ihren geistigem Suchen, mit Betonung auf die allgemeinen menschlichen Werte, die den Autor faszinieren.

M.A. Ljubomudrov verfasste eine Monografie über die Aneignung der orthodoxen Religion im Schaffen von B. Zajcev und I. Schmelöv. Ljubomudrov machte den Versuch die literarische Methode von Zajcev und Schmelöv zu beschreiben, die nach Meinung der Verfasser, in ihrem Schaffen gefestigt wurde. Er erfand den Begriff «des geistigen Realismus», was «die Wahrnehmung und die Abbildung der realen Anwesenheit des Schöpfers in dieser Welt» bedeutet.

Im Aspekt des Themas „Mönchstum in der russischen Literatur“ wendet sich Ljubomudrov zur Tschehovs Schöpfung und seinen Novellen. Er sieht die offensichtlichen Ähnlichkeiten in der Darstellung der Geistlichkeit bei Zajcev und Tschehov und analysierte die Erzählungen von Tschehov: *Stepj, Pisjmo, Duelj* und etc. Ljubomudrov sah in Zajcevs Werken die Fortsetzung der Tradition Tschehovs. In diesem Zusammenhang wurde von ihm die Erzählung *Reka Vremön* betrachtet. Ljubomudrov verglich die Gestaltung des Klerus in den Erzählungen *Reka Vremön* und *Arhierej* von Tschehov.

Beide Schriftsteller wendeten sich an die Seele der Helden. In den Biografien über Zhukovsky, Turgenev und Tschehov sieht Ljubomudrov die Orientierung Zajcevs zur inneren

Welt der Schriftsteller. Zajcev machte jedoch tiefe historische und literarische Beobachtungen, vergleichbar wie denen eines erfahrenen Faktografen.

T.M. Stepanova betrachtete die publizistischen Skizzen von Zajcev als Verbindungsglied zwischen Literaturkritik und dem Genre der Biografie. Ihrer Bewertung zufolge entstammen die Konzepte der zukünftigen schriftstellerischen Biografien den früheren kritischen Artikeln über Turgenev. Doch können wir nicht rational erklären wohin sich das Herz des Schriftstellers wendete. Nach Meinung von T.M. Stepanova stellen sie verschiedene geistige Welten der russischen Klassiker dar, verschiedene Philosophien des Daseins und psychologischer Typen. Stepanova schreibt über die Besonderheiten des Prinzips Empathie bei Zajcev. In die Interpretation des Schicksals des Zhukovsky sah Stepanova die Reflexion der geistig-philosophischen Ansichten Zajcevs. In Biografie Genre sieht die Verfasserin die Belehrung, Erbauung und das Vorhandensein der moralischen Lehre. Manche Schlussfolgerungen von ihr tragen oft eine ideologische Nuance.

Es ist interessant, dass Zajcev das schriftstellerische Schaffen mit der inneren Welt verband, die im Exil um vieles stärker wurde. Darüber erfahren wir auch aus seinem Gespräch mit S.Kryzhitsky.

Sie versuchte die Gesetzmäßigkeiten in der schöpferischen Evolution des Schriftstellers aufzufassen. In den Biografien von Zajcev sieht sie seine Polemik mit den Ideen von I.A. Iljin, welche die Reflexion in seiner Arbeit *O neprotivleniji zlu siloju* fanden. Die Philosophie des Schriftstellers sieht sie harmonisch mit den ethischen Prinzipien von Mahatm Gandi, Gzavaharlal Neru und Martin Luther King. Im biografischen Genre fand Stepanova eine Belehrung.

In manchen ihren Schlussfolgerungen stützt sie sich auf die theoretischen Ansichten, die in den wissenschaftlichen Werken von A. Shiljajeva, G. Struve und F. Stepun enthalten sind.

Die Dissertationen, die den Biografien *Ziznj Turgeneva, Zhukovsky* und *Tschehov* gewidmet sind

In der russischen Literaturwissenschaft existieren einige Forschungen, die den biografischen Thema im Schaffen von Zajcev gewidmet sind.

Die Autoren dieser Forschungen schreiben über die Ethik-ästhetischen Ansichten von Zajcev, über eine Konzeption der Persönlichkeit des Schriftstellers, die seinen biografischen Werken

zugrunde liegt.

Einige Forscher haben ihre Arbeiten der Formung der philosophischen Ideen von Zajcev gewidmet. So belegt zum Beispiel die Arbeit von Minajeva, das ideenbegriffliche Herangehen und Streben, die philosophischen Grundlagen der Weltanschauung des Schriftstellers zu zeigen. Sie schreibt darüber, dass in jeder historischen Epoche verschiedene Aufgaben vor den Biografen standen, die sich von den Konzeptionen der Persönlichkeit her erklärten und auch von den ethisch-ästhetischen Vorstellungen der Künstler des Wortes abhängen.

Einige Forscher haben sich an den breiten Kontext der philosophischen Theorien gewendet, die in der Epoche Zajcev existierten. Diese Literaturwissenschaftler stützen sich auf die theoretischen Grundlagen von V.Solovjöv, I.Iljin, N.Berdjaev und etc. In ihren Forschungen über die Biografien wenden sie sich an die theoretischen Schlussfolgerungen des M.Bakhtins, D.Lihatschöv, J.Lotmans, L.Ginzburg, M.Andronikova und etc.

N.N. Zukova beleuchtete als eine der Ersten das Thema der schöpferischen Persönlichkeit in den Biografien über die Schriftsteller. In ihrer Forschung *"Obras hudoznika v belletrisovannih biografijah B.K. Zajceva „Zizni Turgeneva“, „Zhukovskij“, „Tschehov“* versuchte sie, die Evolution der ethisch-ästhetischen Ansichten von Zajcev auffassen. Zhukova betrachtete seine Biografien unter dem thematischen Aspekt und widmete ihre Aufmerksamkeit dem psychologischen Aspekt in der Darstellung der Helden. Sie schrieb über "die Philosophie der Liebe" des Schriftstellers, die sie wie eine Methode zum „Selbstöffnen“ der Persönlichkeit betrachtet.

Ein solches Folgen einer bestimmten Idee ist auch einigen anderen wissenschaftlichen Arbeiten eigen.

O.A. Kashpur untersuchte die Quellen des Biografischen Genres im Schaffen des Schriftstellers. In ihrer Dissertation wurden die Werke über Zhukovsky, Turgenev und Tschehov nach der christlich-orthodoxen Ethik beleuchtet. Strittig vom Standpunkt der Theorie des Genres sind die Schlussfolgerungen der Forscherin über das biografische Genre in den Werken *Zizni Turgeneva*, *Zhukovskij, Tschehov*, diese werden von der Wissenschaftlerin als „literarische Porträts“ bezeichnet. Kashpur meinte, dass Turgenevs Gestalt sehr subjektiv ist und Zajcev deformierte ihn „laut seiner Konzeption“.

N.I. Zavgorodnjaja versuchte, Zajcevs Werke über Schriftsteller in einem philosophischen Kontext zu betrachten, wofür sie umfangreiches Material zur religiösen Philosophie am Anfang des 20. Jahrhunderts heranzog. Struve folgend, definiert sie die Kunstmethode des Schriftstellers als "Methode vtschuvstvovanija" und versucht ihre religiösen Grundlagen zu bestimmen. Sie schrieb, dass der philosophische Aspekt „vtschuvstvovanija" in den breiten

Kontext des russischen religiösen und philosophischen Gedankens einführt. Sie betrachtet die Werke von Solovjöv, Karsavin, Iljin, Trubezkoj in Zusammenhang mit den Fragen der Methode. Sie entwickelte auch theoretische Ideen, die von G.Struve vorgebracht wurden. Zavgorodnjaja betrachtete die Gestalt des Künstlers in den Biografien B. Zajcevas zusammen mit der Idee des Lebensweges. Sie zeigt die Reflexion des griechisch-orthodoxen Bewusstseins des Schriftstellers in seinen Lebensbeschreibungen über Schriftsteller. In der Gestalt des Turgenevs sah sie eine „ästhetische Idee“ und eine „religiöse Idee“ in der Gestalt Zukovsky.

Wir denken, Zajcev griff vieles in der Darstellung der inneren Welt der Helden durch die Intuition mit seiner schriftstellerischen Meisterschaft auf. Manche religiös-philosophischen Ansichten von Berdjaev oder Solovjöv waren Zajcev nahe, doch verband er keine Konzeption mit der Darstellung der Helden. In der Gestalt „des Künstlers“ sieht die Forscherin „einen doppelten Sinn“: „das Modell und die Idee ".

Einen wesentlichen Beitrag zur Bestimmung der Genres der biografischen Werke von Zajcev leistet A.V. Jarkova. Die Auseinandersetzung mit der Poetik in den Biografien wird ein wesentlicher Teil ihrer Dissertation, die Turgenevs Gestalt im schöpferischen Bewusstsein Zajcev gewidmet wurde. Die Autorin stellte die Schlussfolgerungen zur Ähnlichkeit und den Unterschieden zwischen den Genres des literarischen Porträts und der klassischen Biografie dar. In ihrer Monographie setzte sie die Erarbeitung der Konzeption der schöpferischen Persönlichkeit in den Lebensbeschreibungen Zajcevs fort. Die Quellen der gegebenen Grundideen über die schöpferischen Persönlichkeiten in den zukünftigen Biografien findet sie in den literaturkritischen „Auftritten“ des Dichters. Bei der Bestimmung des Genres Biografie verweist die Forscherin auf die Überlegungen, die vom Schriftsteller im Artikel *Dvadzatj pervoje marta* (1949) gegeben sind. Sie macht interessante Beobachtungen zur Darstellung der irrationalen Welten der russischen Schriftsteller und ihrer seelischen Verbindung mit dem literarischen Schaffen. Typologisch charakterisierte sie sie als "psychologische" (psychologitscheskije) Biografien, worin das Interesse des Autors an der inneren Welt der dargestellten Helden aufgezeigt wird. Die Hauptaufmerksamkeit Zajcevs wird der Veränderung der Gefühle geschenkt. Die äußerliche Welt bezeichnete er als Phon. Ähnlich wie A. Shiljajeva entwickelte Jarkova die Idee der Transformation des biografischen Genres im Schaffen des Schriftstellers. Als impressionistischer Schriftsteller beschrieb Zajcev die Grundmomente des Lebens von Turgenev und Zhukovskij.

Die Dissertation von I.A. Minaeva ist dem Thema „der Autor und der Held“ in den Biografien von B. Zajcev gewidmet. Richtigerweise bezog sich die Autorin auf die Arbeit «die seelische

Wertorientierung» des Schriftstellers in der Darstellung der schöpferischen Persönlichkeiten. Sie zog für die Analyse das Schaffen der russischen Klassiker als Mittel *„der Verkörperung der Gestalt des Helden“* heran wie auch die psychologischen Aspekte in der Darstellung der schöpferischen Persönlichkeit des Turgenevs, Zukovsky und Tschehovs. Wir denken, wurde besser den Begriff *„die raum-zeitweilige Form des Helden*“ (prostranstvenno-vremennaja forma geroja - M. Bachtin) durch den Begriff *die Evolution des Helden während der Biografischen Zeit* ersetzen. Diese Bezeichnung erscheint passender, weshalb sich B. Zajcev in der Darstellung der schöpferischen Persönlichkeit auf die geistigen Werte bezieht und bei seinen Helden den *Aspekt der Evolution des Geistes* aufzeigt. I.A. Minaeva machte eine interessante Beobachtung zur Zeit in den belletristischen Biografien, die dem schöpferischen Vorhaben des Schriftstellers übergeordnet ist. Sie sah eine Identifikation zwischen der geistigen Welt B. Zajcevs und seiner Helden und schrieb über ihren Gleichklang. Sie verwendete den Begriff der "Projektion" des persönlichen Strebens des Autors auf die inneren Welten der Personen des Werkes.

Minajeva betonte eine Besonderheit der Biographie-Zeit, sie wurde von ihr als Phänomen Zajcev bezeichnet. Der Biograf widmete die Aufmerksamkeit **„**den einzelnen, vergänglichen Zuständen des Helden“ und schrieb kurz über langwierige Perioden im ihren Leben.

Die lyrischen Abweichungen von Thema sieht sie beim Schriftsteller nicht im Zusammenhang mit der seelischen Welt des Helden, sondern mit dem Mangel der Fakten vom Leben der Schriftsteller.

Die Monografien, die den Schriftstellerbiografien gewidmet sind

In der letzten Zeit erschienen einige Monografien mit der Tendenz, das Thema Biografie im breiten Kontext der russischen und ausländischen Literatur zu beleuchten.

Der Geschichte der Forschung von Zajcevs Schaffens ist die Monografie von Jarkova *Boris Konstantinovitsch Zajcev* gewidmet. Eine besondere Aufmerksamkeit schenkt sie dem Artikel von G.Rzevskij, der Zajcevs Werke schätze und seine Biografien als einen wichtigen Teil der geistigen Werte bezeichnete.

In ihrer nächsten Monografie *Zanrovoje svoeobrazie tvorschestva B.K.Zajceva 1922-1972 godov* betrachtete sie seine Schöpfung als ein einheitliches Ideen-thematischen Ganzes. In der Darstellung der russischen Schriftsteller sah sie „eine psychologische Konzeption“.

Ähnlich wie Stepun, sieht sie die Originalität in den inneren Welten der Helden und betrachtet ihre seelische Entwicklung. Sie beschafft sich die seltenen Artikel von Schriftstellern, die um die gleiche Zeit geschrieben wurden: *Turgenev i Morua* (1930), *Novij Turgenev* (1931).
Sie weist die Meinung von A.Schuljaeva über die Quellen der Biografie *Zisnj Turgeneva* zurück.
Ihrer Meinung nach, verwendete Zajcev das Buch vom I.Grevsa *Istorija odnoj ljubvi: I.S.Turgenev i P.Viardo* (1928). In alle drei Biografien schafft der Schriftsteller ein „dominantnij Porträt" der Helden, in deren er die wichtigsten Schicksalsabschnitte darstellte. Wie sie meinte, realisierte Zajcev in Turgenevs Gestalt seine „Konzeption des Eros". Er sah eine tiefere Verbindung zwischen der schriftstellerischen Schöpfung und seelischen Erlebnissen.
Aufgrund „der Konzeption" des Zhukovsky sah Jarkova das echte christliche Weltgefühl und tiefes Vertrauen des Zajcev an Gott. Sie meinte, das Leben des Herzens ist mit dem Leben des Geistes und des Schaffens zusammengezogen. Im Leben vom Tschehov wollte er die Fähigkeit zu lieben und zu glauben abspiegeln, wie auch die Reflexion der Seele im Schaffen.
Der Verdienst von Zajcev ist, dass er auf verborgene Art Tschehov und sein nicht begriffenes religiöses Gefühl dargestellt hat. Sie betrachtete auch alle drei Biografien über Zhukovsky, Turgenev und Tschehov wie eine Trilogie, die von der Einigkeit der Herangehensweise des Autors zur Darstellung der Helden verbunden ist.
N.I. Pak nimmt Zajcev als recht schaffenden, religiösen Schriftstellers wahr. Sie betrachtete die Biografie des Dichters in der genre-stilistischen Vielfältigkeit vom historischen-literarischen Kontext aus. Wie sie glaubte, betraf den Autor das Problem der geistigen und religiösen Verwandlung des Menschen sehr. Diese Tradition führt uns in das Heilige Rusj. Sie verbindet die Werke über die Schriftsteller mit Genres der altrussischen Literatur, wie Heiligenleben und Hosdenije, die im Schaffen B.K. Zajcev Eingang fanden. Sie stellte fest, wie sehr jeder Schriftsteller mit der russischen geistigen Tradition verbunden war. Sie betrachtete ihr Schaffen von dieser Position aus. Dabei ist der Gedanke von N.I. Pak interessant, dass der Autor seinen Helden nicht nur in der zeitweiligen Gestalt des Schriftstellers sah, sondern auch wie einen Reisenden, einen Wanderer, der in dieser Welt ankam. Die Werke der Schriftsteller betrachtete sie mit den Augen eines seelischen Menschen. Die hohe geistige Tiefe beschrieb sie mit dem Begriff „das Antlitz". Das Hauptthema „der Weg ihren seelischen Leben" in den biografischen Werken von Zajcev verbindet sie mit dem orthodoxen Glauben des Autors. Die Verfasserin hatte darin Recht, dass die innere Religiosität des Zajcev ihm sehr half, in den Schriftstellern die Reflexion ihrer geistigen Suche zu finden.

In der Zeit, als die atheistische Weltanschauung überwog, schrieb V. Kataev seine Fassung von *Proza Tschehova: Problemi interpritazii* (1979). Er warf Zajcev vor, dass er die innere Welt von Tschehov falsch darstellte. Seiner Meinung nach, hatte der Schriftsteller keine religiösen Bestrebungen.

Die Artikel über Schriftstellerbiografien

In der Heimat von Zajcev wächst das Interesse an seinem Schaffen. In Oröl und Kaluga finden wissenschaftlichen Konferenzen statt. Ihr Organisator war der Neffe von Zajcev, E.N. Zajcev. Nach ihren Materialien wird eine große Anzahl von Artikeln publiziert. Besonders aktuell scheint die Betrachtung des Schaffens von Zajcev im Kontext der Literatur und Philosophie „des Silbernen Jahrhunderts". Die Künstlerische und ästhetische Vollkommenheit des Schaffens vom bedeutenden Schriftstellern ermöglichen es, sich auf die Klassik des 20. Jahrhunderts zu beziehen.

Der Literaturwissenschaftler A.P. Chernikov zeigt die Evolution vom Schaffen des Schriftstellers in Zusammenhang mit der Vertiefung der orthodoxen Weltanschauung auf. Er betrachtete die Gemeinsamkeit der Ethik-ästhetischen Ansichten von Zhukovsky und Zajcev.

A.P. Chernikov behauptete, dass beide Schriftsteller vor allem an der Welt der moralischen und geistigen Erlebnisse der lyrischen Helden interessiert waren.

L.A. Kozyro fand die agiografische (agiografitscheskije) Motive in Zukovsky Biografie, sie entwickelte auch die „Konzeption der Persönlichkeit und den Poet“ in dieser belletristischen Biografie. Sie hat folgende Aspekte in der Darstellung der Helden gewählt: «das Leben im Alltag, das Leben des Herzens, das Leben des Geistes, das poetische Leben». In den Charakteristiken der Personen betonte sie die vorherrschenden psychologischen Neigungen. Sie schrieb über die Motive der Reise und des Weges im Buch *Zhukovsky.* Kozyro nannte den Eintritt in die Welt von Zhukovsky – den Moment der Selbsterkenntnis des Biografen.

Die größte Anzahl der Diskussionen über die Biografien hatten den Zweck, den Genres der Schriftstellerbiografien zu bestimmen: *Das Leben von Turgenev, Zhukovsky und Tschehov.* Viele Forscher betrachten die gegebenen Werke im Bezug auf die Theorie des Genres. Die Vielfältigkeit der Meinungen, die in der Literaturwissenschaft existieren, zeigt die Meisterschaft Zajcevs als Schriftsteller und das Herausragen aus dem Rahmen der gewohnten Regeln. Die besten Beweise sind die Schlussfolgerungen von L.D. Rzhevsky und A.Shiljaeva, die die Bücher über den Schriftsteller zu den „belletristischen“ oder zu den „hudozestvennim“

Biografien zählten. Als naheliegendste Meinung wird die von S.R. Fedjakin betrachtet, denn er bezeichnete die Genres von vielen Werken in Zajcevs Schaffen als „verschwommen“.

V. Tolmatschöv sah in den Büchern über die Schriftsteller die Reflexion der allgemeinen philosophischen Probleme, die Zajcev tief betreffen und seine Orientierung auf die innere Welt. Er nannte sein Buch über I.S. Turgenev „autobiographisch“. Die zahlreichen Versuche, das Geheimnis der russischen Heiligkeit zu beschreiben, hatten sich auf die Hinwendung des Schriftstellers zu den belletristischen Biografien und zum Essay *(Oscherk)Valaam* geführt. Er verknüpfte die Bücher über die Schriftsteller mit seiner Fähigkeit, die seelischen Werte in der russischen Literatur zu sehen und sein Streben nach den eigenen Idealen auszudrücken.

Die Zuwendung zum biografischen Genre wird in vielen Artikeln als das Streben nach kultureller Tradition betrachtet, das Zajcev in seine Seele tief berührte. Die Gestalt der Heimat Russland verbindet sich bei vielen Literaturwissenschaftlern mit „der hellen Kraft“ des Landes. Eine solche Idee im Schaffen von Zajcev sieht Dragunova, Zaharova, Minajeva.

In der Biografie *Zhukovsky* sieht Danovsky das Vorherrschen der geistigen Stimmungen von Zajcev. Minajeva sah in den Erzählungen über Tschehov die Erinnerungen des Autors, in dessen der geliebten Schriftsteller und Lehrer hell eingeprägt waren.

Einige Forscher sehen die Erscheinungsform der autobiografischen Motive in den Werken über Schriftsteller. Darüber schreiben Jarkova, Tolmatschöv, Minaeva und etc. Zum Beispiel nennt Tolmatschöv die Biografie über Turgenev, das Buch sei im kleinen Maß auch „autobiografisch“. Einige Verfasser schreiben über das Streben des Biografen, die Geheimnisse der russischen Seele und des Charakters zu verstehen. Eine solche Gestalt Zajcevs als Psychologen existiert in vielen Arbeiten. N.Z. Kokovina schreibt über verschiedene Wahrnehmungen der Welt bei Zajcev und Remisov. Nach ihrer Ansicht, schuf Zajcev mehr optimistische Porträts der Schriftsteller und der Zeitgenossen als Remisov. N.M. Schtschedrinaz sah die Reflektierung des autorischen „ja“ und der orthodoxen Weltanschauung von Zajcev in den Biografien über Schriftsteller. Sie fand die Zajcevs Orientierung auf die Heiligen in der Darstellung der Schriftsteller. Das Genre der biografischen Werke bestimmt sie als „biografische Skizze“(biografitscheskije otscherki).

Interessant erscheint, dass E.N. Zajcev (die Nachfahren der Verwandten des Schriftstellers) seinen Vorfahren mehr als Philosophen darstellte. Er sagt, dass V.Solovjöv als „Blindenführer in der geistigen Welt“ beim B.Zajev war.

Die letzte Monografien über B.Zajcevs Schaffens

In ihrer letzten Monografie schreibt Gromova (Jarkova) über die Entwicklung des biografischen Genre von Zajcev. Sie nannte seine Biografien als „hudozhestvenno-psychologitscheskije“ und stellte die Frage über die Zugehörigkeit Zajcevs zu „puschkinsko-turgenevsko-tschehovskoj“ Tradition in der russischen Literatur. Wie sie meinte, ist für diese klassische Tradition die besondere Auswahl der Helden charakteristisch. Ihrer Meinung nach ist für diese Schriftsteller die Abwesenheit „der offen geäusserten“ Überlegungen über Moral, Religion und Sozialproblemen charakteristisch.
Ein anderer Forscher wie A.S. Karpov schrieb über Zajcev er sei der Fortsetzer der russischen klassischen Traditionen von L.Tolstoj und F.Dostoevskij. Sie meinten, dass der Weg der geistigen Entwicklung der „enzig würdige wäre“.

***

Die Gestalt des seelischen Schriftstellers Zajcev geht durch alle Werke der Literaturwissenschaftler. Sie ist mit dem Leben seiner Epoche und den geistigen Bestrebungen der Schriftsteller verbunden. Jeder Forscher hat seine eigene Wahrnehmung der Biografien, seine eigenen geistigen Erfahrungen und Neigungen, die sich in ihren Artikeln oder Monographien wiederspiegeln. Zajcevs Biografien haben die ästhetischen Werte und das kulturelle Erbe der russischen Literatur bereichert. Sie sind für jeden Sucher der Wahrheit wichtig, da sie ihn zur geistigen Welt der russischen Klassik und zur eigenen Seele führen.

Б.К.Зайцев. Фотография с пометой: «17 августа 1902 г. (Студент Московского Университета)». Снимок с фотографии опубликован в книге *«Напиши мне в альбом...» Беседы с Н.Б.Соллогуб в Бюсси-ан-от»* (Москва, Русский путь, 2004). Автор-составитель: О.А.Ростова.

Государственный архив Орловской области (ГАОО) предоставил редкие документы.

Город Орел столь же неказист и ненаряден, как окружающая его страна. Ока здесь еще мала. Нет живописного нагорного берега, как в Калуге. Нет леса церквей, дальних заречных видов. Разумеется, есть собор и городской сад. Вблизи Левашовой горы Болховская, прорезающая весь город, да Дворянская, где жила Лиза Калитина.[1]

Борис Зайцев. Жизнь Тургенева.

Общий вид 3-й части Орла, где родился Б.К.Зайцев.
Открытка начала XX в.

Орел – город, где я родился и провел первый год своей жизни.
Из письма Б.К.Зайцева к Л.Н.Афонину от 3 сент. 1966г.[2]

Фотографии архивных документов взяты из книги Евгения Зайцева «Русский писатель земли калужской» (Калуга, 2004).

Адрес-календарь Орловской губернии. Орел, 1888г. Канцелярия губернатора.

б) Отдѣленіе врачебное. Врачебный инспекторъ, д. с. с., докт. мед. Іоак. Богд. Шерандъ,—Верхн. Дворянск. соб. д. Помощникъ инспектора, с. с. Ант. Викент. Шеляховскій. (*) Сверхштатный врачъ Мих. Ник. Зайцевъ. Старшій губернскій ветеринаръ, к. а. Мих. Ник. Шишкевичъ, младшій ветеринаръ, к. секр. Ал—ръ Матв. Кенигшацъ. Фармацевтъ, н. с. Карл. Ал—ров. Даннёнбергъ.

в) Отдѣленіе строительное. Губернскій инженеръ, с. с. Карл. Кржевскій,—Борисоглѣб, ул. д. Бруевича; Губернскій архитекторъ, н. с. Степ. Осип. Савицкій, —Воскрес. ул., д. Котомина; Младшій инженеръ, к. секр. Мих. Мих. Пухальскій. Младшій архитекторъ, н. с. Карл. Фед. Гросманъ.

Присутственные места, где служил М.Н.Зайцев. Орел.

Из архивов писателя.
По материалам книги Евгения Зайцева «Русский писатель земли калужской».

142

111

Дело о доставлении земскими управами списка лиц, занимающих в городских и земских учреждениях должности не ниже VIII класса. 1893г. 15

Списокъ лицамъ, занимающимъ по земскимъ учрежденiямъ Болховскаго уѣзда должности не ниже VIII класса

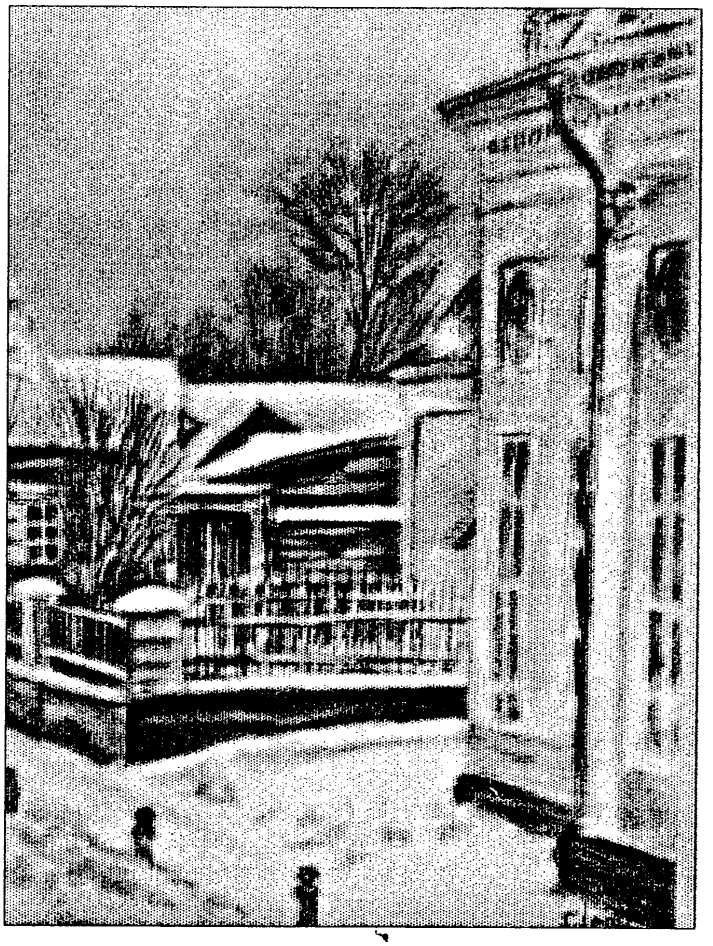
Наименованiе должностей и лицъ.	Классы по должности
Председатель Уѣздной Земской Управы Титулярный Совѣтникъ Андрей Андреевичъ Деревицкой	VI.
Членъ Уѣздной Земской Управы отставной канцелярскiй служитель Владимiръ Николаевичъ Зайцевъ	VII.
Членъ Уѣздной Земской Управы отставной унтеръ офицеръ Никита Петровичъ Федотовъ	VII.

Председатель А. Деревицкой.

Секретарь С. [illegible]

Из архивов писателя.

По материалам книги Евгения Зайцева «Русский писатель земли калужской».

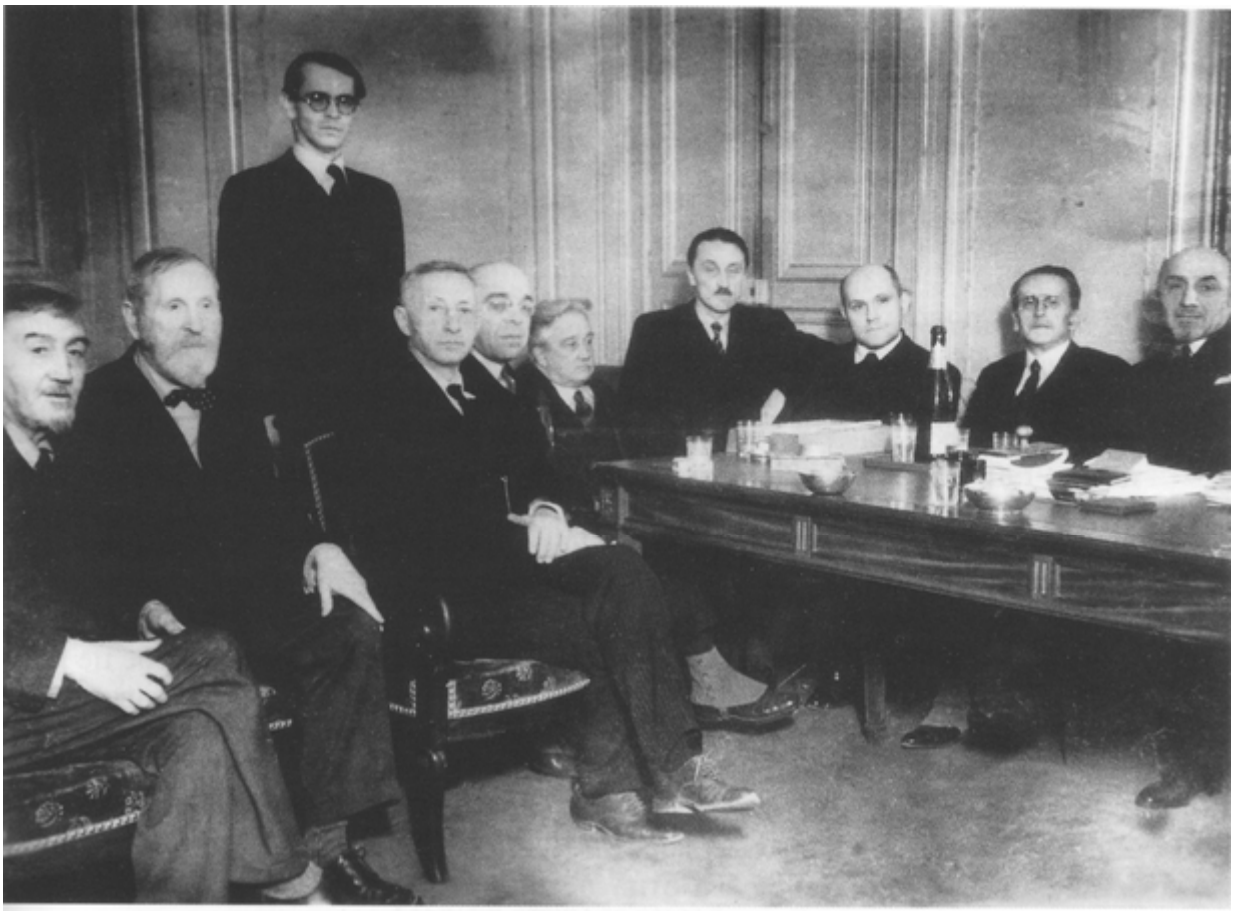


На акварели Бориса Зайцева, написанной им в 1898 году, изображен уголок Георгиевского переулка в Калуге (ул. Декабристов): православный храм Георгия за лавками, за ним — домик любимого учителя писателя Александра Георгиевича Арефьева, преподававшего математику в Калужском казенном реальном училище.

Материалы из книги *«Напиши мне в альбом...». Беседы с Н.Б.Соллогуб в Бюсси-ан-от»* (Москва, Русский путь, 2004). Автор-составитель: О.А.Ростова.

Здѣсь топятъ углемъ и растапливаютъ щеточками — ligots. Надняхъ среди своихъ лигощекъ я встрѣтилъ одну, въ бѣломъ. Боже мой, береза! Бѣлая кора съ коричневыми черточками, съ оборванной, тончайшей кожицей — всегда она трепещетъ, нѣжно дрожитъ въ вѣтеркѣ — Россія. Зачѣмъ-же Западу береза, это наше дерево, тутъ каштаны, вязы, дубы, буки и платаны, а береза наша. Она обликъ чистоты и скромной непорочности, бѣдности и

Страницы альбома Н.Зайцевой. Запись Б.К.Зайцева.
Материалы из книги *«Напиши мне в альбом...». Беседы с Н.Б.Соллогуб в Бюсси-ан-от»* *(Москва, Русский путь, 2004)*.



В редакции «Возрождения». А.И. Куприн, А.А. Плещеев, В.Ф. Ходасевич, И.А. Бунин, Э.П. Гукасов, С.В. Яблоновский, Б.К. Зайцев, И.С. Лукаш, М.В. Бернацкий, А.О. Гукасов. Париж. 1933

Снимок с фотографии опубликован в книге *«Напиши мне в альбом...» Беседы с Н.Б.Соллогуб в Бюсси-ан-от»* (Москва, Русский путь, 2004). Автор-составитель: О.А.Ростова.

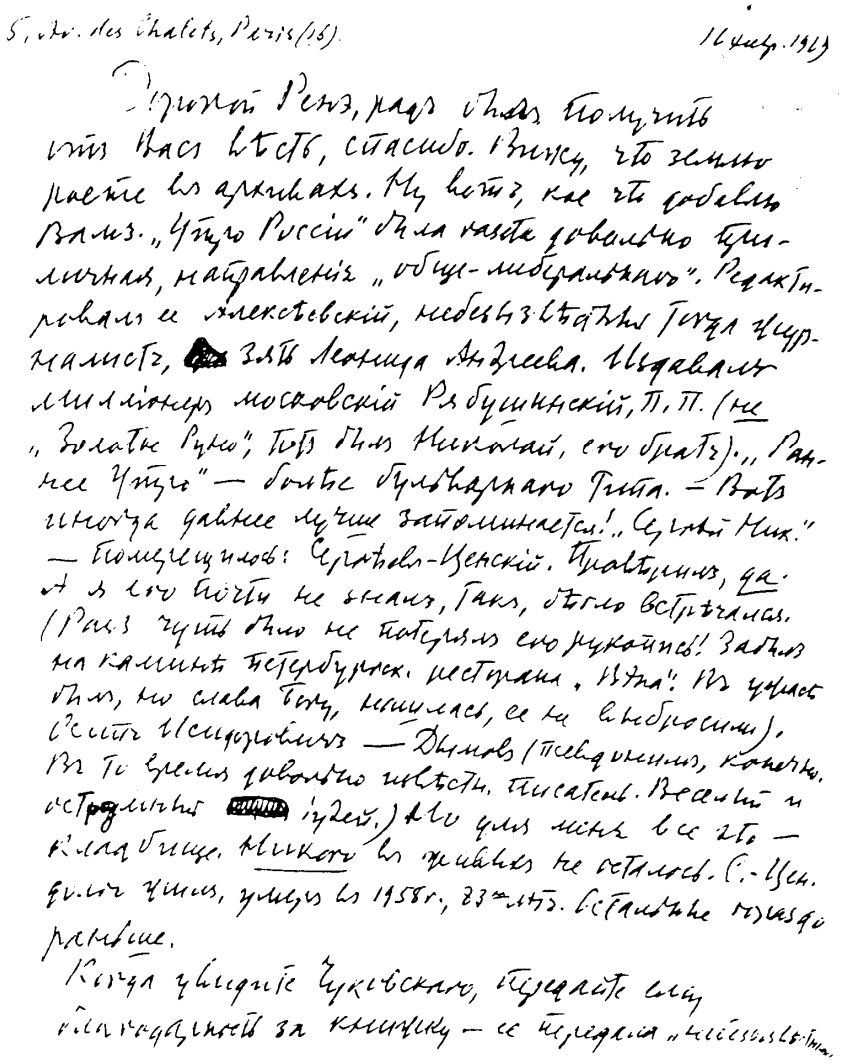
Кабинет Б.К. Зайцева в доме на ул. Фремикур. Фотографии 1990-х гг.

Снимки с фотографии опубликованы в книге *«Напиши мне в альбом...» Беседы с Н.Б.Соллогуб в Бюсси-ан-от»* (Москва, Русский путь, 2004). Автор-составитель: О.А.Ростова.

Portrait de Boris Zajcev par G. Annenkov, Paris, 1968.

Cliché J.-L. Charmet. © Collection R. Guerra.

Фотография из книги Р.Герра «Б.К.Зайцев: Библиография», вышедшей под редакцией Т.А.Осоргиной в Париже (1982).



Lettre de Boris Zajcev à René Guerra, Paris – Moscou, 16 février 1969.

Cliché J.-L. Charmet. © Collection R. Guerra.

Письмо Б.К.Зайцева к Р.Герра из его книги «Б.К.Зайцев: Библиография» (Париж, 1982).

Paris, 1967.

Cliché J.-L. Charmet.

Paris, 1971.

© Collection R. Guerra.

Фотографии из книги Р.Герра «Б.К.Зайцев: Библиография», вышедшей под редакцией Т.А.Осоргиной в Париже (1982).

Lebenslauf

Name
Elena Miglbauer
Geburtsdatum: 29.03.1963
Geburtsort: Moskau

Familienstand
Verheiratet mit Österreicher

Schulbildung
1970-1980 Mittelschule in Moskau. Schwerpunkte: Geschichte.

Berufsausbildung:
1980-1985
Moskauer Staatliche pädagogische Institut (Universität). Fachrichtung: Russisch und Literatur (10 Semester Studium).
Fächer: Russisch (von der Altslawischen Sprache bis zur modernen Russisch), Dialektologie, Geschichte, Latein.
Literatur (von der Altrussischen bis zur moderne russische Literatur)
Ausländische Literatur (von Antikliteratur bis Literatur 20. Jahrhunderts), Englisch.
Pädagogik, Geschichte der Pädagogik, Philosophie, Psychologie, Unterrichtsmethoden in Russisch und Literatur, etc.
Diplom: Lehrerin (Russische Sprache und Literatur).

1985 -2000
Lehrtätigkeit an Mittelschulen in Moskau und St. Petersburg. Schwerpunkte der Schulen: Literatur, Sprachen.
Fächer: Russisch, Literatur und Weltkultur (Frei fach).

Umzug nach Österreich (Dezember 2000)

2001-2003
Deutsch als Fremdsprache.

2003-2004
Ausbildung zur pädagogischen Gesundheitsberaterin (für Lehrkräfte).
Computerkurse.

2005-2009
Seit Dezember 2005 - Lehrerin im Team (Arbeitgeber – Landeschulrat Linz).
Berufskurse für die Lehre am pädagogischen Institut des Bundes in Linz.

Seit 2009 – Studierende an der Universität Wien (Gleichstellung der Ausbildung).
Fachrichtung: Slawistik/Russisch.